

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ

Вестник Евразийской ассоциации
органов конституционного контроля

№ 1 (89), 2024

Астана

ISSN 29-60-2491

Председатель редакционной коллегии

УДАРЦЕВ Сергей Федорович

судья Конституционного Суда Республики Казахстан

Редакционная коллегия:

ГАРАДЖАЕВ Джейхун

судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ВОРОНОВИЧ Тадеуш Валентинович

судья Конституционного Суда Республики Беларусь

ВАГАРШЯН Артур Гришаевич

судья Конституционного Суда Республики Армения

БОБУКЕЕВА Меергуль Рыскулбековна

судья Конституционного Суда Кыргызской Республики

БУЯНДЭЛГЭР Батсухийн

судья Конституционного Суда Монголии

КОКОТОВ Александр Николаевич

судья Конституционного Суда Российской Федерации

ДЖАМШЕДЗОДА Джамшед Назаршо

судья Конституционного Суда Республики Таджикистан

ГАФУРОВ Аскаржон Бойисович

*заместитель Председателя Конституционного Суда
Республики Узбекистан*

СОДЕРЖАНИЕ

РЕШЕНИЯ (АКТЫ) ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики «О толковании некоторых положений статьи 1159 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики во взаимосвязи со статьей 1165 данного кодекса» от 28 июля 2022 года	7
Резюме Постановления Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики «О толковании статьи 453.10 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики» от 31 августа 2022 года	13

КЫРГЫЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Резюме решения Конституционного суда Кыргызской Республики от 17 января 2024 года по делу о проверке конституционности нормативного положения части 2 статьи 5, выраженного словами «за исключением случаев, предусмотренных статьей 6 настоящего Закона», и статьи 6 Закона Кыргызской Республики «О государственной поддержке кинематографии Кыргызской Республики»	20
Резюме решения Конституционного суда Кыргызской Республики от 31 января 2024 года по делу о проверке конституционности статьи 432 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики	21
Резюме решения Конституционного суда Кыргызской Республики от 21 февраля 2024 года по делу о проверке конституционности частей 1, 3 статьи 145, части 1 статьи 153 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики	22
Резюме решения Конституционного суда Кыргызской Республики от 6 марта 2024 года по делу о проверке конституционности части 8 статьи 110 Административно-процессуального кодекса Кыргызской Республики	25

РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ

Резюме Постановления Конституционного Суда Республики Армения от 11 апреля 2023 года по делу об определении вопроса соответствия Конституции пункта 7 части 1 статьи 39 Закона РА «О службе в полиции», пункта 8 части 1 статьи 43 Закона РА «О службе в органах национальной безопасности», пункта 3 части 1 статьи 8 Закона РА «О военной службе и статусе военнослужащего», части 5 статьи 6 Закона РА «О профессиональных союзах» на основании обращения Защитника прав человека Республики Армения	27
---	----

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 5 марта 2024 года № ПР-2/2024 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» 29

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН

Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 19 апреля 2024 года № 41-НП «Об официальном толковании пункта 1 статьи 25 и пункта 3 статьи 26 Конституции Республики Казахстан» 46

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Резюме Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2023 года № 52-П по делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 2221 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вичугского городского суда Ивановской области 60

Резюме Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2023 года № 54-П по делу о проверке конституционности пунктов «а», «в» части первой статьи 97, статей 99 и 100, частей первой и третьей статьи 102 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа 61

Резюме Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2024 года № 1-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б. 62

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2024 года № 4-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А.Балуковой и Ю.М.Чернигиной 63

Резюме Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 года №13-П по делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.И. Баскаковой 78

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ ОРГАНАХ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Закон Азербайджанской Республики от 14 июля 2023 года № 981-VIQD «О внесении изменения в Закон Азербайджанской Республики «О Конституционном суде» 80

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Исмаилов Р.Р. 81

Так ли централизована европейская модель конституционного контроля?

МОНГОЛИЯ

Буяндэлгэр Б. 96

Основные вопросы отношений между Конституционным Судом и Парламентом в Монголии

РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ

Вагаршян А.Г., Асатрян А.Л. 103

Проблемы теоретического понимания верховенства права и направления их научного исследования и решения

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

Миклашевич П.П. 110

Обновленная Конституция: Современное развитие конституционного контроля

РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН

Эльназаров Д. Х. 118

Некоторые историко-правовые аспекты становления конституционной юстиции в Республике Таджикистан

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Ултургашев П.Ю. 127

О юридической природе института особого мнения судьи

ИНФОРМАЦИЯ О МЕРОПРИЯТИЯХ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Семинар в Республике Армения на тему «Независимость судей, дисциплинарная ответственность и судебный контроль» (15-16 декабря 2023) 140

Конституционный суд Кыргызской Республики и Евразийский экономический Суд укрепляют сотрудничество в историческом официальном визите (27 февраля 2024) 141

Международная конференция, посвященная 30-летию Конституционного Суда Республики Беларусь (4 апреля 2024 года) 142

В Конституционном Суде Республики Казахстан обсудили особенности европейской модели конституционного правосудия (5 апреля 2024 года) 143

Конституционный Суд Республики Казахстан посетили зарубежные ученые (24 апреля 2024 года)	144
Встреча Конституционного Суда Республики Казахстан с представителями УВКПЧ ООН (25 апреля 2024 года)	145
В Конституционном Суде Азербайджанской Республики состоялась научно-теоретическая конференция, посвященная 101-й годовщине со дня рождения великого лидера Гейдара Алиева (3 мая 2024 года)	146
Судьи Конституционного Суда Российской Федерации приняли участие в Саммите верховных и конституционных судов государств-членов «Большой двадцатки» (12-14 мая 2024 года)	149
Тренинг о доступе к конституционному правосудию в Республике Узбекистан (27-29 мая 2024 года)	150
Конституционный Суд Республики Казахстан и Генеральная прокуратура Республики Казахстан обсудили вопросы усиления прокурорского надзора за исполнением решений органа конституционного контроля (29 мая 2024 года)	151
Конституция Республики Казахстан впервые издана на алфавите Брайля (6 июня 2024 года)	153
Конституционный суд Кыргызской Республики и представители вузов страны обсудили аспекты реального сотрудничества по совершенствованию подготовки и повышению квалификации юристов, государственных, муниципальных служащих в части применения ими конституционных норм и принципов (7 июня 2024 года)	154
Научно-консультативный совет Конституционного Суда Республики Казахстан обсудил вопросы конституционных гарантий защиты права собственности (7 июня 2024 года)	156
Представители Конституционного суда Республики Узбекистан посетили Федеративную Республику Германию (9-14 июня 2024 года)	157
Конституционный суд Кыргызской Республики и Всемирный банк обсудили внедрение электронного судопроизводства (13 июня 2024 года)	158
В Конституционном Суде Российской Федерации прошла Международная конференция «Защита прав и конституционный контроль» (26 июня 2024 года)	159
Рабочая встреча Евразийской ассоциации органов конституционного контроля (26 июня 2024 года)	161

КНИГИ И ДИССЕРТАЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Республика Беларусь	163
Российская Федерация	163

**РЕШЕНИЯ (АКТЫ) ОРГАНОВ
КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ** **Азербайджанская Республика****ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПЛЕНУМА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
О толковании некоторых положений статьи 1159
Гражданского кодекса Азербайджанской Республики
во взаимосвязи со статьей 1165 данного кодекса****28 июля 2022 года****город Баку**

Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики в составе Фархада Абдуллаева (председатель), Соны Салмановой (судья-докладчик), Умай Эфендиевой, Ровшана Исмаилова, Джейхуна Гараджаева, Рафаэля Гваладзе, Махира Мурадова, Исы Наджафова и Камрана Шафиева,

с участием секретаря суда Фараида Алиева,
в соответствии с частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 27.2 и 33 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде» и статьей 39 Внутреннего устава Конституционного Суда Азербайджанской Республики, на основании обращения Бакинского апелляционного суда рассмотрел в судебном заседании, проведенном в порядке письменной процедуры особого конституционного производства, конституционное дело о толковании некоторых положений статьи 1159 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики во взаимосвязи со статьей 1165 данного кодекса.

Изучив и обсудив доклад судьи С.Салмановой по делу, суждения представителей заинтересованных субъектов – судьи Бакинского апелляционного суда И.Ширинова и заведующего отделом экономического законодательства Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики М.Базыгова, в качестве специалистов – Президиума Коллегии адвокатов Азербайджанской Республики, Верховного Суда Азербайджанской Республики, эксперта- доцента кафедры гражданского права юридического факультета Бакинского государственного университета, доктора философии по праву С.Сулейманлы и материалы дела, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

установил:

Бакинский апелляционный суд обратился в Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее – Конституционный Суд) с просьбой дать толкование некоторых положений статьи 1159.5 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики (далее – Гражданский кодекс) во взаимосвязи со статьей 1165 данного кодекса.

Из заявления и приложенных к нему документов следует, что в письме нотариального офиса № 14 города Баку от 31 мая 2021 года А.Тагиеву было отказано в выдаче свидетельства о праве на наследство в связи с непредставлением документа, подтверждающего родственные отношения с наследодателем, после чего он обратился в суд с заявлением об установлении фактов, представляющих юридическое значение.

А. Тагиев указал в заявлении, что его близкая родственница С.Алиева скончалась 28 февраля 2021 года в городе Баку. Наследодательница является внучкой его дяди, других наследников нет. А.Тагиев просил суд принять решение о признании его отца, М.Тагиева, умершего в 1986 году, братом умершего в 1968 году Б.Тагиева – деда наследодателя С.Алиевой, а также установлении юридически значимых фактов о принятии имущества, доставшегося в наследство от С.Алиевой.

Решением Наримановского районного суда города Баку от 21 октября 2021 года заявление А.Тагиева не было удовлетворено по причине непредставления достаточных доказательств.

Заявитель, подав апелляционную жалобу на решение, сослался на имевшее место отсутствие полного и всестороннего исследования доказательств при рассмотрении дела судом, нарушение норм материального и процессуального права. В ходе рассмотрения гражданской коллегией Бакинского апелляционного суда апелляционной жалобы на данное решение были выявлены различные подходы к этому вопросу.

Согласно одному из существующих подходов, поскольку заявитель не принадлежит ни к одной из групп, предусмотренных статьей 1159 Гражданского кодекса, признание его наследником по закону не представляется возможным. На основании другого подхода установление пяти очередей наследования по закону не является основанием для исключения других родственников, не принадлежащих ни к одной из этих очередей. Так, в случае отсутствия наследников первых пяти очередей по закону наследниками могут стать также родственники наследодателя после пятой очереди, при этом никакой очереди и последовательности не предусмотрено и исключение права наследования для других родственников приведет к неравенству и несправедливости.

Обратившийся считает, что тогда, как в случае смерти заявителя по данному делу, внучка дяди С.Алиева могла бы стать его наследницей, отсутствие у него (А.Тагиева) возможности стать наследником в качестве сына брата деда может создать неопределенность и привести к нарушению равноправия.

На основании вышеуказанного, гражданская коллегия Бакинского апелляционного суда пришла к выводу о необходимости толкования Конституционным Судом соответствующих статей Гражданского кодекса, регулирующих отношения, связанные с очередностью в наследовании по закону круга наследников, относящихся к соответствующей очереди, как материально-правовой нормы, подлежащей применению по делу, а также переходом имущества, не имеющего наследников к государству.

В связи с обращением Пленум Конституционного Суда считает важным отметить следующее.

Право наследования, гарантированное частью VII статьи 29 Конституции, предусматривает оставление наследства, то есть, с одной стороны, возможность составлять завещание, а с другой, – являясь наследником, принять наследство и владеть им. Как следует из содержания статьи, данной нормой дается конституционная гарантия защиты тех и других интересов с правовой точки зрения. Во-первых, наследодателю предоставляется юридическая гарантия того, что его имущество останется близким ему лицам, а во-вторых, наследственное имущество, оставшееся от наследодателя, будет унаследовано его близкими.

Право наследования предполагает переход имущества и иных материальных благ, приобретенных собственником при жизни, после его смерти к наследникам, определенным в соответствии с его волей, в случае же отсутствия выражения воли – к установленным законом наследникам. Посредством данного института гражданского права защищаются интересы наследодателя, его кредиторов, а также наследников, создаются условия для реализации намерения наследодателя относительно судьбы имущества, тем самым обеспечиваются сохранение и развитие надежных и здоровых семейных отношений. Отмеченные факты служат цели как защиты личности, так и обеспечения общественных интересов, обуславливая тем самым обязательность правовых норм наследования, то есть императивность определенного регулирования со стороны законодателя.

Согласно статье 1133 Гражданского кодекса имущество умершего лица (наследодателя) переходит к другим лицам (наследникам) в силу закона либо завещания, либо по обоим основаниям. Наследование по закону (переход имущества умершего к лицам, указанным в законе) наступает в том случае, если наследодатель не оставит завещания либо завещание полностью или частично признано недействительным.

На основании сформированной Пленумом Конституционного Суда правовой позиции относительно наследования по закону, преобладание интересов членов семьи вытекает из принципа семейного благополучия, лежащего в основе права наследования. Этот принцип предусматривает преобладание интересов лиц, связанных с наследодателем близким родством (дети, муж, жена, родители), над интересами других лиц в целях благополучия семьи, являющейся ячейкой гражданского общества. Согласно логике принципа семейного благополучия, право распоряжения имуществом (определенной частью имущества), принадлежащим собственнику при жизни, после его смерти должно принадлежать близким членам его семьи. При наследовании по закону данный принцип проявляет себя в правилах очередности, наследственной трансмиссии и служит для получения наследства кругом более близких лиц (Постановление «О проверке соответствия статьи 1193 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики частям I и II статьи 13, частям I, II и III статьи 29 Конституции Азербайджанской Республики» от 20 октября 2011 года).

При наследовании по закону наследниками могут быть лица, находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя, а также дети, родившиеся после смерти наследодателя. Круг лиц, считающихся наследниками по закону, и очередность наследования установлены статьей 1159 Гражданского кодекса. В данной статье предусмотрены пять очередей наследования. К этим лицам относятся дети, муж (жена), братья и сестры, бабушки и дедушки, умершего и другие категории лиц. Указанные лица в той или иной степени состоят в родственных отношениях с наследодателем.

Как уже отмечалось, наследники по закону призываются последовательно, в порядке очередности, установленной для наследования. При этом в качестве основного критерия предусмотрен факт близкого родства наследника с наследодателем, что приведено в соответствие со степенью близости отдельных групп наследников с наследодателем. Так, при определении данного круга последовательно учитывались факторы, в первую очередь, членства в семье, затем – близкого родства, далее – родства.

Таким образом, закрепление в законе наследования по пяти очередям между родственниками с точки зрения их близости к наследодателю регулирует возможность принятия наследства наследниками следующей очереди только при отсутствии наследников предыдущей очереди, иными словами, последовательность среди родственников с точки зрения их близости к наследодателю при наследовании.

Следует отметить, что в отличие от предыдущего Гражданского кодекса, в новом Гражданском кодексе законодатель, расширив очередность наследования, увеличил ее с двух до пяти очередей наследников. Это отвечает интересам наследодателя, преследует цель исключения возможности перехода имущества в статус имущества, не имеющего наследников.

К наследникам последней, то есть пятой очереди, предусмотренной статьей 1159 Гражданского кодекса, относятся дети дядей и тетей со стороны как отца, так и матери, а если их нет в живых – дети детей. Для призыва указанных лиц к наследованию в качестве наследников пятой очереди необходимы отсутствие наследников другой предыдущей очереди, непринятие ими наследства, отказ от наследства или лишение права наследования.

В соответствии со статьей 1160 Гражданского кодекса существование хотя бы одного из наследников предыдущей очереди исключает наследование последующей очереди.

Статья 1165 данного кодекса устанавливает, что имущество, не имеющее наследников, переходит в казну. Согласно этой статье, если отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию, либо наследство не принято ни одним из наследников, либо все наследники лишены права на наследство, имущество, не имеющее наследников, переходит к государству; если лицо, оставившее наследство, находилось на обеспечении учреждений социального обслуживания для престарелых и инвали-

дов, лечебных, воспитательных учреждений и учреждений социального обеспечения, наследство переходит в собственность этих учреждений. Как видно, государство может являться носителем права на наследство в качестве наследника как по закону, так и по завещанию.

Взаимосвязанный анализ указанных статей показывает, что законодателем конкретно установлен круг наследников по закону, то есть лиц, указанных в законе в качестве правопреемников наследодателя. В отличие от наследования по завещанию круг лиц, имеющих право на получение наследственного имущества при наследовании по закону, а также размер доли, причитающейся им из наследственного имущества, строго и точно закреплены именно законом, а не волей наследодателя. В этом контексте следует иметь в виду, что поскольку в законодательстве предусмотрен определенный предел наследования, то есть ограниченный круг лиц, состоящих в родственных отношениях с наследодателем и призываемых к наследованию, лица, оставшиеся вне данного предела, не могут считаться наследниками. Таким образом, гражданское законодательство ограничивает круг лиц, которые могут являться наследниками по закону, пятью очередями и исключает возможность того, что наследниками по закону станут другие родственники наследодателя, не входящие в очередность, установленную статьей 1159 Гражданского кодекса.

Как указано в обращении, неограниченность круга наследников по закону, противоречит выражению «наследник по закону», создает серьезную путаницу с точки зрения установления наследников и доли наследства, ответственности по обязательствам наследодателя, установления последовательности родственников, относящихся к последующей очереди, и других обстоятельств, приводя таким образом к неопределенности. Так, выражение «наследник по закону», имея в виду именно наследников «указанных в законе», включает границы и пределы круга наследников.

Кроме того, при рассмотрении норм наследственного права очевидно, что важное значение представляют принципы наследственного права, определяющие социально - экономическую сущность наследования, его правовое содержание и характер правового регулирования. Эти принципы, составляя основу наследственного права, являются основными идеями и руководящими началами, выраженными в правовых нормах, регулирующих наследственные отношения, возникающие в связи с переходом имущества лица в результате его смерти к другим лицам (наследникам). Правовое регулирование наследования осуществляется именно посредством данных принципов. К принципам наследственного права относятся такие принципы, как свобода завещания, защита наследства, очередность, защита интересов семьи, равенство долей наследства, переход наследственного имущества к государству по наследственному праву. В числе данных принципов, нашедших отражение в нормах, связанных с наследованием, в теории гражданского права и гражданском законодательстве, именно такие правила, как очередность, защита инте-

ресов семьи, переход наследственного имущества к государству, проявляются в институте наследования по закону.

Один из поставленных в обращении вопросов, связан с тем, что тогда как в случае смерти заявителя внука дяди С. Алиева могла бы стать его наследницей, а он в нынешней ситуации не может стать наследником внуки дяди в качестве сына брата деда.

В связи с этим следует отметить, что при рассмотрении норм гражданского законодательства, касающихся наследования, наблюдается то, что в случае наследования по закону закреплена возможность наследования по закону конкретно установленным кругом лиц (родственников) не в отношении наследника, а именно в отношении наследодателя.

На основании вышеизложенного Пленум Конституционного Суда приходит к такому выводу, что согласно действующему законодательству в качестве наследников по закону могут выступать лица, круг которых конкретно определен законом только в отношении наследодателя. Однако в целях обеспечения взаимного наследования, в том числе права собственности нормами наследственного права, в дальнейшем законодательный орган, может расширив очередность наследования, рассмотреть возможность родственников наследодателя по другим боковым линиям (детей матери и отца бабушки и дедушки, то есть братьев и сестер бабушки и дедушки и пр.) тоже стать наследниками.

Пленум Конституционного Суда подчеркивая также важность соблюдения процессуальных правил рассмотрения в суде споров, связанных с наследственными правоотношениями, отмечает, что при предъявлении иска в связи с долей в наследстве, наличие документов, подтверждающих принадлежность истца к кругу лиц, имеющих право на наследство, препятствует необоснованному затягиванию данных споров.

Таким образом, согласно смыслу статей 1291, 1321.1 и 1325 Гражданского кодекса при отсутствии между наследниками спора по поводу круга наследников, наследственной массы, объема долей, а также раздела наследства выдача наследникам, обратившимся в связи с принятием наследства, свидетельства, служащего подтверждением признания или оформления данных фактов, является обязательным (постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики «О толковании статей 1291 и 1321.1 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики во взаимосвязи со статьей 24.1 Гражданско-процессуального кодекса Азербайджанской Республики» от 26 июля 2021 года).

В случае, недостижения между наследниками соглашения, в целях установления круга лиц, имеющих право на наследство, и доли наследства, после рассмотрения в первую очередь в порядке особого производства дел об установлении факта принятия наследства и места открытия наследства или таких юридически значимых фактов, как родственные отношения лиц, в порядке общего искового производства могут быть рассмотрены вопросы, связанные с разделом наследственного имущества.

В то же время следует учесть, что на основании статьи 306.4 Гражданско-процессуального кодекса Азербайджанской Республики,

если при рассмотрении дел в порядке особого производства возникает спор о праве, подведомственный судам, суд оставляет заявление без рассмотрения и разъясняет заинтересованным лицам, что они вправе предъявить иск на общих основаниях.

На основании вышеизложенного, Пленум Конституционного Суда приходит к следующему выводу:

Согласно смыслу статьи 1159 Гражданского кодекса, в качестве наследников могут выступать только лица, по соответствующей степени родства с наследодателем входящие в установленную законом очередность наследования.

Руководствуясь частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 60, 62, 63, 65-67 и 69 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде», Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

1. Согласно смыслу статьи 1159 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики, в качестве наследников могут выступать только лица, по соответствующей степени родства с наследодателем входящие в установленную законом очередность наследования.

2. Постановление вступает в силу со дня опубликования.

3. Постановление опубликовать в официальных государственных газетах Азербайджанской Республики и «Вестнике Конституционного Суда Азербайджанской Республики», а также разместить на официальном интернет-сайте Конституционного Суда Азербайджанской Республики.

4. Постановление является окончательным и не может быть отменено, изменено или официально истолковано ни одним органом или лицом.

Председатель

Фархад Абдуллаев

**РЕЗЮМЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
ПЛЕНУМА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**О толковании статьи 453.10 Уголовно-процессуального
кодекса Азербайджанской Республики**

31 августа 2022 года

город Баку

Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики в составе Фархада Абдуллаева (председатель), Соны Салмановой, Умай Эфендиевой, Ровшана Исмаилова (судья-докладчик), Джейхуна Гараджаева, Рафаэля Гваладзе, Маира Мурадова, Исы Наджафова и Камрана Шафиева,

с участием секретаря суда Фараида Алиева,

в соответствии с частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 27.2 и 33 Закона Азербайджанской Республики

«О Конституционном Суде» и статьей 39 Внутреннего Устава Конституционного Суда Азербайджанской Республики на основании обращения Насиминского Районного Суда города Баку рассмотрел в судебном заседании, проведенном в порядке письменной процедуры особого конституционного производства, конституционное дело о толковании статьи 453.10 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики.

Изучив и обсудив доклад судьи Р.Исмаилова по делу, суждения представителей заинтересованных субъектов – судьи Насиминского Районного Суда города Баку Б.Панахова и заведующего отделом государственного строительства, административного и военного законодательства Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики Х.М.Сеида, специалистов – председателя Уголовной Коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики Г.Насибова, судьи Бакинского Апелляционного Суда И.Ибрагимли, начальника управления правового обеспечения и вопросов по правам человека Генеральной прокуратуры А.Османовой, члена Президиума Коллегии адвокатов Азербайджанской Республики Ф.Гасанова, эксперта - заведующего кафедрой уголовного процесса юридического факультета Бакинского Государственного Университета, доктора юридических наук, профессора Ф.Аббасовой и материалы дела, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

установил:

Насиминский районный Суд города Баку обратился в Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее – Конституционный Суд) с просьбой дать толкование статей 65.1, 122, 449 и 453.10 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики (далее – Уголовно-процессуальный кодекс) в их взаимосвязи.

Из обращения и приложенных к нему документов следует, что Ю.Юсупова обратилась 17 января 2022 года в Насиминский Районный Суд города Баку с просьбой об отмене решения «Об отказе в возбуждении уголовного дела», принятого 12 октября 2021 года старшим следователем прокуратуры Насиминского Района города Баку И.Сеидовым, и принятии в отношении его специального решения.

Законность данного решения ранее оспаривалась заявителем, постановлением Насиминского Районного Суда города Баку от 17 декабря 2021 года жалоба не была удовлетворена, и решение признано законным. Постановлением Уголовной Коллегии Бакинского апелляционного суда от 30 декабря 2021 года решение суда первой инстанции было оставлено без изменения.

С учетом преюдициального значения процессуальных решений, хотя жалоба Ю.Юсуповой от 17 января 2022 года была возвращена решением Насиминского Районного Суда города Баку от 23 февраля 2022 года, тем не менее постановлением Уголовной Коллегии Бакинского апелляционного суда от 11 марта 2022 года решение суда

первой инстанции было отменено, жалоба принята к производству и направлена в данный суд для рассмотрения.

Суд апелляционной инстанции обосновал свой вывод тем, что, поскольку статья 449 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает обжалование в порядке судебного надзора действий полномочных лиц органа, осуществляющего уголовный процесс, то суд первой инстанции обязан рассмотреть в порядке судебного надзора жалобу по существу, пригласить на судебное заседание и допросить лицо, подавшее жалобу, и представителя органа, решение которого подлежит обжалованию.

Обратившийся также указал, что Ю.Юсупова неоднократно обращалась в суд по одному и тому же вопросу, решениями Насиминского районного суда города Баку от 13 января, 18 января, 21 января, 2 февраля и 25 февраля 2022 года к этим обращениям было выражено одинаковое отношение. Постановлениями Уголовной коллегии Бакинского апелляционного суда данные решения соответственно были оставлены без изменения.

Обратившийся пришел к такому выводу, что наличие вступившего в законную силу заключительного судебного акта в связи с решением органа предварительного следствия, законность которого оспаривается путем обжалования в порядке судебного надзора, уже не допускает повторного рассмотрения данного вопроса.

В связи с разногласиями в судебной практике Насиминский районный суд города Баку принял решение обратиться в Конституционный Суд с целью внесения ясности в упомянутый вопрос с точки зрения предупреждения совершения злоупотреблений правами, обеспечения нормальной деятельности судебных органов, формирования единой судебной практики, единообразного применения законодательства и обеспечения тем самым принципа правовой определенности.

Пленум Конституционного Суда, в связи с данным обращением, в первую очередь, отмечает, что в ряде постановлений Пленума говорится о том, что в судебной практике должен быть сохранен принцип *res judicata* (уже разрешенное дело). Вступившее в законную силу решение суда не подлежит повторному оспариванию.

Так, в Постановлении по жалобе С.Теймуровой от 13 июля 2009 года было отмечено, что рассмотрение дел с соблюдением норм материального и процессуального законодательства во всех судебных инстанциях, составляя правовую основу законности и справедливости принятых по существу судебных актов, исключает сомнение в них.

Вместе с тем в Постановлении Пленума Конституционного Суда по жалобе Дж.Исмаилзаде от 6 июня 2014 года указано, что основным фактором правовой определенности является отсутствие у какой-либо из сторон возможности требовать повторного рассмотрения вступившего в законную силу окончательного решения суда с целью проведения нового судебного разбирательства по данному делу и принятия нового решения.

Следует отметить, что на основании практики Европейского суда по правам человека (далее – Европейский суд), принцип правовой

определенности проявляется в различных формах и контекстах, в том числе в требовании не подвергать сомнению постановления суда, завершившие решение спорного вопроса.

Данный аспект правовой определенности, как правило, требует соблюдения принципа *res judicata* в отношении судебных решений. Этот принцип, в свою очередь, обеспечивая окончательность судебных решений и права участников процесса, в том числе лиц, выступающих в качестве потерпевших по делу, создает условия для стабильности судебной системы, повышения доверия общества к судебной власти (Решение Большой палаты Европейского Суда по делу *Guðmundur Andri Ástráðsson* против Исландии § 238 от 1 декабря 2020 года).

Следует отметить, что *res judicata* – это принцип, применимый ко всем видам судопроизводства. Вступление в законную силу постановления суда, разрешающего спорный вопрос по существу (т. е. приобретающего силу *res judicata*), влечет за собой важные последствия для судебного процесса.

Во-первых, решение суда, вступившее в законную силу, уже является обязательным, то есть выводы, сделанные в нем по конкретным фактам, имеют обязательную силу для соответствующих субъектов. Именно это выражает понятие «законная сила решения», означающее, что решение суда приобретает силу закона для конкретного дела или же, равно как и закон, является обязательным.

Презумпция истинности судебного решения, вступившего в законную силу (*res judicata pro veritate habetur*), также связана с обязательностью судебного решения. То есть официально подвергать сомнению содержание вступившего в законную силу решения, отказ от его исполнения не допускается.

Следует отметить, что презумпция истинности решения суда, вступившего в законную силу, может быть и опровергнута, так как возможна его отмена в порядке дополнительной кассации или расследования по вновь открывшимся обстоятельствам (в зависимости от наличия соответствующих инстанций в той или иной форме судебного процесса). Вместе с тем следует подчеркнуть, что нестабильность судебных решений, вступивших в законную силу, противоречит конституционному принципу правовой определенности и ведет к нестабильности правовой системы в целом. Поэтому отмену судебных решений, вступивших в законную силу, следует рассматривать как исключительную меру.

Во-вторых, вступление постановления суда в законную силу исключает повторение процесса по фактам, разрешенным данным постановлением. Этот результат может проявляться как в позитивном, так и в негативном смысле. В позитивном смысле решение суда, вступившее в законную силу, имеет преюдициальный эффект.

Преюдиция предусматривает освобождение от необходимости повторного доказывания обстоятельств, относящихся к предмету доказывания по ранее рассмотренному делу и установленных вступившим в законную силу решением суда. Следует учесть, что для признания

преюдициального значения вступивших в силу судебных решений необходимо установить совокупность объективных и субъективных пределов преюдициальности (Постановление Пленума Конституционного Суда «О толковании статьи 142 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики» от 8 января 2020 года).

А в негативном отношении вступившее в законную силу решение суда создает преклюзивный эффект (*exceptio rei judicatae*). Иными словами, применение положения *res judicata*, как правило, исключает повторное судопроизводство по спору, разрешенному ранее вступившим в законную силу постановлением суда.

Следует отметить, что применение правила *res judicata* к судебному решению в науке и практике процессуального права большинства стран, входящих в романо-германскую правовую систему, характеризуется также вступлением данного решения в силу в формальном и материальном смысле.

В формальном смысле о *res judicata* можно говорить при невозможности оспаривания (опротестования) в рамках одного и того же процесса принятого судебного решения, к примеру при истечении срока обжалования судебного решения или отзыве поданной жалобы (принесенного протеста). Формальное вступление судебного решения в законную силу имеет два последствия: решение исполняется, и происходит его вступление в законную силу в материальном смысле (преклюзивный эффект).

Вступление решения суда в законную силу в материальном смысле относится к содержанию данного решения и свидетельствует о том, что факты, которые уже стали предметом процесса, уже завершившегося вынесением решения, больше не могут выступать в качестве предмета судебного процесса и, соответственно, судебного решения.

Правило о преклюзивном эффекте судебного решения отражено также в статье 453.10 Уголовно-процессуального кодекса. Согласно содержанию данной нормы, не допускается повторное рассмотрение судом апелляционной инстанции жалобы или протеста на постановление судьи, законность и обоснованность которого уже были проверены в порядке судебного контроля.

Судебный контроль в области уголовно-процессуального законодательства в основном осуществляет свои функциональные обязанности на этапе досудебного производства. Судебный контроль является одной из независимых форм судебной деятельности в рамках уголовного процесса, который служит предупреждению незаконного вмешательства в права и свободы человека и гражданина, восстановлению нарушенных прав в результате деятельности дознавателя, следователя или прокурора, осуществляющего процессуальное руководство предварительным расследованием (постановление Пленума Конституционного Суда от 12 февраля 2015 года «О толковании некоторых положений статей 137 и 445.2 Уголовно-процессуального Кодекса Азербайджанской Республики»).

Судебный контроль в рамках уголовного процесса осуществляется посредством реализации определенной системы процессуальных действий, позволяющих на том или ином этапе соответствующего процесса принять обоснованное и справедливое решение по рассматриваемому вопросу.

В Постановлении Пленума Конституционного Суда «О толковании статьи 449.2.3 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики» от 5 августа 2009 года говорится, что при исполнении судебного контроля суд в основном выполняет две задачи: обеспечение законности различных действий и принятых решений уполномоченными органами и должностными лицами; защита прав и свобод участников уголовного процесса (исключение необоснованных и незаконных ограничений, прекращение нарушения прав и их восстановление).

Статья 442.2 Уголовно-процессуального кодекса, определяя объект судебного контроля, указывает, что в порядке осуществления судебного контроля суд рассматривает: ходатайства и представления по вопросам принудительного проведения следственных действий, применения мер процессуального принуждения или осуществления оперативно-розыскных мер в связи с сообщениями об ограничении права каждого на свободу, неприкосновенность жилья, личную неприкосновенность, собственность, сохранение личной тайны (в том числе тайны семейной жизни, корреспонденции, телефонных переговоров, почтово-телеграфных и иных сообщений), а равно содержащими государственную, профессиональную или коммерческую тайну, а также жалобы по процессуальным действиям или постановлениям органа, осуществляющего уголовный процесс.

В соответствии с содержанием статьи 449.3.5 Уголовно-процессуального Кодекса в числе процессуальных действий и решений, подлежащих проверке в порядке судебного контроля, указано также постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Судебный контроль за законностью и обоснованностью решения об отказе в возбуждении уголовного дела, выполняя важную функцию по защите и восстановлению прав и законных интересов лиц, права которых нарушены или находятся под угрозой нарушения на этапе возбуждения уголовного дела, обеспечивает реализацию конституционного права на обращение в суд.

Сущность судебного контроля за законностью и обоснованностью решения об отказе в возбуждении уголовного дела заключается в том, что указанный контроль осуществляется независимым и беспристрастным органом судебной власти. Этот орган принимает свое обоснованное решение в результате объективной оценки фактических обстоятельств, лежащих в основе постановления, выступающего в качестве объекта контроля, таким образом обеспечиваются права и законные интересы лиц.

Результат судебного контроля за законностью и обоснованностью постановления об отказе в возбуждении уголовного дела выражается

в принятии обязательного для всех, законного, обоснованного и справедливого судебного решения. Данное решение обеспечивается государственным принуждением и выступает в качестве акта правосудия, в котором спорный вопрос решается по существу.

В этом контексте следует отметить, что, хотя статья 453.10 Уголовно-процессуального кодекса входит в число положений о проверке законности и обоснованности постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или об отказе от нее, тем не менее, закрепленный данной нормой порядок должен распространяться и на случаи обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Так, согласно содержанию статьи 454 Уголовно-процессуального кодекса обжалование или опротестование постановления судьи по вопросам проверки законности постановлений и действий органов, осуществляющих уголовный процесс, и проверка законности и обоснованности такого постановления осуществляются в порядке, предусмотренном статьями 452 и 453 настоящего кодекса. Игнорирование данной позиции законодателя, четко и ясно выраженной в статье 454 Уголовно-процессуального кодекса, в то же время может оставить соответствующие вопросы за пределами процессуального регулирования.

На основании вышеуказанного Пленум Конституционного Суда приходит к следующему выводу:

- С точки зрения требований статей 453.10 и 454 Уголовно-процессуального кодекса проверка судом апелляционной инстанции постановления судьи о законности и обоснованности решения об отказе в возбуждении уголовного дела исключает осуществление повторного судебного контроля по одним и тем же обстоятельствам.

Руководствуясь частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 60, 62, 63, 65-67 и 69 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде», Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

постановил:

1. С точки зрения требований статей 453.10 и 454 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики проверка судом апелляционной инстанции постановления судьи о законности и обоснованности решения об отказе в возбуждении уголовного дела исключает осуществление повторного судебного контроля по одним и тем же обстоятельствам.

2. Постановление вступает в силу со дня опубликования.

3. Постановление опубликовать в официальных государственных газетах и «Вестнике Конституционного Суда Азербайджанской Республики», а также разместить на официальном интернет-сайте Конституционного Суда Азербайджанской Республики.

4. Постановление является окончательным и не может быть отменено, изменено или официально истолковано ни одним органом или лицом.

Председатель

Фархад Абдуллаев

РЕЗЮМЕ

**РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
от 17 января 2024 года по делу о проверке конституционности
нормативного положения части 2 статьи 5,
выраженного словами «за исключением случаев,
предусмотренных статьей 6 настоящего Закона», и статьи 6
Закона Кыргызской Республики «О государственной поддержке
кинематографии Кыргызской Республики»**

17 января 2024 года

город Бишкек

17 января 2024 года Конституционный суд рассмотрел дело о проверке конституционности нормативного положения части 2 статьи 5, выраженного словами «за исключением случаев, предусмотренных статьей 6 настоящего Закона», и статьи 6 Закона Кыргызской Республики «О государственной поддержке кинематографии Кыргызской Республики» и признал их не противоречащими Конституции.

В своем Решении Конституционный суд отметил, что согласно Конституции, цензура в Кыргызской Республике не допускается. Средства массовой информации свободны и осуществляют свою деятельность в соответствии с законом (часть 2 статьи 10). Запрещается принятие законов, ограничивающих свободу слова, печати и средств массовой информации (часть 1 статьи 63).

Однако любое демократическое правовое государство нуждается в системе ценностных координат, запретов и ограничений, которые обеспечат внутреннюю и внешнюю безопасность страны, стабильность государства и политического строя, соблюдение прав, свобод и интересов каждого индивида и общества в целом.

Поэтому вышеприведенные конституционные запреты по своей правовой природе и смыслу не могут иметь абсолютный характер, что наглядно усматривается из содержания той же статьи Конституции, которая провозглашает недопустимость цензуры.

Так, в Кыргызской Республике в целях защиты подрастающего поколения мероприятия, противоречащие моральным и нравственным ценностям, общественному сознанию народа Кыргызской Республики, могут ограничиваться законом. Перечень мероприятий, подлежащих ограничению, и перечень ограничиваемой в доступе и распространении информации устанавливаются законом (части 4, 5 статьи 10 Конституции).

Запрещается пропаганда национальной, расовой, религиозной ненависти, гендерного и иного социального превосходства, призывающая к дискриминации, вражде или насилию (часть 4 статьи 32 Конституции).

Приведенные конституционные установления и их реализация в обозначенном Законе обусловлены тем, что продукты кинематографии имеют особое влияние на общество и каждого его члена, выступают важ-

ным фактором формирования общечеловеческих и культурных ценностей, отражаясь на процессе становления многих поколений.

Учитывая, что ограничения, введенные оспариваемым нормативным положением и нормой, не носят идеологической или же субкультурной направленности, не содержат размытых и неясных формулировок, а, наоборот, имеют четкие очертания и определенные способы регуляции, Конституционный суд рассматривает их содержание не как цензуру, а как допустимое и соразмерное ограничение свободы слова.

РЕЗЮМЕ
РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
от 31 января 2024 года по делу о проверке
конституционности статьи 432 Уголовно-процессуального
кодекса Кыргызской Республики

31 января 2024 года

город Бишкек

31 января 2024 года, Конституционный суд рассмотрел дело о проверке конституционности статьи 432 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК).

Согласно доводам заявителя, в оспариваемой норме отсутствует пункт, предусматривающий право осужденного обратиться с заявлением о зачете времени содержания под стражей, а также времени пребывания в лечебном учреждении, что приводит к нарушению конституционного права на обращение в суд.

В Решении Конституционного суда отмечено, что в соответствии с пунктом 8 части 1 статьи 354 УПК, сведения о зачете времени содержания под стражей, если обвиняемый до постановления приговора был задержан, или к нему применялись меры пресечения в виде заключения под стражей, домашнего ареста, или он помещался в психиатрическое учреждение должны быть указаны в резолютивной части обвинительного приговора. Именно резолютивная часть приговора содержит официальную волю суда, в частности, предписания, обязательные для исполнения. Поэтому имеет важное значение решение вопроса зачета времени содержания под стражей в момент вынесения приговора, судом его постановившим. Отступление от этого может расцениваться как нарушение норм и требований процессуального законодательства и привести к отмене судебного акта (статья 421 УПК).

Таким образом, законный и обоснованный приговор, надлежащим образом мотивированный судьей при его постановлении, является одним из важнейших правовых средств, способствующих укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения законов и уважения правил социального общежития.

Конституционный суд в своем Решении от 29 марта 2023 года отмечал, что основной целью системы уголовного правосудия является

стремление к реабилитации осужденного и сохранение уважительного отношения к каждому индивиду, защита его прав и интересов, а также обеспечение того, чтобы система уголовного правосудия стремилась к реабилитации и применению более мягких мер, а не просто суровому наказанию. В связи с чем законодателю было поручено, до приведения статьи 80 УК в соответствие с указанным Решением, срок содержания под стражей до вступления приговора в законную силу засчитывать из расчета один день под стражей за два дня лишения свободы. В соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 451 УПК признание Конституционным судом закона или иного нормативного правового акта либо их части, примененных судом в данном уголовном деле, неконституционными и противоречащими Конституции является основанием для возобновления производства по делу по новым обстоятельствам.

Это означает, что лица, отбывающие наказание, которым зачет времени содержания под стражей был осуществлен по правилам, действовавшим до признания Конституционным судом части 5 статьи 80 УК противоречащей Конституции, имеют право обратиться с ходатайством в суд, постановивший приговор, для пересмотра срока отбытия наказания по новым правилам учета времени содержания под стражей.

Соответственно, отказ в пересмотре судебного акта в части определения срока отбытия наказания по новым правилам судом по месту отбывания наказания, тогда как действующее правовое регулирование относит решение этого вопроса к полномочиям суда, постановившего приговор, а при нерешенности этого вопроса, — предоставляет возможность пересмотра судебного акта в этой части по новым обстоятельствам, не образует признаков ограничения конституционного права каждого на судебную защиту.

Таким образом, Конституционный суд, пришел к выводу, что статья 432 УПК не противоречит части 4 статьи 58, части 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

РЕЗЮМЕ

РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ от 21 февраля 2024 года по делу о проверке конституционности частей 1, 3 статьи 145, части 1 статьи 153 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики

21 февраля 2024 года

город Бишкек

21 февраля 2024 года Конституционный суд рассмотрел дело о проверке конституционности частей 1, 3 статьи 145, части 1 статьи 153 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК) и признал их не противоречащими Конституции.

В Решении отмечено, что право на судебную защиту, гарантированное частью 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики, обладая всеобъемлющим характером, способно выполнять обеспечительно-восстановительную функцию в отношении всех других прав че-

ловека и воздействовать на весь комплекс конституционных гарантий, потому требует к себе повышенного внимания со стороны государства.

В свою очередь, действенность и эффективность права на судебную защиту зависит не только от создания надлежащей правовой базы о судоустройстве и судебных процедурах, обеспеченности судебной системы и судей всем необходимым, но, прежде всего, от условий независимости судебной власти в целом и каждого судьи в отдельности. Поэтому Конституция придает этому вопросу особое значение и не случайно в частях 1-4 статьи 95 специально подчеркивает конституционно-правовой статус судьи и закрепляет концепцию его независимости.

Независимость судей – это не прерогатива и не привилегия, а гарантия справедливого, беспристрастного и эффективного правосудия, лежащего в основе обеспечения верховенства права и построения справедливого общества, где преобладают принципы демократии, уважаются и соблюдаются права человека.

Судейский иммунитет преследует четкую и прагматическую цель, а именно, предоставляет судье возможность выполнять свою конституционную обязанность – вершить правосудие без опасения его преследования в какой бы то ни было форме.

Важным компонентом системы обеспечения независимости судьи является иммунитет от уголовной ответственности, предполагающий специфичную процедуру инициации возбуждения уголовного дела и особый порядок его привлечения к уголовной ответственности.

Так, в соответствии с пунктом 4 части 2 статьи 43 конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики», пункта 4 части 1 статьи 495 УПК решение о возбуждении уголовного дела в отношении судьи может быть принято только Генеральным прокурором, что является признанием его особого конституционно-правового статуса и процессуальной гарантией обеспечения высокого уровня правовой ответственности и объективности при принятии столь важного решения. Роль Генерального прокурора на этой и последующих стадиях досудебного производства является ключевой и обусловлена необходимостью предотвращения незаконного воздействия на судью и обеспечением непредвзятости следственных органов.

В соответствии с частями 2, 5 статьи 32 конституционного Закона «О статусе судей Кыргызской Республики» и части 3 статьи 497 УПК при наличии достаточных на то оснований необходимо получить согласие Совета судей на привлечение судьи к уголовной ответственности (предъявление обвинения).

Таким образом, возбуждение уголовного дела непосредственно Генеральным прокурором; невозможность привлечения судьи к уголовной ответственности без согласия Совета судей – органа судейского самоуправления, призванного, в первую очередь, защищать права и законные интересы судей; осуществление надзора за законностью каждого действия органов следствия в ходе всего досудебного производства высшим органом прокуратуры, возглавляемого самим Генеральным прокурором, служит гарантией законности и обоснованности инициирования уголовного преследования судьи и соблюдения при этом всех

составляющих компонентов принципа его независимости, закрепленных в Конституции и законах.

В то же время, необходимо иметь в виду, что судебский иммунитет не направлен на предоставление судье абсолютной неприкосновенности. При наличии веских оснований и соблюдении вышеуказанных процедур, судья может и должен нести установленную законом уголовную и иную ответственность.

Принцип неотвратимости наказания лежит в основе верховенства права, укреплении законности и правопорядка в стране, обеспечения равенства всех перед законом и судом, повышения правосознания граждан в необходимости правомерного поведения. Это означает, что любое лицо, совершившее преступление, должно быть привлечено к уголовной ответственности и подвергнуто соразмерному наказанию в соответствии с законом, без исключений и привилегий, независимо от его социального статуса, должности или иных особенностей.

В соответствии со статьей 144 УПК, досудебное производство осуществляется в форме доследственной проверки и следствия и начинается с момента внесения сведений в Единый реестр преступлений до направления дела в суд, прекращения уголовного дела либо отказа в возбуждении уголовного дела.

Согласно частям 1, 3 статьи 145, частям 1, 2, 3 статьи 153 УПК сотрудник правоохранительных органов с момента получения повода к началу досудебного производства, обязан внести соответствующие сведения в Единый реестр преступлений и немедленно начать доследственную проверку по досудебному производству. В ходе доследственной проверки следователь, прокурор вправе производить ряд первичных, неотложных следственных действий. По результатам доследственной проверки следователь, прокурор принимает решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Тем самым, Единый реестр преступлений ведется не только в целях регистрации и учета преступлений, формирования уголовно-правовой статистики, а прежде всего, для официального запуска механизма по выявлению события преступления и проведения неотложных следственных действий, строго очерченных УПК, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления и изъятия. Промедление в производстве этих следственных действий может привести к утрате доказательств, соответственно, к невозможности раскрытия преступления и установлению виновных.

Таким образом, специальные процессуальные меры защиты, предусмотренные судебским иммунитетом, которые включаются со стадии возбуждения уголовного дела, достаточны и адекватны тому, чтобы оградить судей от произвольного уголовного преследования. В свою очередь, судебский иммунитет не может служить инструментом безнаказанности, в случае совершения судьей преступления, а также не должен препятствовать нормальному функционированию механизма по выявлению каждого факта преступления, вне зависимости от правового статуса субъекта его совершившего.

РЕЗЮМЕ**РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
от 6 марта 2024 года по делу о проверке конституционности
части 8 статьи 110 Административно-процессуального кодекса
Кыргызской Республики****6 марта 2024 года****город Бишкек**

6 марта 2024 года Конституционный суд рассмотрел дело о проверке конституционности части 8 статьи 110 Административно-процессуального кодекса и признал нормативное положение оспариваемой нормы, выраженное словами «и обратившихся в суд не позднее 10 лет со дня принятия обжалуемых актов или совершения обжалуемых действий», противоречащим Конституции.

В решении отмечено, что оспариваемая норма возникла вследствие принятия Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики (в Административно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики, Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики)» от 11 апреля 2023 года №85. Как следует из справки-обоснования к законопроекту, отсутствие единого пресекательного срока вредит правовой определённости и стабильности судебных актов. Любое требование должно быть заявлено в суд своевременно, поскольку отсутствие разумных временных ограничений для защиты нарушенных прав может привести к ущемлению интересов лиц, к которым такие требования предъявлены. Установление предельного срока, в рамках которого возможно восстановить срок, положительно скажется на устойчивости не только решений судов, но административных актов, влекущих правовые последствия.

Вместе с тем представленные доказательства и материалы заявителей по рассматриваемому вопросу, свидетельствуют о том, что в отдельных случаях при решении жизненно важных для граждан вопросов, а также общественно значимых задач, действия органов местного самоуправления с точки зрения неукоснительного соблюдения законов вызывают определенные сомнения. При этом, наличествуют случаи, когда заинтересованные лица в течение длительного периода времени могут и не знать о существовании юридических фактов, возникших вследствие решений органов местного самоуправления, соответственно, и не знать о факте нарушения их прав и интересов.

Несомненно, состояние правовой определённости существенно влияет на режим законности, правопорядка и предсказуемости общественных отношений. При этом, Конституционный суд отметил, что данный принцип не носит абсолютного характера, тогда как право на судебную защиту имеет фундаментальное значение и не может в какой-либо степени ограничиваться. Это предполагает, прежде всего, недопустимость принятия норм права, блокирующих доступ граждан к правосудию. При введении тех или иных ограничений, обусловленных конституционно значимыми целями, законодателю следует руководствоваться конституционным принципом адекватности и пропорциональности используемых правовых средств.

Таким образом, учитывая материально-правовую природу пресекательного срока Конституционный суд пришел к выводу о недопустимости применения такого механизма в регулировании правоотношений, связанных с первоначальным доступом граждан к правосудию, как основной конституционной гарантией, лежащей в основе обеспечения всех других прав и свобод человека. Законом не могут устанавливаться ограничения прав и свобод человека в иных целях и в большей степени, чем это предусмотрено Конституцией (части 2, 4 статьи 23).

Действующий институт исковой давности является не менее эффективным правовым средством, нежели чем процессуальные пресекательные сроки, и при правильном правоприменении, не посягая на существо конституционного права, полноценно решает задачи, ради которых законодатель применил преклюзивный срок в регулировании административного судопроизводства.

В силу оспариваемой нормы восстановление пропущенного срока возможно не позднее 10 лет со дня принятия обжалуемых актов или совершения обжалуемых действий (часть 8 статьи 110 АПК).

Конституционный суд отметил, что введенное законодателем ограничение возможности восстановления срока на подачу иска выступает по своей сути преклюзивным (пресекательным) сроком, характеризующимся тем, что истечение пресекательного срока влечет неизбежное прекращение субъективного права; суд применяет пресекательный срок независимо от заявления сторон спора; пресекательные сроки не подлежат приостановлению, перерыву или восстановлению.

Хотя такая процессуальная установка призвана исключить возможность неразумно продолжительной неопределенности в вопросах правомерности актов и управленческих решений органов государственной власти и местного самоуправления, тем не менее, заинтересованные лица не могут подвергаться такому регулятивному воздействию, которое ограничивало бы реализацию права на судебную защиту такими преградами, которые, даже при наличии объективных причин, не могут быть преодолены (Решение Конституционной палаты Верховного суда от 26 июня 2019 года).

Также, как и институт исковой давности, процессуальные пресекательные сроки необходимы для того, чтобы участники правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и были уверенными в неизменности своего правового статуса, застрахованного от произвола со стороны других лиц, а также защищенного от состояния неопределенности, вызванного отсутствием возможности прогнозировать правовые последствия своего положения.

Таким образом, учитывая материально-правовую природу пресекательного срока Конституционный суд приходит к выводу о недопустимости применения такого механизма в регулировании правоотношений, связанных с первоначальным доступом граждан к правосудию, как основной конституционной гарантией, лежащей в основе обеспечения всех других прав и свобод человека. Законом не могут устанавливаться ограничения прав и свобод человека в иных целях и в большей степени, чем это предусмотрено Конституцией (части 2, 4 статьи 23).

Республика Армения

РЕЗЮМЕ

постановления Конституционного Суда Республики Армения по делу об определении вопроса соответствия Конституции пункта 7 части 1 статьи 39 Закона РА «О службе в полиции», пункта 8 части 1 статьи 43 Закона РА «О службе в органах национальной безопасности», пункта 3 части 1 статьи 8 Закона РА «О военной службе и статусе военнослужащего», части 5 статьи 6 Закона РА «О профессиональных союзах» на основании обращения Защитника прав человека Республики Армения

Слушание по делу на основании обращения Защитника прав человека РА состоялось 11 апреля 2023 года.

История вопроса

Защитник прав человека Республики Армения обратился в Конституционный Суд Республики Армения по вопросу соответствия ряда положений действующих законов главе 2 Конституции (посвящена основным правам и свободам человека и гражданина). Конституционный спор по данному делу сводился к вопросу конституционности двух видов запретов, налагаемых оспариваемыми законоположениями. Во-первых, вопрос конституционности законодательного запрета на членство в религиозной организации в отношении сотрудников органов национальной безопасности, а также запрета на создание религиозных объединений военнослужащими Вооруженных сил и других войск. Во-вторых, вопрос о конституционности запрета на создание и вступление в профсоюзы, установленного для военнослужащих, сотрудников полиции, органов национальной безопасности, прокуроров, судей, судей Конституционного Суда.

По мнению заявителя, действующие законодательные регулирования, устанавливающие запрет на членство в профессиональных союзах для вышеуказанных государственных служащих, а также запрет на членство в религиозной организации в отношении сотрудников органов национальной безопасности, запрет на создание религиозных объединений военнослужащими Вооруженных сил и других войск, нарушают конституционные права на свободу религии и свободу объединений.

Позиция Суда

1. Анализируя ограничения, установленные оспариваемыми положениями в отношении права на свободу вероисповедания в рамках внутренней и внешней составляющих его содержания, а также в совокупности разнообразных форм и способов внешнего проявления этого права, Конституционный Суд установил, что данные ограничения относятся к одному из способов совместного исповедания религиозных убеждений, а именно к членству в официально зарегистрированной

религиозной организации или созданию религиозного объединения. Данное ограничение не является абсолютным ни по содержанию (оно не запрещает все или основные возможности права), ни по субъектам (поскольку оно адресовано имеющей особый статус группе лиц, которым запрещено быть членами религиозной организации, но разрешено иметь статус религиозных последователей данной организации).

Конституционный Суд счел, что запрет на создание религиозных объединений и запрет на проведение пропагандистской деятельности среди сослуживцев во время военной службы в случае членства в религиозном объединении распространяются на субъектов службы, ограничивают их дослужебную правосубъектность, но соответствуют Конституции, поскольку данные запреты установлены законом и вытекают из особого предназначения Вооруженных сил, следовательно, и военнослужащих, соответствуют принципу их нейтралитета и другим принципам, лежащим в основе военной службы, не нарушают суть основного права на свободу вероисповедания, поскольку из многих внешних форм проявления этого права запрещают только две: создание религиозного объединения, а в случае членства в этом объединении – религиозную пропаганду во время службы и среди сослуживцев.

2. Конституционный Суд, рассмотрев оспариваемые законоположения относительно права на создание профсоюзов и членства в них в конституционном механизме правового регулирования основных прав и свобод человека и гражданина, пришел к выводу, что являющиеся предметом спора запреты, внесенные законами в механизм и процедуры реализации этого основополагающего права, являются абсолютными и не могут создать необходимые условия для эффективной реализации этого основного права, наоборот, нарушают и подрывают саму суть конституционных положений, закрепляющих содержание этого основного права.

Конституционный Суд признал указанный запрет неконституционным на основании того, что законодатель не имеет права устанавливать абсолютный запрет на основополагающее право. Законодатель, исходя из особого статуса указанных государственных служащих и специфики их деятельности, должен обеспечить для таких государственных служащих правовые возможности защиты своих служебных (трудовых) прав и интересов, которые не станут препятствием для эффективного решения вопросов и осуществления полномочий в соответствующих областях.

Республика Беларусь

**РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
от 5 марта 2024 года № ПР-2/2024**

О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь

Конституционный Суд Республики Беларусь в составе председательствующего – Председателя Конституционного Суда Миклашевича П.П., заместителя Председателя Карпович Н.А., судей Бодак А.Н., Бойко Т.С., Вороновича Т.В., Данилюка С.Е., Козыревой Л.Г., Рябцева В.Н., Рябцева Л.М., Тиковенко А.Г., Чигринова С.П., рассмотрев в судебном заседании вопрос о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь, руководствуясь статьями 22 и 24 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, статьями 174–176 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве»,

РЕШИЛ:

1. Принять Послание Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» (прилагается).

2. Опубликовать Послание Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» в соответствии с законодательными актами.

**Председательствующий –
Председатель Конституционного
Суда Республики Беларусь**

П.П. Миклашевич

**ПОСЛАНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

***О СОСТОЯНИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ***

30-летний период действия Конституции, установившей конституционные основы белорусского государства и общества, определившей вектор политического, экономического, социального развития, подтверждает приверженность народа Беларуси своим традиционным ценностям, культурным и духовным традициям, стремление сохранить национальную самобытность и суверенитет.

На конституционных принципах равенства и справедливости, единства и патриотизма развиваются демократические формы народовла-

ствия, целенаправленно и последовательно формируется демократическое социальное правовое государство.

Проведенный 27 февраля 2022 г. республиканский референдум о внесении изменений и дополнений в Конституцию убедительно показал, что белорусский народ является истинным хозяином своей судьбы и активным субъектом исторического процесса, свободно и открыто выражающим свою волю построить социально справедливое благополучное общество.

Принятие на всенародном референдуме обновленной Конституции Республики Беларусь – свидетельство проявления воли народа сохранить базовые параметры избранной социально-экономической модели развития, укрепить государственный суверенитет, защитить национальную идентичность.

Прошедший период деятельности Конституционного Суда подтвердил значение конституционного контроля для защиты конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства Конституции и ее прямого действия на территории Республики Беларусь.

Внесенные в Конституцию изменения и дополнения усилили роль Конституционного Суда как конституционного арбитра в системе органов государственной власти, расширили возможности конституционного контроля по защите прав и свобод граждан.

I

Обновленная Конституция является залогом поступательного конституционного развития Республики Беларусь на долговременную перспективу. В ней определена модель современного белорусского государства: государство основывается на воле народа, выражает волю народа, функционирует в интересах народа. Данный конституционный ориентир обязывает государственные органы, должностных лиц, общественно-политические институты в своей созидательной деятельности исходить из воли народа и действовать на благо народа и, служа прогрессу общества и государства, всемерно способствовать достижению важнейших конституционных целей: обеспечению мира и гражданского согласия, благополучия граждан, незыблемости народовластия, независимости и процветания Республики Беларусь.

Конституция – Основной Закон государства – является животворной основой национального права: ее принципы и нормы несут в себе организующее начало, обеспечивают единство и взаимосвязь, сбалансированность и гармоничное развитие всех составляющих правовой системы. Обладая огромным регулятивным потенциалом, Конституция находит свое продолжение в законах, определяет их смысл, содержание и векторы совершенствования правового регулирования важнейших общественных отношений.

Конституционализация законодательства, последовательное развитие ценностей, принципов и норм Конституции в положениях законов и подзаконных нормативных правовых актов выступают конститу-

ционно-правовой основой построения суверенного демократического социального правового государства.

В заключениях и решениях Конституционного Суда раскрывается многогранное содержание конституционных принципов и норм, отмечается необходимость их соблюдения в правовом обеспечении динамичного развития общества и государства.

Конституционным Судом обращено внимание, что динамизм социальных и экономических процессов предопределяет потребность своевременного, а иногда и опережающего правового регулирования общественных отношений; при этом указано на принципиальную важность обеспечения наиболее полной реализации конституционных положений в правовом регулировании новых сфер общественных отношений, обусловленных достижениями науки и развитием технологий как базы устойчивого инновационного развития (решения от 20 января 2015 г., от 26 декабря 2020 г.).

Отмечено, что современные процессы цифровизации общественных отношений напрямую воздействуют на объем и содержание конституционного статуса личности, появляются новые информационно-цифровые возможности, формируются цифровые права и обязанности; необходимо своевременное законодательное регулирование новых общественных отношений, возникающих в связи с цифровизацией, и новых механизмов реализации прав и свобод, имеющих виртуальное выражение (решение от 11 марта 2021 г.).

В современных условиях на основе принципов и норм Конституции осуществляется законодательная деятельность Парламента, а также нормотворческая деятельность других государственных органов по правовому обеспечению использования инновационных технологий, эффективной защиты персональных данных, цифровизации государственного управления и цифровой трансформации экономики, включая функционирование цифровых баз данных социального назначения, развитие робототехники, создание сложных интегрированных систем с элементами искусственного интеллекта в сферах транспорта, промышленности, социального обслуживания, здравоохранения и иных.

Реализация конституционного положения о содействии государства развитию научных и технических исследований, внедрению инноваций на благо общих интересов требует формирования в национальной правовой системе цифрового права, охватывающего вопросы обеспечения комплексного и системного правового регулирования отношений, связанных с использованием цифровых технологий, применением искусственного интеллекта, обеспечением кибербезопасности, при соблюдении гарантий конституционных прав и свобод граждан, демократических основ государственного управления, осуществления экономической деятельности в интересах человека и общества.

Национальная конституционная идентичность воплощена в фундаментальных положениях Конституции об основах конституционного строя, конституционных правах и свободах человека и гражданина, демократических принципах функционирования органов государственной власти. Конституционные ценности, принципы и нормы, образу-

щие конституционную идентичность белорусского государства, подчеркивают уникальность Республики Беларусь как полноправного члена международного сообщества.

Конституционный Суд неоднократно обращался к вопросам содержания конституционной идентичности и ее надлежащего обеспечения. Так, отмечено, что участие Республики Беларусь в межгосударственных образованиях обуславливает необходимость сохранения правового суверенитета и конституционной идентичности в условиях взаимодействия международного, наднационального и национального права. При формировании наднационального права следует исходить из верховенства Конституции, фундаментальных конституционных основ белорусского государства, предопределяющих конституционную идентичность. При этом акты международного и наднационального права не могут ограничивать суверенное право белорусского народа самостоятельно определять свой путь развития, умалять конституционные права и свободы граждан, изменять демократический, социальный и правовой характер белорусского государства (решения от 21 января 2014 г., от 20 января 2016 г., от 23 января 2018 г., от 14 марта 2019 г.).

Доктринально-нормативные положения о верховенстве Конституции, сущности и содержании конституционной идентичности, сформулированные в решениях Конституционного Суда при проверке конституционности законов в порядке предварительного контроля, нашли отражение в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196.

Конституция, являясь политико-правовым актом с особыми свойствами, позволяет переводить на язык действующего законодательства, правовой идеологии и реальной политики идеалы личности, общества и государства и служит правовым фундаментом демократического устройства общества и государства; эволюционное конституционное развитие на основе фундаментальных конституционных идеалов и ценностей обеспечивает преодоление новых угроз верховенству права и конституционному правопорядку (решение от 11 марта 2021 г.).

Воля народа, выраженная на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. в принятии исторически назревших изменений Конституции, усиливает ее идеологическую функцию в обеспечении консолидации и единства общества, защиты фундаментальных конституционных ценностей.

Идеология белорусского государства, закреплённая в положениях Конституции и в своей основе являющаяся общенародной идеологией, получила высшую легитимацию в статье 4 Конституции как идеология государства, на основе которой осуществляется демократия в Республике Беларусь и, следовательно, строится будущее нашей страны и благополучие каждого ее гражданина.

В преамбуле и иных положениях Конституции провозглашены базовые начала и императивы идеологии белорусского государства. В их числе приверженность общечеловеческим ценностям, сохранение национальной самобытности и суверенитета, опора на многовековую исто-

рию развития белорусской государственности, культурные и духовные традиции, утверждение прав и свобод человека и гражданина, устоев правового государства и социально справедливого общества, обеспечение мира и гражданского согласия, благополучия граждан, незыблемости народовластия, независимости и процветания Республики Беларусь.

Положения Конституции, устанавливающие обязанность государства и долг каждого гражданина сохранять историческую правду и память о героическом прошлом белорусского народа и его бессмертном подвиге в годы Великой Отечественной войны, способствуют укреплению чувства патриотизма, гражданственности, верности своему Отечеству и готовности защитить интересы Родины.

Идеология белорусского государства лежит в основе построения белорусской модели государственного развития – государства для народа, определяет стратегию этого развития на долговременный период.

Духовно-нравственное содержание и идеологический потенциал Конституции формируют в общественном сознании понимание того, что уважение, осознанное и добровольное соблюдение Конституции и законов своей страны является основой консолидации и единства общества.

Доктринальное осмысление положений обновленной Конституции в их системной взаимосвязи позволяет сделать вывод, что безопасность личности, общества и государства аккумулируется в диалектически многоплановом понятии конституционной безопасности. Конституционная безопасность характеризует защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, незыблемость конституционного строя и невозможность его изменения нелегитимным путем.

Конституционный Суд неоднократно обращал внимание законодателя, что в условиях современных вызовов и глобальных угроз особое значение приобретает реальное обеспечение конституционно-правового статуса личности, прав и свобод граждан, а также юридических гарантий их реализации. Исходя из принципа верховенства права законодателю следует обеспечивать правовое регулирование общественных отношений, отвечающее принципу конституционной безопасности личности, устанавливая объективно необходимые и социально обоснованные правовые ограничения и возлагая дополнительные обязанности на граждан, соблюдая оптимальный баланс частных и публичных интересов, сохраняя суть и целостность ценностно-смыслового содержания конституционных прав и свобод человека.

II

1. Обеспечение верховенства Конституции и ее прямого действия на территории Республики Беларусь Конституционный Суд осуществляет посредством контроля за конституционностью всех нормативных правовых актов в государстве. В решениях и формулируемых в них правовых позициях Конституционный Суд путем выявления конституционно-правового смысла норм законов и иных нормативных правовых актов утверждает верховенство Конституции в нормотворчестве и правоприменении, способствует выработке правовых механизмов развития

и защиты конституционных ценностей и достижения конституционно значимых целей, ориентирует законодателя и правоприменителей на неукоснительное соблюдение конституционных положений и их реальное обеспечение.

Посредством конституционного правосудия изменяется качество правовой системы: формируется особый политико-правовой режим верховенства Конституции, ее правовой защиты как акта прямого действия, гарантирующего сбалансированную реализацию фундаментальных ценностей общества и демократического правового государства.

Конституционный Суд постоянно обращает внимание, что при осуществлении правового регулирования общественных отношений от нормотворческих органов требуются последовательная и системная реализация и развитие конституционных принципов и ценностей в целях легитимности и социальной приемлемости нормативных правовых актов. При этом в законотворческой деятельности главным условием защиты основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, утверждения конституционной законности выступает реализация в полной мере принципа верховенства Конституции.

В решении по проверке конституционности Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» (принято 12 июля 2018 г.) Конституционным Судом выражена правовая позиция, согласно которой определение и раскрытие законодателем содержания принципов нормотворческой деятельности имеет целью обеспечение верховенства Конституции, ценностей и принципов, закрепленных в Конституции, которые предопределяют сущность и содержание правовой системы Беларуси, а также достижение однозначного понимания законодательных предписаний, которыми должны руководствоваться все субъекты нормотворческой деятельности на всех стадиях нормотворческого процесса.

Конституционный Суд отмечает, что обеспечение верховенства Конституции в законотворческой деятельности означает, что в случаях установления в законах ограничений прав и свобод личности пределы дискреционных полномочий законодателя определяются конституционными принципами и нормами с соблюдением баланса и соразмерности охраняемых Конституцией ценностей и интересов.

В решениях Конституционного Суда сформулированы положения, развивающие правовую доктрину верховенства и прямого действия Конституции, определены основные направления современного белорусского конституционализма, ориентиры дальнейшего стабильного конституционного развития правовой системы. Обращено внимание, что верховенство Конституции в государственной и общественной жизни предполагает неукоснительное соблюдение государством, всеми его органами и должностными лицами, а также гражданами и организациями предписаний Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства, что, в свою очередь, создает необходимые предпосылки обеспечения в государстве должного уровня конституционной законности (решение от 20 января 2016 г.); посредством утверждения верховенства Конституции, конституционных ценностей в нормотвор-

честве и правоприменении осуществляется конституционализация общественных отношений, устанавливается режим конституционной законности, при котором государство, все его органы и должностные лица, а также организации и граждане действуют на основе и в соответствии с Конституцией, а право как важнейший социальный регулятор обеспечивает достижение целей и решение задач, определенных Основным Законом государства (решение от 14 марта 2023 г.).

На современном этапе развития белорусской государственности в целях обеспечения реализации принципа верховенства Конституции, защиты конституционного строя, гарантированных прав и свобод человека и гражданина, дальнейшего укрепления конституционной законности в законотворчестве и правоприменении в обновленной Конституции усовершенствован конституционно-правовой механизм осуществления конституционного контроля, предусматривающий значительное расширение компетенции Конституционного Суда.

2. Защита конституционного строя является необходимым условием жизнедеятельности и устойчивого общественно-политического и социально-экономического развития, а также важнейшей функцией государства, осуществление которой выступает гарантией его суверенитета, независимости, территориальной целостности, служит основой обеспечения верховенства права, реализации прав и свобод каждого, утверждения Республики Беларусь как демократического правового государства.

Соблюдение режима конституционной законности является конституционной обязанностью всех субъектов общественно-политических отношений и граждан нашей страны в целях обеспечения противодействия любому деструктивному воздействию на стабильность и суверенитет государства, гражданский мир и согласие в обществе, устойчивость конституционного строя.

25 августа 2020 г. Конституционный Суд выразил конституционно-правовую позицию по защите конституционного строя, в которой указал, что при реализации политических прав граждане должны учитывать, что в соответствии с частью второй статьи 3 Конституции любые действия по изменению конституционного строя и достижению государственной власти насильственными методами, а также путем иного нарушения законов Республики Беларусь наказываются согласно закону.

Содержанием установленных Конституцией основ конституционного строя – системы конституционных принципов, закрепляющих основы государственного и общественного устройства, обусловлена потребность принятия адекватных мер, направленных на защиту Основного Закона, включая обязанность государства по установлению необходимых для этого правовых механизмов.

В целях защиты конституционного строя законодатель, исходя из принципов конституционного правопорядка, не только вправе, но и обязан использовать все доступные в рамках своих дискреционных полномочий средства по установлению юридической ответственности физических и юридических лиц за правонарушения, направленные на подрыв конституционного строя.

В решениях по проверке конституционности законов Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма», «Об изменении законов по вопросам противодействия экстремизму», «Об изменении законов по вопросам защиты суверенитета и конституционного строя» Конституционный Суд сформулировал правовые позиции, указав, что в современных сложных геополитических условиях наиболее опасную реальную угрозу конституционному строю Республики Беларусь, ее суверенитету, национальной безопасности, общественному порядку, правам и свободам граждан представляют экстремизм как приверженность крайним взглядам и методам действий для достижения своих целей, нацизм как одна из наиболее опасных форм его проявления, а также акты терроризма, деятельность террористических организаций, незаконных вооруженных формирований, массовые беспорядки. Определяемое нормами вышеназванных законов правовое регулирование по недопущению указанных наиболее деструктивных и разрушительных социальных явлений, устанавливающее в том числе уголовную ответственность за совершение соответствующих противоправных деяний, имеет целью обеспечение реализации конституционного принципа верховенства права, положений Конституции о защите конституционного строя (решения от 30 апреля 2021 г., от 6 июля 2021 г.).

Важнейшим фактором действенной защиты конституционного строя, прав и свобод граждан является конституционный правопорядок, обеспечение которого в современных условиях возможно при неукоснительном соблюдении всеми субъектами общественных отношений режима конституционной законности.

Проверяя конституционность изменений, внесенных в Закон Республики Беларусь «О массовых мероприятиях», Конституционный Суд отметил, что согласно статье 35 Конституции свобода собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования гарантируется государством при условии, если при этом не нарушаются правопорядок и права других граждан Республики Беларусь. При законодательном определении порядка организации и проведения массовых мероприятий должны быть обеспечены предусмотренные в статье 35 Конституции и другие конституционные ценности. Обязанность государства по установлению правовых механизмов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность при проведении массовых мероприятий, предотвращающих возможные нарушения конституционных прав и охраняемых законом интересов граждан, непосредственно вытекает также из закрепленных Конституцией основ конституционного строя (решение от 30 апреля 2021 г.).

Решения Конституционного Суда, указывающие на требования и условия соблюдения режима конституционной законности в современных общественных отношениях, реализация конституционных принципов как в законодательной, так и в правоприменительной практике определяют дальнейшие направления развития правовой системы для обеспечения защиты основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, укрепления конституционного правопорядка.

3. В соответствии с Конституцией каждый обязан уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц. Из этого и других конституционных положений вытекает, что любой гражданин обладает правом на реализацию конституционных прав и свобод лишь в той мере, в какой это не нарушает права и свободы других лиц, не посягает на конституционный строй и нравственные устои общества. В случаях, определенных законом, реализация прав и свобод отдельных категорий граждан может быть сопряжена со сбалансированным ограничением прав и свобод иных субъектов правоотношений.

При осуществлении законодательного регулирования юридической ответственности должен быть обеспечен оптимальный баланс прав и свобод привлекаемого к ней лица и публичного интереса, состоящего в эффективной защите личности, общества и государства от правонарушений. Устанавливаемые при этом ограничения прав и свобод должны не только быть юридически допустимыми, но и отвечать требованиям справедливости и соразмерности конституционно признаваемым целям этих ограничений, то есть вводиться исходя из верховенства Конституции и с учетом принципа верховенства права, имеющего значение универсальной ценности, на которой базируются гарантии прав и свобод личности.

Законодателю при установлении законом ограничений того или иного права в соответствии с конституционно определенными интересами следует использовать не чрезмерные, а только строго обусловленные этими интересами меры. Публичные интересы, указанные в части первой статьи 23 Конституции, могут оправдывать ограничение прав и свобод лишь в том случае, если они адекватны социально необходимому результату.

В решении по проверке конституционности Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (принято 28 декабря 2020 г.) обращено внимание, что предусматриваемые этим Кодексом меры обеспечения административного процесса, в том числе административное задержание физического лица, наложение ареста на имущество, будучи по своей сути мерами процессуального принуждения, в определенной степени ограничивают права и свободы граждан, права и законные интересы юридических лиц.

Конституционным Судом выражена правовая позиция о том, что положения указанного Кодекса, определяющие порядок применения мер обеспечения административного процесса, соответствуют нормам Конституции, поскольку эти меры ограничительного характера не искажают сущности конституционных прав и свобод, не ведут к утрате их реального содержания, применяются только в отношении определенных категорий лиц и за совершение отдельных конкретных правонарушений. Такие ограничения учитывают принципы пропорциональности, справедливости и гуманизма, являются средствами правовой защиты общественного порядка, прав и свобод других лиц и соразмерны защищаемым Конституцией целям и ценностям.

Закрепленные в Конституции право каждого на судебную защиту и связанное с ним право на обжалование в суд решений и действий

(бездействия) государственных органов и должностных лиц, ущемляющих права и свободы, выступают гарантией в отношении всех других конституционных прав и свобод. Право на судебную защиту является универсальным правовым средством государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, выполняет важнейшую обеспечительно-восстановительную функцию, в связи с чем государство обязано обеспечить реальный доступ к правосудию, полное осуществление права на судебную защиту.

Судебная защита прав и свобод граждан должна обеспечивать эффективное восстановление нарушенных прав, утверждение верховенства права, законности и справедливости. В связи с этим в ряде решений Конституционный Суд указывал, что конституционное право на судебную защиту – это право не только на обращение в суд, но и на своевременное и полное исполнение судебных решений с целью получения действенной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательством; без полного и своевременного исполнения вступивших в законную силу судебных актов невозможна реализация конституционного права каждого на судебную защиту, имеющего конечной целью восстановление нарушенных прав и законных интересов посредством правосудия.

Неукоснительное следование в законотворчестве принципам и нормам Конституции создает необходимые правовые механизмы для гарантирования и защиты конституционных прав и свобод граждан, справедливого баланса публично-правовых и частноправовых интересов, обеспечения конституционной законности и конституционного правопорядка.

III

1. Положения обновленной Конституции, устанавливая последовательное разграничение компетенции Конституционного Суда и судов общей юрисдикции в утверждении конституционной законности, обуславливают необходимость их взаимодействия для обеспечения верховенства Конституции, защиты конституционных прав и свобод граждан.

Конституционный Суд, исходя из смысла статьи 60 Конституции, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, последовательно и принципиально занимал позицию о необходимости обеспечения прямого доступа граждан к конституционному правосудию и введения института индивидуальной конституционной жалобы в Республике Беларусь (решения от 26 января 2010 г., от 25 января 2011 г., от 18 января 2012 г., от 14 марта 2019 г. и др.). Выраженные Конституционным Судом правовые позиции учтены и реализованы в обновленной Конституции и принятом в соответствии с ней законодательстве о конституционном судопроизводстве.

Установление обновленной Конституцией возможности обращения гражданина о проверке конституционности закона, примененного в конкретном деле, которым, по мнению гражданина, нарушены его конституционные права и свободы, является важным этапом развития конституционного правосудия в Беларуси. Указанные конституционные

изменения свидетельствуют об усилении конституционных гарантий правового статуса личности и расширении правовых механизмов реализации и защиты прав и свобод граждан. По сути, граждане становятся активными субъектами социального контроля за качеством нормотворческой деятельности, используя предоставленное им право оспаривать конституционность законов, затрагивающих их интересы.

С момента вступления в силу с 1 октября 2023 г. Закона «О конституционном судопроизводстве» в Конституционный Суд поступило более 50 обращений граждан о проверке конституционности законов, примененных в конкретном деле, которые, по их мнению, нарушают конституционные права и свободы.

Поступающие в Конституционный Суд жалобы граждан изучаются в установленном законом порядке и определяется способ их дальнейшего разрешения. В случаях несоответствия конституционных жалоб положениям Закона «О конституционном судопроизводстве» граждане уведомляются о необходимости соблюдения требований закона для рассмотрения конституционных жалоб Конституционным Судом с вынесением решения.

Анализ показывает, что многие обращения не относятся к компетенции Конституционного Суда, а подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции или в других государственных органах.

Для эффективной реализации гражданами права на обращение с конституционной жалобой необходима квалифицированная подготовка такой жалобы, которая должна отвечать всем условиям допустимости, а также общим требованиям к ее содержанию, включая юридически четко сформулированную позицию гражданина по поставленному в конституционной жалобе вопросу о неконституционности закона, примененного в конкретном деле, со ссылкой на соответствующие нормы Конституции. Для этого требуются организация всесторонней разъяснительной работы с привлечением существующих информационных ресурсов и оказание гражданам квалифицированной юридической помощи.

В целях оказания содействия реализации права граждан на доступ к конституционному правосудию и создания максимально благоприятных для этого условий в Конституционном Суде активно внедряются информационно-коммуникационные технологии. Так, граждане, желающие обратиться в Конституционный Суд, могут подать конституционную жалобу в электронной форме посредством создания на официальном сайте Конституционного Суда в глобальной компьютерной сети Интернет личного кабинета и заполнения в нем специальной регистрационной формы с приложением необходимых документов и иных материалов.

Институт конституционной жалобы является важным фактором соблюдения конституционной законности в законодательном процессе и правоприменительной практике, создает условия для непосредственного доступа граждан к конституционному правосудию, что позволяет устранять искажение конституционно-правового смысла норм закона при применении в конкретном судебном деле, повышает доверие общества к законодательному регулированию общественных отношений.

2. Обеспечение верховенства Конституции и ее прямого действия на территории Республики Беларусь – задача не только Конституционного Суда, но и всех звеньев системы судов общей юрисдикции.

Обновленной Конституцией установлено право судов общей юрисдикции на обращение в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности нормативного правового акта, подлежащего применению при рассмотрении судами конкретных дел. Таким образом, праву судов общей юрисдикции инициировать проверку конституционности нормативного правового акта корреспондирует полномочие Конституционного Суда проверять в установленном порядке конституционность данного нормативного правового акта.

По результатам рассмотрения и разрешения дела Конституционный Суд выносит решение либо о соответствии Конституции (конституционности), либо о несоответствии Конституции (неконституционности) нормативного правового акта или его отдельных положений, что позволяет устранять из правового пространства не соответствующие Конституции нормативные правовые акты, упреждать возможность допущения судебной ошибки и обеспечивать тем самым конституционализацию правоприменительной практики.

Проявление судами общей юрисдикции конституционной активности в реализации предоставленного им Конституцией полномочия по обращению в Конституционный Суд с запросом будет в полной мере отвечать целям обеспечения верховенства Конституции и верховенства права, послужит формированию конституционно-правового механизма взаимодействия судов общей юрисдикции и Конституционного Суда по достижению более высокого уровня судебной защиты прав и свобод граждан.

IV

Действенность конституционного правосудия, утверждение конституционной законности в нормотворчестве и правоприменении основываются на своевременном и эффективном исполнении решений Конституционного Суда и реализации выраженных в них правовых позиций.

1. В 2023 году исполнено решение Конституционного Суда «О правовом регулировании письменных разъяснений применения нормативных правовых актов» (принято 3 октября 2019 г.), в котором указано, что Закон «О нормативных правовых актах», предоставляя уполномоченным государственным органам (организациям) право при необходимости подготавливать письменные разъяснения применения нормативных правовых актов, не предусматривает положений о юридической силе и характере таких письменных разъяснений, что свидетельствует о наличии в указанном Законе правовой неопределенности, которая порождает возможность неоднозначного понимания норм права и их неединообразного применения и тем самым может повлечь нарушение конституционных гарантий реализации и защиты прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц. В целях обеспечения конституционного принципа верховенства права

Конституционный Суд признал необходимым исключить из положений Закона указанную правовую неопределенность.

Решение исполнено Законом Республики Беларусь от 7 апреля 2023 г. № 261-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», которым пункт 2 статьи 69 Закона «О нормативных правовых актах» дополнен положениями о том, что разъяснения применения нормативных правовых актов носят рекомендательный характер; правовые последствия несоблюдения законодательства, допущенного вследствие исполнения разъяснений применения нормативных правовых актов, предоставленных государственными органами (организациями), указанными в части первой данного пункта, могут устанавливаться законодательными актами.

2. В ряде законов были реализованы правовые позиции, содержащиеся в решениях Конституционного Суда, принятых в порядке осуществления обязательного предварительного контроля конституционности законов.

2.1. При проверке конституционности Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь» Конституционный Суд в решении от 28 декабря 2017 г. указал, что в соответствии с частью шестой статьи 85 Закона «О конституционном судопроизводстве» нормативные правовые акты, признанные согласно заключениям Конституционного Суда не соответствующими Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам Президента Республики Беларусь, не могут применяться судами, другими государственными органами, иными организациями, должностными лицами. Если иное не установлено Конституционным Судом, основанные на таких актах решения судов должны быть в установленном порядке пересмотрены, а принятые (изданные) другими государственными органами, иными организациями, должностными лицами правовые акты – прекратить свое действие.

Однако в положениях проверяемого Закона, которыми регламентируются вопросы производства по пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам (глава 34 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь), это обстоятельство не включено в перечень оснований для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам, что свидетельствует о пробеле конституционно-правового регулирования общественных отношений в этой сфере.

Данный пробел устранен Законом Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. № 284-З «Об изменении законов по вопросам конституционного судопроизводства», которым часть вторая статьи 452 Гражданского процессуального кодекса, определяющая перечень оснований для пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам, дополнена таким основанием, как признание Конституционным Судом нормативного правового акта, примененного при рассмотрении дела, или его отдельных положений не соответствующими Конституции

(неконституционными), если в соответствии с законодательством о конституционном судопроизводстве такое признание влечет пересмотр судебных постановлений.

2.2. Оценивая норму об исключении из статьи 3 Закона Республики Беларусь «О почтовой связи» положения, согласно которому законодательство о почтовой связи состоит в том числе из международных договоров Республики Беларусь, Конституционный Суд в решении от 10 июня 2019 г. подтвердил правовую позицию, сформулированную в решении от 7 мая 2018 г., суть которой заключается в том, что, наряду с актами внутригосударственного законодательства – законами Республики Беларусь, декретами и указами Президента Республики Беларусь, подзаконными нормативными правовыми актами, международные договоры Республики Беларусь входят в систему действующего на территории Республики Беларусь правового регулирования, то есть их нормы являются составной частью действующего права, и обратил внимание законодателя, что в необходимых случаях в сферу правового регулирования соответствующих общественных отношений, наряду с Конституцией, законами, актами Президента Республики Беларусь, иными нормативными правовыми актами, следует включать также международные договоры Республики Беларусь, поскольку они вместе с актами внутригосударственного законодательства образуют правовую систему Республики Беларусь.

Правовая позиция Конституционного Суда учтена в Законе Республики Беларусь от 28 декабря 2023 г. № 324-З «Об изменении законов по вопросам лицензирования», в соответствии с которым статья 3 Закона «О почтовой связи» изложена в новой редакции, предусматривающей в том числе, что отношения в области почтовой связи регулируются законодательством о почтовой связи, а также международными договорами Республики Беларусь и иными международно-правовыми актами, содержащими обязательства Республики Беларусь.

2.3. В решении по проверке конституционности Закона Республики Беларусь «О Совете Министров Республики Беларусь» (принято 8 июля 2008 г.) Конституционный Суд пришел к выводу, что редакция статьи 4 данного Закона, допускающая возможность включения в состав Совета Министров Республики Беларусь иных должностных лиц, изложена неоднозначно, что может привести на практике к принятию решений, не согласующихся с требованиями части четвертой статьи 106 Конституции.

В соответствии с изменениями Конституции, принятыми на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., часть четвертая статьи 106 Конституции предусматривает возможность включения в состав Совета Министров Республики Беларусь руководителей не только государственных органов, но и организаций.

Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 236-З внесены изменения в Закон «О Совете Министров Республики Беларусь», которыми статья 4 этого Закона приведена в соответствие с указанной нормой обновленной Конституции.

3. В Послании «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2013 году» (решение от 21 января 2014 г.) Конститу-

ционный Суд отметил, что конституционализация общественных отношений в Республике Беларусь требует целенаправленного проведения научно обоснованной правовой политики государства. Достигнутый уровень государственного строительства и социально-экономического развития, происходящие интеграционные процессы обуславливают необходимость разработки комплексного документа – единой Концепции государственной правовой политики Республики Беларусь в целях надлежащего правового обеспечения государственных и общественных интересов, прав и свобод граждан в современных условиях.

В Послании Конституционного Суда «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» (решение от 10 марта 2022 г.) указано, что для обеспечения процесса достижения конституционных целей современного развития общества и государства необходимо принятие Концепции правовой политики, определяющей стратегию дальнейшего совершенствования правовой системы, национального законодательства, развития правовой науки и юридической практики, системного формирования правосознания и правовой культуры.

Данные положения посланий Конституционного Суда реализованы в Указе Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, которым утверждена Концепция правовой политики Республики Беларусь.

V

1. Для полной и эффективной реализации положений обновленной Конституции законодателем выработан соответствующий законодательный механизм: Парламентом – Национальным собранием Республики Беларусь принято более 90 законов, направленных на обеспечение функционирования на обновленной конституционной основе системы государственных органов, институтов народовластия, возможностей граждан по реализации и защите своих конституционных прав и свобод.

Законотворческий процесс на различных стадиях обеспечивается качественной системной работой государственных органов при надлежащем соблюдении баланса конституционных функций органов законодательной и исполнительной власти.

В прошедшем году обращений от уполномоченных органов о проверке конституционности норм принятых законов либо по другим конституционным спорам в Конституционный Суд не поступало.

Конституционный Суд констатирует, что режим конституционной законности соблюдается всеми субъектами конституционных отношений, которые действуют в соответствии со своими конституционными полномочиями, правами и обязанностями в целях поддержания надлежащего конституционного правопорядка в стране.

2. При осуществлении правовой политики следует не только своевременно реагировать на актуальные проблемы правового регулирования общественных отношений, но и принимать конкретные правовые меры по упреждению возможных вызовов и угроз посредством опережающего законодательства.

Достижение высокого качества законодательства, правовой определенности, обеспечение понятности правовых предписаний и предска-

зuemости для граждан правовых последствий своих действий – значимые факторы обеспечения конституционной законности.

Конституционный Суд полагает, что положения Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, служат ценностно-правовым ориентиром для дальнейшего развития всей национальной системы законодательства и практики его применения, в соответствии с которыми в основе повседневной деятельности государственных органов и должностных лиц должен находиться человек, его конституционные права, свободы и законные интересы.

3. В условиях современного техногенно-цифрового общества расширяются возможности применения научно-технических инноваций в различных сферах, включая использование искусственного интеллекта (в том числе нейросетей). При этом крайне важно обеспечивать своевременное нормативно-правовое регулирование дальнейшего развития информационно-цифрового пространства, отвечающее стандартам конституционного измерения, а также учитывающее принципы научного прогнозирования последствий принятия соответствующих актов законодательства.

Конституционный Суд полагает, что при формировании цифрового права необходимо создание гибкой системы законодательной регламентации, стимулирующей развитие технологий искусственного интеллекта и робототехники, но при этом гарантирующей безопасность, права и свободы человека.

4. Положения обновленной Конституции об осуществлении демократии в Республике Беларусь на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений базируются на конституционно-правовой доктрине суверенитета и независимости Республики Беларусь и являются закономерным отражением объективного исторического процесса развития белорусской государственности.

Конституционный Суд отмечает, что идеология белорусского государства призвана наполнить глубоким мировоззренческим содержанием дальнейший суверенный вектор развития общества и государства как выражающий современные общественные идеалы и волю народа, так и отражающий национальные культурно-исторические традиции и ценности.

Конституционный Суд полагает, что необходима выработка эффективных правовых механизмов, обеспечивающих реализацию положения Конституции об идеологии белорусского государства в целях противодействия насаждению чуждой и разрушительной для нашего общества системы идей и псевдоценностей.

5. Право на подачу конституционной жалобы представляет собой специальный вид обращения для защиты прав и свобод человека и гражданина конституционным правосудием, проявление комплекса конституционных прав, включая право на судебную защиту, право на участие в контроле за законотворческим процессом.

Конституционный Суд обращает внимание, что установленный законодательный механизм реализации права граждан на обращение в Конституционный Суд с жалобой о проверке конституционности норм закона, примененных в конкретном судебном деле, требует надлежащего юридического оформления, получения квалифицированной юридической помощи.

Конституционный Суд полагает, что для действенного функционирования института конституционной жалобы необходимо в учреждениях высшего образования при подготовке юристов проводить специальный учебный курс «Конституционное правосудие: институт конституционной жалобы» и ввести определенную специализацию в системе адвокатуры.

6. Правовое просвещение граждан, формирование их правосознания и правовой культуры является долговременным и приоритетным направлением государственной правовой политики.

Конституционный Суд полагает, что необходимо системно продолжать работу по популяризации и разъяснению положений Конституции в трудовых коллективах, учебных заведениях, среди всех слоев населения с целью формирования уважительного отношения к Основному Закону страны, знания своих конституционных прав, свобод и обязанностей, а также понимания необходимости неукоснительного соблюдения конституционных норм в своей повседневной жизни и профессиональной деятельности. В этих целях следует использовать Научно-практический комментарий к Конституции Республики Беларусь, подготовленный высококвалифицированными юристами, в том числе судьями и сотрудниками Конституционного Суда.

7. Обновленная Конституция и приведенные в соответствие с ней законы и иные нормативные правовые акты сформировали правовую основу для дальнейшего устойчивого и динамичного развития Республики Беларусь демократическим социальным правовым государством.

На достижение конституционных целей должны быть направлены усилия не только государственных органов, но и общественных организаций и граждан, добросовестно и осознанно реализующих свои конституционные права и исполняющих конституционные обязанности.

Конституционный Суд, обеспечивая верховенство Конституции, своей деятельностью защищает конституционный строй, права и свободы человека и гражданина, вносит вклад в укрепление конституционного правопорядка в стране.

Настоящее Послание принято на заседании Конституционного Суда Республики Беларусь 5 марта 2024 г.

**Председательствующий –
Председатель Конституционного
Суда Республики Беларусь**

П.П. Миклашевич

 Республика Казахстан

**НОРМАТИВНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
от 19 апреля 2024 года № 41-НП «Об официальном толковании
пункта 1 статьи 25 и пункта 3 статьи 26 Конституции
Республики Казахстан»**

19 апреля 2024 года**город Астана**

Конституционный Суд Республики Казахстан в составе Председателя Азимовой Э.А., судей Ескендинова А.К., Жакипбаева К.Т., Жатканбаевой А.Е., Кыдырбаевой А.К., Нурмуханова Б.М., Онгарбаева Е.А., Подопригоры Р.А., Сарсембаева Е.Ж. и Ударцева С.Ф., с участием представителей:

субъекта обращения – начальника службы по защите общественных интересов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан Абишева М.Б.,

Министерства юстиции Республики Казахстан – вице-министра Ваисова Д.М.,

Верховного Суда Республики Казахстан – заместителя руководителя Судебной администрации Мусралинова А.С.,

Национального Банка Республики Казахстан – заместителя директора Юридического департамента Абишевой А.Е.,

Агентства Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка – заместителя директора Департамента координации Сахова Н.С.,

Аппарата Мажилиса Парламента Республики Казахстан – заведующего сектором Отдела законодательства Ауганбаевой Г.А.,

Аппарата Сената Парламента Республики Казахстан – заместителя заведующего Отделом законодательства Сартаяевой Н.А.,

Республиканской нотариальной палаты – председателя палаты Жанабиловой А.Б.,

Республиканской палаты частных судебных исполнителей Республики Казахстан – заместителя председателя Смагулова Г.А.,

Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан – заместителя директора Джангарашева Р.М.,

рассмотрел в открытом заседании обращение Генерального Прокурора Республики Казахстан (далее – Генеральный Прокурор) об официальном толковании пункта 1 статьи 25 и пункта 3 статьи 26 Конституции Республики Казахстан.

Заслушав докладчика – судью Конституционного Суда Республики Казахстан Ударцева С.Ф. и участников заседания, изучив заключение эксперта – старшего научного сотрудника Научно-исследовательского института частного права Каспийского университета кандидата юридических наук, доцента Скрыбина С.В., другие материалы конституцион-

ного производства, проанализировав действующее право Республики Казахстан, Конституционный Суд Республики Казахстан

установил:

В Конституционный Суд Республики Казахстан (далее – Конституционный Суд) поступило обращение Генерального Прокурора об официальном толковании пункта 1 статьи 25 и пункта 3 статьи 26 Конституции Республики Казахстан (далее – Конституция).

Из обращения следует, что Законом Республики Казахстан от 21 января 2019 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты права собственности, арбитража, оптимизации судебной нагрузки и дальнейшей гуманизации уголовного законодательства» (далее – Закон от 21 января 2019 года) в часть первую статьи 252 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан от 31 октября 2015 года (далее – ГПК) и пункт 8 статьи 55 Закона Республики Казахстан от 2 апреля 2010 года «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» (далее – Закон от 2 апреля 2010 года) были внесены изменения, возлагающие на прокурора обязанность санкционировать постановления судебных исполнителей о производстве исполнительных действий.

Субъект обращения отмечает, что в настоящее время исполнительные надписи, налоговые приказы и постановления государственных органов о наложении штрафов являются исполнительными документами, принудительное исполнение которых осуществляется в общем порядке, в том числе путем обращения взыскания на имущество должников, включая жилище. По его мнению, введенная процедура принудительного обращения взыскания на имущество с санкции прокурора допускает возможность лишения физического лица жилища и субъекта предпринимательства его имущества без судебного акта, что противоречит положениям пункта 1 статьи 25 и пункта 3 статьи 26 Конституции.

Генеральный Прокурор обратился в Конституционный Суд для получения официального толкования и разъяснения, следует ли «понимать конституционные нормы статьи 25 «не допускается лишение жилища, иначе как по решению суда» и статьи 26 «никто не может быть лишен своего имущества, иначе как по решению суда» как прямо запрещающие возможность обращения взыскания на имущество и жилище в процессе принудительного исполнения без решения суда с санкции прокурора».

При рассмотрении обращения Генерального Прокурора об официальном толковании норм пункта 1 статьи 25 и пункта 3 статьи 26 Конституции Конституционный Суд исходит из следующего.

1. В Конституции в ряде статей закреплены нормы о защите права собственности, имущества, включая жилище, а также о полномочиях государственных органов, касающихся их участия в решении данных вопросов.

В конституционных положениях выражено содержание принципа неприкосновенности собственности, выступающего гарантией права собственности во всех его составляющих, таких как владение, пользование и распоряжение своим имуществом. Право собственности на имущество является одним из основных выражений личной свободы человека, непременным условием свободы предпринимательской деятельности, в том числе в сфере экономики, культуры, науки и техники.

В пункте 1 статьи 6 Основного Закона устанавливаются признание и равная защита государственной и частной собственности. В пункте 2 статьи 6 Конституции закреплено: «Собственность обязывает, пользование ею должно одновременно служить общественному благу. Субъекты и объекты собственности, объем и пределы осуществления собственниками своих прав, гарантии их защиты определяются законом».

Граждане Республики Казахстан могут иметь в частной собственности любое законно приобретенное имущество, собственность, в том числе право наследования, гарантируется законом, никто не может быть лишен своего имущества, иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд в исключительных случаях, предусмотренных законом, может быть произведено при условии равноценного его возмещения (пункты 1, 2 и 3 статьи 26 Конституции).

Из общей массы имущества в Конституции дополнительно в отдельной статье 25 выделяется именно жилище. В пункте 1 статьи 25 Конституции содержатся нормы о неприкосновенности жилища и о том, что «не допускается лишение жилища, иначе как по решению суда». Конституция гарантирует и общее право каждого на судебную защиту своих прав и свобод (пункт 2 статьи 13), что включает и судебную защиту права собственности, имущества и жилища.

При этом конституционные нормы пункта 1 статьи 25 и пункта 3 статьи 26 в соответствии с пунктом 3 статьи 39 Основного Закона не отнесены к числу прав и свобод, которые ни в каких случаях не подлежат ограничению. Согласно пункту 1 статьи 39 Конституции «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения».

Защищая право собственности, Конституция подчеркивает недопустимость незаконного лишения имущества и в отдельной конституционной норме выделяет охрану такого вида имущества, как жилище. В нормативном постановлении Конституционного Совета Республики Казахстан (далее – Конституционный Совет) от 19 августа 2005 года № 5 сделан вывод: «Основной Закон не содержит специальной нормы, формально определяющей иерархию конституционных положений. Однако с учетом специфики конституционных норм некоторым из них в ходе толкования может отдаваться предпочтение как имеющим приоритетное значение в конкретных ситуациях. ... При толковании кон-

ституционных норм вопрос об их возможной соподчиненности должен решаться в контексте всей системы норм Основного Закона применительно к конкретной ситуации». Конституционная норма о недопустимости лишения жилища, иначе как по решению суда (пункт 1 статьи 25), имеет особое значение, неразрывно связана с рядом других положений Конституции о правах и свободах человека и гражданина.

В Республике Казахстан как демократическом, правовом и социальном государстве, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы (пункт 1 статьи 1 Конституции), создаются условия для обеспечения граждан жильем (пункт 2 статьи 25 Конституции). Это связано и с закрепленными в Конституции правом граждан на охрану здоровья (пункт 1 статьи 29), неприкосновенностью достоинства человека (пункт 1 статьи 17) и с тем, что брак и семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства (пункт 1 статьи 27).

Конституционные нормы о защите жилища (статья 25) непосредственно связаны с защитой права человека на жизнь и других прав и свобод личности, отнесенных в Конституции к высшим ценностям Республики Казахстан (пункт 1 статьи 1).

В то же время в Конституции предусмотрены обязанности граждан по выполнению обязательств перед иными лицами и государством, уважению прав и свобод других лиц. Например, уплата законно установленных налогов, сборов и иных обязательных платежей, что является долгом и обязанностью каждого (статья 35); обязанность каждого соблюдать Конституцию и законодательство Республики Казахстан, уважать права, свободы, честь и достоинство других лиц (пункт 1 статьи 34). Закреплено универсальное правило, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц, посягать на конституционный строй и общественную нравственность (пункт 5 статьи 12).

2. В нормативных постановлениях Конституционного Совета ранее давалось толкование пункта 2 статьи 25 и пункта 3 статьи 26 Конституции.

В пункте 1 постановляющей части нормативного постановления Конституционного Совета от 20 декабря 2000 года № 21/2 отмечалось, что норма Конституции в части «никто не может быть лишен своего имущества, иначе как по решению суда» (пункт 3 статьи 26) «не устанавливает обязательность предварительного судебного решения при отчуждении имущества». Во втором абзаце пункта 2 постановляющей части того же нормативного постановления в качестве общего правила отчуждения имущества установлено: «Отчуждение имущества возможно в соответствии с законом как на основании предварительного судебного решения, так и при обязательном последующем судебном контроле за законностью и обоснованностью отчуждения имущества в случае обжалования собственником соответствующего решения государственного органа в порядке, установленном законом».

Пункт 1 постановляющей части другого нормативного постановления Конституционного Совета от 16 июня 2000 года № 6/2 содержит вывод: «Норму пункта 3 статьи 26 Конституции Республики Казахстан «никто не может быть лишен своего имущества, иначе как по решению суда» следует понимать так, что это положение не требует во всех случаях предварительного судебного решения о наложении штрафа как меры административного принуждения».

В нормативном постановлении Конституционного Совета от 21 января 2020 года № 1 обращалось внимание на то, что «Конституция Республики, жилищное законодательство страны и международные акты возводят жилище в ранг жизненно важной ценности, устанавливают обязательства государства и определяющие их содержание права граждан в этой сфере». В том же нормативном постановлении содержится правовая позиция о том, что «законодательное регулирование правоотношений, связанных с реализацией пункта 2 статьи 25 Конституции, следует осуществлять с позиции максимального раскрытия миссии социального государства, верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, принципов равенства и справедливости».

Вопрос о способах приобретения имущества и их соотношении с конституционными гарантиями права собственности был предметом рассмотрения Конституционного Суда.

Так, в нормативном постановлении Конституционного Суда от 11 июля 2023 года № 20-НП отмечается: «Основной Закон гарантирует право собственности только на то имущество, которое приобретено законным путем. Конституционные гарантии не распространяются на имущественные блага, приобретенные с нарушением установленных законами оснований и процедур, а также на поступления, полученные от их использования». В указанном нормативном постановлении также признается, что «изначально незаконно приобретенное имущество, в том числе в результате коррупции, мошенничества или злоупотребления служебным положением, на основании закона и в соответствии с определенными в нем способами и процедурами должно быть возвращено его законному собственнику, включая государство».

Ограничения права собственности могут вводиться для защиты других конституционно значимых ценностей, при этом такие ограничения должны отвечать требованиям справедливости, разумности и соразмерности (пропорциональности).

3. Конституционный Суд, руководствуясь статьей 4 Конституции, обращает внимание на следующие международные нормы об обеспечении прав на имущество и жилище человека и гражданина.

Так, в статье 12 Всеобщей декларации прав человека (далее – Декларация), принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (далее – ООН) 10 декабря 1948 года, говорится, что «никто не может подвергаться ... произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища... Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств». В пун-

кте 2 статьи 17 Декларации отмечается, что «никто не должен быть произвольно лишен своего имущества». В пункте 1 статьи 25 Декларации установлено, что каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая жилище, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи.

В Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, ратифицированном Законом Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года, закреплено, что каждое государство-участник обязуется развивать возможности судебной защиты (пункт 3 статьи 2). В этом же Пакте указывается, что «никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища» (пункт 1 статьи 17) и что «каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» (пункт 2 той же статьи).

В пункте 1 статьи 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года, ратифицированного Законом Республики Казахстан от 21 ноября 2005 года, установлено: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни». Государства-участники данного Пакта обязуются принять надлежащие меры к обеспечению осуществления этого права, «признавая важное значение в этом отношении международного сотрудничества, основанного на свободном согласии».

В Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года (Закон Республики Казахстан от 29 июня 1998 года о присоединении к Конвенции) установлено, что государства-участники обеспечивают женщинам, проживающим в сельских районах, право «пользоваться надлежащими условиями жизни, особенно жилищными условиями, санитарными услугами, электро- и водоснабжением...» (подпункт х) пункта 2 статьи 14).

Неприкосновенность жилища закреплена также в Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года и ратифицированной постановлением Верховного Совета Республики Казахстан от 8 июня 1994 года (статья 16), в Конвенции о правах инвалидов, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года, ратифицированной Законом Республики Казахстан от 20 февраля 2015 года (статья 22).

4. В соответствии с Конституцией и ее официальным толкованием в нормативных постановлениях органа конституционного контроля законодательство Казахстана в настоящее время исходит из того, что вопросы правового контроля за лишением имущества и жилища на основе закона могут быть отнесены к компетенции суда и прокуратуры.

Законодательство Республики Казахстан рассматривает необходимость судебного решения и право лиц на обращение в суд для провер-

ки и во всех случаях оспаривания законности лишения их имущества или его части как гарантию права собственности. В пункте 2 статьи 76 Конституции установлено, что судебная власть распространяется на все дела и споры, возникающие на основе Конституции, законов, иных нормативных правовых актов, международных договоров Республики Казахстан.

В пункте 2 статьи 249 ГК (Общая часть) законодателем установлено, что принудительное отчуждение имущества у собственника не допускается, кроме случаев: обращения взыскания на имущество по обязательствам собственника; принудительного отчуждения имущества, которое в силу законодательных актов Республики Казахстан не может принадлежать данному лицу; реквизиции; конфискации; принудительного отчуждения недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка; изъятия бесхозяйственно содержащихся памятников истории и культуры, культурных ценностей; национализации; продажи имущества с публичных торгов по решению суда в случае невозможности раздела общего имущества либо выдела доли из него; обращения в доход государства имущества в соответствии с законодательством Республики Казахстан о возврате государству незаконно приобретенных активов.

В Законе Республики Казахстан от 23 декабря 1995 года «Об ипотеке недвижимого имущества» предусмотрена возможность удовлетворения требований залогодержателя путем реализации ипотеки в судебном порядке и при определенных условиях – во внесудебном порядке (подпункты 1) и 2) пункта 2 статьи 20). При этом за залогодателем и должником по основному обязательству, если он не является залогодателем, закреплено право на обращение в суд в течение трех месяцев после проведения торгов в случае нарушения процедуры их проведения (статья 33).

В части первой статьи 250-1 ГПК предусмотрено, что в ходе принудительного исполнения решения суда при невозможности погашения задолженности за счет иного имущества либо при недостаточности имущества взыскатель или судебный исполнитель вправе обратиться в суд с заявлением об обращении взыскания на недвижимое имущество должника.

В соответствии с частью первой статьи 252 ГПК в установленных законом случаях судебным исполнителем выносится постановление о производстве исполнительных действий, подлежащих санкционированию судом либо прокурором. В случае отказа в даче санкции судья выносит соответствующее мотивированное определение, а прокурор – постановление об отказе в даче санкции на проведение исполнительных действий (часть четвертая той же статьи).

В статье 32 Закона от 2 апреля 2010 года предусмотрены меры по обеспечению исполнения исполнительных документов, которые обязан принять судебный исполнитель, в том числе: изъятие движимого и недвижимого имущества должника, находящегося у него либо у иных физических или юридических лиц, изъятие правоустанавливающих

документов (подпункты 2), 2-1) и 6) пункта 2). В соответствии с подпунктом 2) пункта 31 статьи 1 Закона от 21 января 2019 года санкционирование некоторых указанных и иных мер вместо суда возложено на прокурора.

Порядок обращения взыскания на имущество должника определен в статье 55 Закона от 2 апреля 2010 года. Обращение взыскания на имущество должника включает изъятие имущества и (или) его принудительную реализацию либо передачу взыскателю (пункт 1). В первую очередь, взыскание по исполнительным документам обращается на денежные суммы должника, в том числе и находящиеся в банках и организациях, осуществляющих отдельные виды банковских операций, если иной порядок не определен в исполнительном документе (пункт 2). При отсутствии у должника денежных сумм, достаточных для погашения задолженности, взыскание обращается на другое принадлежащее должнику имущество в том размере и объеме, который необходим для исполнения исполнительного документа с учетом расходов по исполнению и оплате деятельности частного судебного исполнителя. В случае недостаточности другого имущества должника взыскание может быть обращено на его имущество, стоимость которого превышает размер взыскания по исполнительному документу, с возвратом должнику суммы, оставшейся после реализации имущества и оплаты деятельности частного судебного исполнителя, а также установленных в законе расходов по исполнению (пункты 4 и 5).

Законом от 2 апреля 2010 года установлено, что «обращение взыскания на имущество должника, в том числе на долю в общем имуществе, за исключением обращения взыскания на деньги, находящиеся в банках и организациях, осуществляющих отдельные виды банковских операций, страховых организациях, а также на заработную плату должника и иные виды доходов должника, судебным исполнителем осуществляется с санкции прокурора» (пункт 8 статьи 55).

В пункте 1 статьи 1 Закона Республики Казахстан от 14 июля 1997 года «О нотариате» (далее – Закон от 14 июля 1997 года) закреплено, что нотариат в Республике Казахстан обеспечивает «защиту прав и законных интересов физических, юридических лиц путем совершения нотариальных действий».

В соответствии со статьей 92-1 Закона от 14 июля 1997 года для взыскания денег или истребования иного движимого имущества от должника нотариус совершает исполнительную надпись в электронном виде посредством единой нотариальной информационной системы при предъявлении подлинного документа, устанавливающего задолженность. На основании исполнительной надписи производится взыскание задолженности только по документально подтвержденным бесспорным требованиям – при бесспорности задолженности и признании должником вины в неисполненном обязательстве. В том же Законе предусмотрена соответствующая процедура отмены исполнительной надписи (статья 92-8).

На основании пункта 3 статьи 26 Конституции в статьях 84–90 Земельного кодекса Республики Казахстан от 20 июня 2003 года (далее – ЗК) и в главе 6 Закона Республики Казахстан от 1 марта 2011 года «О государственном имуществе» (далее – Закон от 1 марта 2011 года) предусмотрены условия и порядок изъятия земельных участков и находящихся на них строений, в том числе жилища, для государственных нужд.

5. Конституционный Суд отмечает, что в Конституции не используется понятие «санкция прокурора». Компетенция, организация и порядок деятельности прокуратуры Республики Казахстан определены Конституционным законом Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года «О прокуратуре» (далее – Конституционный закон от 5 ноября 2022 года). В данном Конституционном законе санкция отнесена к актам прокурорского надзора (подпункт 1) пункта 1 статьи 32). Прокурор в установленных законом случаях, осуществляя высший надзор за законностью, дает санкцию (согласие) на совершение отдельных действий правоограничительного характера, получение сведений, содержащих охраняемую законом тайну (пункт 1 статьи 34).

Санкция (согласие) прокурора предполагает предварительный надзор за соответствием закону отдельных решений (действий) судебного исполнителя, затрагивающих права участников исполнительного производства.

Процедуру согласования прокурором решений (действий) судебного исполнителя следует рассматривать как один из механизмов защиты прав и законных интересов человека и гражданина в исполнительном производстве. Законодатель вправе определять случаи и порядок, когда решения (действия) уполномоченных органов (лиц) требуют обязательной санкции (согласия) суда или прокурора.

Конституционным законом от 5 ноября 2022 года полномочия прокурора по санкционированию изъятия имущества прямо не закреплены. В то же время в соответствии с пунктом 6 статьи 32 Закона от 2 апреля 2010 года в действующей редакции Закона от 21 января 2019 года судебные исполнители с санкции прокурора могут лишать граждан недвижимости, в том числе жилья, без судебного акта, а прокурор санкционирует такие постановления согласно закону.

Особое внимание в Конституции защите права на неприкосновенность жилища (пункт 1 статьи 25) обязывает законодателя учитывать это конституционное положение при законодательной регламентации оснований и процедур лишения права собственности на жилище.

В частности, такой подход прослеживается в очередности реализации имущества должника, закрепленной в пункте 1 статьи 72 Закона от 2 апреля 2010 года. При обращении взыскания на имущество физического лица реализация этого имущества осуществляется в следующей очередности: в первую очередь – имущество, не являющееся предметом первой необходимости, ценные бумаги, валютные ценности, драгоценные металлы и драгоценные камни, ювелирные изделия, предметы

декора и обстановки; во вторую очередь – транспортные средства, недвижимое имущество (кроме жилища); в третью очередь – жилище.

В подпункте 28) статьи 2 Закона от 16 апреля 1997 года жилище определяется как «отдельная жилая единица (индивидуальный жилой дом, квартира, комната в общежитии, модульный (мобильный) жилой дом), предназначенная и используемая для постоянного проживания, отвечающая установленным строительным, санитарным, экологическим, противопожарным и другим обязательным нормам и правилам». В пункте 3 статьи 3 этого же Закона установлено, что «лишение жилища допускается только по решению суда в случаях, предусмотренных законами Республики Казахстан».

Конституционные нормы о жилище (статья 25) относятся ко всем видам жилища.

Норма о недопустимости лишения жилища, иначе как по решению суда, в Конституции выделена особо несмотря на то, что жилище как разновидность имущества и собственности (пункты 1 – 3 статьи 26) защищается и этими общими нормами Конституции.

Конституционный Суд считает, что решения в исполнительном производстве, связанные с лишением граждан жилища без их согласия, должны в обязательном порядке приниматься судом (пункт 1 статьи 25, пункты 2 и 3 статьи 26, пункт 3 статьи 39 Конституции). Указанное конституционное полномочие суда при решении вопроса о лишении граждан жилища недопустимо передавать иным органам и должностным лицам, в том числе прокурору.

В связи с этим принцип неприкосновенности жилища и недопустимости его лишения, иначе как по решению суда (пункт 1 статьи 25 Конституции), не случайно выделен в отдельную конституционную норму и в пункте 2 той же статьи записано, что в Республике Казахстан «создаются условия для обеспечения граждан жильем».

6. Конституционный Суд констатирует, что провозглашение Республики Казахстан в Конституции демократическим, светским, правовым и социальным государством предполагает определенные ограничения и обязательства государства по обеспечению минимального уровня жизни при лишении граждан жилища по решению суда и исполнении этого решения судебным исполнителем на любой стадии исполнения.

Так, в Законе Республики Казахстан от 30 декабря 2022 года «О восстановлении платежеспособности и банкротстве граждан Республики Казахстан» указано, что в состав имущественной массы должника, в которую включается все его движимое и недвижимое имущество в Республике Казахстан и за ее пределами, не входит, в частности, «единственное жилище должника, не являющееся обеспечением исполнения обязательств» (пункт 3 статьи 38).

По Закону от 2 апреля 2010 года исполнительное производство приостанавливается, если требуется принудительное выселение «граждан, относящихся к социально уязвимым слоям населения, из единственного

жилища на территории Республики Казахстан в период отопительного сезона» (подпункт 6-1) абзаца первого статьи 42). Такое выселение из-за долгов граждан, относящихся к социально уязвимым слоям населения, в отопительный сезон запрещается (подпункт 1) пункта 1 и пункт 3-1 статьи 29 Закона от 16 апреля 1997 года).

В перечне имущества, принадлежащего должнику на праве собственности или являющегося его долей в общей собственности, необходимого для должника и лиц, находящихся на его иждивении, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам (статья 61 Закона от 2 апреля 2010 года), отсутствует единственное жилье должника и членов его семьи. При этом в уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрены минимальные стандарты обеспечения неприкосновенности жилища осужденного и членов его семьи. В части пятой статьи 78 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан от 5 июля 2014 года (далее – УИК), посвященной имуществу осужденного, подлежащему конфискации, содержится исключение возможности конфискации по приговору суда имущества осужденного в соответствии с установленным в приложении к УИК перечнем. В этом приложении, во многом повторяющем содержание статьи 61 Закона от 2 апреля 2010 года, имеется подпункт 1), существенный для реализации конституционного права на жизнь (пункт 1 статьи 15 Конституции) и устанавливающий, что конфискации не подлежит необходимое для осужденного и лиц, находящихся на его иждивении, принадлежащее ему на праве частной собственности или являющееся его долей в общей собственности «единственное жилье осужденного и его семьи, площадь которого не превышает нормативов, установленных жилищным законодательством, на каждого члена семьи». Данные минимальные нормативы содержатся в пункте 1 статьи 75 Закона от 16 апреля 1997 года.

Таким образом, в Республике Казахстан в настоящее время предусмотрены жилищные гарантии для осужденного в виде установления минимальных стандартов обеспечения сохранности жилья для него и членов его семьи, но отсутствуют подобные гарантии в законе об исполнительном производстве при лишении должника и членов его семьи жилища, в том числе при обращении взыскания судебным исполнителем на единственное жилье, которое не было предметом залога. Конституционный Суд считает, что эти вопросы следует решать с учетом конституционных норм о жизни, правах и свободах человека как высших ценностях, о правах членов его семьи, особенно несовершеннолетних детей и нетрудоспособных лиц, а также положений Конституции об утверждении Республикой Казахстан себя демократическим, социальным и правовым государством.

Управление Верховного комиссара по правам человека ООН отмечает: «Принудительные выселения, как правило, сопровождаются применением насилия и несоразмерно сильно затрагивают бедных, которые из-за этого страдают от нарушения других прав человека.

Во многих случаях принудительные выселения еще более усугубляют проблему, ради решения которой они предположительно и осуществлялись» («Право на достаточное жилище». Изложение актов № 21/Rev.1).

В этом же документе Управления Верховного комиссара по правам человека ООН указывается на причинную связь роста бездомности, ведущей к нарушению других прав человека, в частности, с отсутствием доступного жилья, принудительным выселением, отсутствием социального жилья, игнорированием потребностей наиболее уязвимых групп населения. Подчеркивается, что «принудительные выселения не должны приводить к появлению бездомных лиц». Государствам рекомендуется: 1) уважать право на достаточное жилье, воздерживаться, в частности, от принудительных выселений и разрушений домов; 2) защищать право на достаточное жилье, предотвращая от вмешательства в него третьих сторон, принимая необходимые законодательные и иные меры;».

В связи с этим Конституционный Суд отмечает компетенцию Парламента Республики Казахстан, который вправе (подпункты 1) и 2) пункта 3 статьи 61 Конституции) в целях охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения предусмотреть возможность установления некоторых ограничений при лишении жилища, если оно является для собственника единственным и, особенно, если оно не было предметом залога, с учетом вышеотмеченных минимальных стандартов обеспечения неприкосновенности жилища, а также принять дополнительные меры по развитию и правовому регулированию фонда социального жилья.

Конституционный Суд считает, что в Законе от 2 апреля 2010 года для соблюдения баланса прав и обязанностей участников правоотношений целесообразно предусмотреть минимальную норму жилой площади, которая остается у должника и членов его семьи, учитывая совместно проживающих с ним несовершеннолетних, нетрудоспособных, инвалидов, при изъятии по решению суда единственного жилища судебным исполнителем в счет покрытия долга кредиторам.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 4) пункта 1 и пунктом 4 статьи 72, пунктом 3 статьи 74 Конституции Республики Казахстан, подпунктом 1) пункта 3 и подпунктом 4) пункта 4 статьи 23, статьями 55 – 58, 62, пунктом 3 статьи 64 и подпунктами 1) и 2) пункта 1 статьи 65 Конституционного закона Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года «О Конституционном Суде Республики Казахстан», Конституционный Суд Республики Казахстан

постановляет:

1. Норму пункта 3 статьи 26 Конституции Республики Казахстан о том, что «никто не может быть лишен своего имущества, иначе как по решению суда», следует понимать как важную конституционную гарантию права собственности. Конституция гарантирует право собственно-

сти граждан на любое законно приобретенное имущество. Лишение имущества во всех спорных случаях может производиться на основании предварительно принятого судом решения или иными способами, предусмотренными законом, с возможностью последующего судебного контроля за законностью отчуждения имущества.

Конституционные положения о запрете лишения жилища или иного имущества, иначе как по решению суда (пункт 1 статьи 25 и пункт 3 статьи 26), касаются ситуаций, когда смена собственника происходит не добровольно.

Прокурор в установленных законом пределах и формах осуществляет высший надзор за соблюдением законности лишения имущества и санкционирует в предусмотренных законом случаях процедуру принудительного обращения взыскания на имущество должника (кроме жилища), находящееся у него либо у иных физических и юридических лиц, или отказывает в даче санкции. При этом не должны затрагиваться законные интересы других собственников данного имущества, если оно находится в общей совместной собственности. В случае несогласия с принятым решением физические и юридические лица вправе обратиться в суд в соответствии с законом.

2. Норму, содержащуюся в пункте 1 статьи 25 Конституции и устанавливающую, что «не допускается лишение жилища, иначе как по решению суда», с учетом конституционных норм о жилище, имуществе и праве собственности, об иных правах и свободах человека необходимо понимать буквально. Человек может быть лишен жилища только по решению суда. Санкционирование прокурором процедуры по принудительному обращению взыскания на жилище не отменяет судебное решение, не заменяет его и не равнозначно ему.

Жилище как особый вид имущества, существенно важный для реализации человеком и членами его семьи конституционного права на жизнь, имеет особую защиту в Конституции. В Республике Казахстан, утверждающей себя демократическим, правовым и социальным государством, а также закрепившей конституционные положения о том, что в Казахстане создаются условия для обеспечения граждан жильем, гарантируется неприкосновенность жилища и его исключительно судебная правовая защита: в случае лишения человека жилища без его согласия решение суда обязательно и безальтернативно. При лишении гражданина жилища, особенно единственного, должны учитываться закрепленные в законе права проживающих с ним членов семьи, в том числе несовершеннолетних.

3. Органы, обеспечивающие принудительное исполнение исполнительных документов, обязаны соблюдать конституционные права и установленные законами гарантии собственников жилища, разъяснять гражданам их права до принудительного обращения взыскания на имущество и жилище, а в случае их несогласия – принимать меры по обеспечению выполнения требований Конституции (пункт 1 статьи 25 и пункт 3 статьи 26).

4. Правительству Республики Казахстан совместно с Верховным Судом Республики Казахстан, Генеральной прокуратурой Республики Казахстан и другими заинтересованными государственными органами Республики Казахстан, с учетом толкования норм Конституции Республики Казахстан и правовых позиций Конституционного Суда Республики Казахстан, изложенных в настоящем нормативном постановлении, рассмотреть вопросы по совершенствованию правового регулирования процедуры лишения жилища, уточнению компетенции суда, прокуратуры и органов, обеспечивающих принудительное исполнение исполнительных документов, при лишении имущества и жилища, усилению правовой защиты жилищных прав граждан, членов их семей, включая несовершеннолетних, при лишении их единственного жилища.

5. Настоящее нормативное постановление вступает в силу со дня его принятия, является общеобязательным на всей территории Республики Казахстан, окончательным и обжалованию не подлежит.

6. Опубликовать настоящее нормативное постановление на казахском и русском языках в периодических печатных изданиях, получивших право на официальное опубликование законодательных актов, единой системе правовой информации и на интернет-ресурсе Конституционного Суда Республики Казахстан.

**Конституционный Суд
Республики Казахстан**

**РЕЗЮМЕ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
от 13 ноября 2023 года № 52-П по делу о проверке
конституционности пункта 2 примечаний к статье 2221
Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом
Вичугского городского суда Ивановской области**

История вопроса

Гражданин Б. из поселка Каменка Вичугского района Ивановской области в 90-х годах на законных основаниях приобрел порох для самостоятельного снаряжения патронов к охотничьему оружию. После прекращения действия разрешения на оружие он более 10 лет хранил этот порох у себя дома, пока не передал его остатки (около 185 граммов) своему знакомому, поверив на слово, что у того есть охотничий билет. Гражданину Б. было предъявлено обвинение в незаконном хранении и сбыте данного пороха. Вичугский городской суд полагал, что оспариваемая норма не соответствует Конституции, поскольку позволяет привлекать к уголовной ответственности за действия с охотничьим порохом как за действия с взрывчатым веществом.

Позиция Суда

Оспариваемое положение позволяет относить охотничий порох к взрывчатым веществам с учетом заключения соответствующей экспертизы. Отсутствие же в рассматриваемой статье конкретизации наказания в зависимости от вида, качества и количества взрывчатых веществ само по себе не противоречит Конституции Российской Федерации. Максимальное суровое наказание, предусмотренное данной нормой, предполагается с учетом возможности использования взрывчатых веществ в террористической и другой противоправной деятельности.

При этом оспариваемая норма не препятствует индивидуализации уголовно-правового воздействия и не исключает прекращение уголовного преследования. В каждом конкретном деле судам необходимо учитывать обстоятельства, уменьшающие степень общественной опасности вменяемого деяния: действия лица, его мотивы, цель и правомерность приобретения пороха, а также количественные и качественные характеристики вещества. Для обеспечения справедливости и соразмерности оценки деяния действующие нормы позволяют вынести решение о малозначительности события, назначить более мягкое наказание, в том числе ниже низшего предела, изменить категорию преступления на менее тяжкую, применить условное осуждение.

Таким образом, рассматриваемая норма не противоречит Конституции Российской Федерации.

**РЕЗЮМЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
от 24 ноября 2023 года № 54-П по делу о проверке
конституционности пунктов «а», «в» части первой статьи 97,
статей 99 и 100, частей первой и третьей статьи 102
Уголовного кодекса Российской Федерации в связи
с запросами Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого
автономного округа**

История вопроса

Салехардский городской суд рассматривает два обращения психоневрологического диспансера о применении принудительных мер медицинского характера в отношении лиц с психическими расстройствами. Гражданин Ф., совершивший хищение в состоянии ограниченной вменяемости, был осужден к лишению свободы условно с испытательным сроком, а также ему назначили принудительное лечение у врача-психиатра амбулаторно. Гражданин С. был освобожден от уголовной ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности в состоянии невменяемости, и ему назначена принудительная психиатрическая помощь в условиях стационара.

Вопросы продления и изменения принудительных мер медицинского характера в отношении этих граждан неоднократно рассматривались судом по представлению медицинской организации. При очередном таком обращении Салехардский городской суд усомнился в правильности этих обременений без наличия предельного срока их применения и усмотрел несоразмерность ограничений прав граждан.

Позиция Суда

Право на личную неприкосновенность и охрану здоровья гарантировано Конституцией всем категориям граждан. К совершившим преступление лицам с психическими расстройствами в качестве лечения применяются принудительные меры медицинского характера, необходимость и продолжительность которых определяется состоянием здоровья. Это требуется для предотвращения причинения ими вреда себе или окружающим.

Применение принудительных мер медицинского характера к указанным лицам закреплено в уголовно-правовом порядке и связано с совершенным преступлением. Продление, отмена или изменение их вида возможны только по решению суда на основании результатов периодического освидетельствования комиссией врачей-психиатров, учитывающих особенности психического состояния этих лиц, их опасность для себя и иных лиц, необходимость получения ими медицинской помощи. Судебный контроль направлен на защиту лиц, в отношении которых такие меры применяются, от необоснованного ограничения их прав, а также на защиту общества. Длительность применения такого рода мер не может служить основанием для их прекращения, поскольку конечная цель состоит в излечении лиц, страдающих психическими расстройствами, или в улучшении их здоровья.

Соответственно, принудительные меры медицинского характера являются лечением, а не наказанием, и не могут рассматриваться как нарушающие права лиц с психическими расстройствами. Таким образом, оспариваемые нормы не противоречат Конституции Российской Федерации.

**РЕЗЮМЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
от 11 января 2024 года № 1-П по делу о проверке конституционности
части первой статьи 111 и части первой статьи 112
Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3
Правил определения степени тяжести вреда, причиненного
здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.**

История вопроса

Пенсионер-инвалид из Якутска был избит во дворе своего дома. Полученные повреждения и переживания спровоцировали у него тревожное расстройство, которое в ходе предварительного расследования было квалифицировано как вред здоровью средней тяжести. Доводы потерпевшего о причинении ему тяжкого вреда здоровью, признаком которого является наступление психического расстройства, были отклонены. Заявитель полагает, что оспариваемые нормы не содержат критериев определения тяжести психического расстройства, что порождает возможность их произвольного применения.

Позиция суда

Гарантированные Конституцией права на безопасность и личную неприкосновенность защищены уголовным законом, обеспечивающим охрану жизни и здоровья человека. Особое значение придается психическому здоровью человека, которое также важно для реализации им прав, обязанностей и социальных возможностей.

По общему правилу оспариваемые нормы предполагают квалификацию насильственного деяния, вызвавшего психическое расстройство, как причинение тяжкого вреда здоровью. Однако наличие у лица психического расстройства может по-разному отражаться на его интеллектуальном и волевом уровне. Следовательно, недопустимо формальное приравнивание любого (даже неглубокого и кратковременного) расстройства психики потерпевшего по степени его тяжести к полной потере речи, зрения, слуха и к другим указанным в статье 111 Уголовного кодекса РФ последствиям, очевидным образом влияющим на качество жизни и социальное благополучие. Для физических повреждений оспариваемыми нормами установлен критерий длительности расстройства здоровья и степени утраты общей трудоспособности. С учетом принципов равенства и справедливости отсутствуют разумные основания не применять такие критерии в случае причинения повреждений, вызвавших психическое расстройство, но существенно не повлиявших на человека.

Обжалуемые нормы не противоречат Конституции Российской Федерации. Они не исключают – если психическое расстройство не относится к тяжелым и при этом отсутствуют предпосылки для его длительного негативного влияния на социальное благополучие потерпевшего – квалификацию деяния как причинения вреда здоровью средней тяжести. Дело заявителя подлежит пересмотру.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
от 31 января 2024 года № 4-П по делу о проверке
конституционности части первой статьи 53 Уголовного
кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан
О.А.Балуковой и Ю.М.Чернигиной**

31 января 2024 года

город Санкт-Петербург

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, М.Б.Лобова, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 471, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой статьи 53 УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан О.А.Балуковой и Ю.М.Чернигиной. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое ими законоположение.

Поскольку обе жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В.А.Сивицкого, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно части первой статьи 53 УК Российской Федерации ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места про-

ведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации; при этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации; установление судом осужденному ограничений на изменение места жительства или пребывания без согласия указанного специализированного государственного органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования является обязательным.

1.1. По результатам рассмотрения уголовного дела, в рамках которого гражданка О.А.Балукова признана потерпевшей и гражданским истцом, приговором мирового судьи судебного участка № 387 Басманного района города Москвы от 7 июля 2021 года гражданин Л. осужден за совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» УК Российской Федерации. С учетом наличия смягчающих наказание обстоятельств и отсутствия отягчающих ему назначено ограничение свободы сроком на один год с установлением следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) с 23:00 до 06:00, не выезжать за пределы города Москвы, не изменять место жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы (которым в соответствии с частью первой статьи 471 УИК Российской Федерации является уголовно-исполнительная инспекция), не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в них. Также на Л. возложена обязанность являться в уголовно-исполнительную инспекцию один раз в месяц для регистрации.

О.А.Балукова, выражая несогласие с этим приговором в том числе в части назначенного наказания – полагая его чрезмерно мягким, не отвечающим тяжести содеянного, не способствующим восстановлению социальной справедливости и не позволяющим предотвратить совершение осужденным новых актов насилия в отношении нее, поскольку судом не установлено ограничений в виде запрета посещения осужденным ее места жительства и работы, – оспорила его в апелляционном порядке.

Апелляционным постановлением районного суда от 20 сентября 2021 года подтверждена правомерность вынесенного мировым судьей решения, а доводы О.А.Балуковой отвергнуты с разъяснением, что наказание Л. назначено в том числе с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, данных о его личности и влияния назначенного наказания на его исправление; наказание при-

знано справедливым и соразмерным содеянному, отвечающим целям исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений. Также суд апелляционной инстанции со ссылкой на пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указал, что суд не вправе установить осужденному ограничения и возложить на него обязанности, не предусмотренные статьей 53 УК Российской Федерации.

О.А.Балукова обжаловала решения судов первой и апелляционной инстанций в кассационном порядке, утверждая, что опасается продолжения совершения в отношении нее противоправных действий со стороны осужденного, и полагая с учетом этого, что имеются основания для установления Л. в период ограничения свободы также запрета посещать место ее жительства и работы, а именно находиться на расстоянии ближе 300 метров от этих мест.

Постановлениями судьи кассационного суда общей юрисдикции и судьи Верховного Суда Российской Федерации также констатирована справедливость назначенного наказания и его соразмерность содеянному. При этом судьи отметили, что вопрос о дополнении ранее установленных осужденному ограничений свободы в соответствии с частью третьей статьи 53 УК Российской Федерации может быть разрешен судом в период отбывания наказания по представлению специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

О.А. Балукова – указывая на то, что в ходе производства по уголовному делу в отношении Л. действовала мера пресечения в виде запрета определенных действий, в рамках которой ему были установлены запреты находиться в определенных местах, в том числе ее проживания и работы, а также ближе 500 метров до указанных объектов, общаться с ней, включая общение при помощи средств связи и через интернет, направлять в ее адрес почтово-телеграфные и иные отправления, – просит признать часть первую статьи 53 «Ограничение свободы» УК Российской Федерации не соответствующей статьям 19, 20, 21, 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации. Она утверждает, что оспариваемое законоположение нарушает ее права в той мере, в какой в силу своей неконкретизированности и ограничительного характера – в отличие от закрепленной в статье 1051 УПК Российской Федерации меры пресечения в виде запрета определенных действий – оно не обеспечивает соразмерную уголовно-правовую защиту прав потерпевшего на личную неприкосновенность и на охрану достоинства личности от насилия, не позволяя при назначении предусмотренного этой нормой наказания за насилие, совершенное в отношении родственника или партнера (бывшего партнера), возложить на осужденного ограничения и запреты, связанные с нахождением в определенных местах, в том числе ближе установленного расстояния до конкретных объектов, если таковые соотносятся с потерпевшим (место его жительства, работы или учебы), об-

щением с определенными лицами (в частности, с потерпевшим), а также приближением к потерпевшему, т.е. нахождением ближе установленного расстояния до него.

1.2. По результатам рассмотрения уголовного дела, в рамках которого гражданка Ю.М.Чернигина признана потерпевшей и гражданским истцом, приговором мирового судьи судебного участка № 153 района Хорошево-Мневники города Москвы от 9 апреля 2021 года гражданин Ш. осужден за совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 117 «Истязание» УК Российской Федерации. Ему назначено ограничение свободы сроком на один год с установлением следующих ограничений: не покидать с 23:00 до 06:00 помещение квартиры по фактическому месту жительства, не выезжать за пределы города Москвы и Московской области, не посещать места массовых и иных мероприятий, а именно общественно-политических, культурно-зрелищных, спортивных, и не участвовать в них, не изменять место жительства без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы. Кроме того, на Ш. возложена обязанность являться в уголовно-исполнительную инспекцию один раз в месяц для регистрации.

На данный приговор в интересах Ю.М.Чернигиной подана апелляционная жалоба, в которой в том числе указывалось на чрезмерную мягкость назначенного наказания. Однако апелляционным постановлением районного суда от 29 июля 2021 года подтверждена правомерность вынесенного мировым судьей решения в части назначенного наказания.

Утверждая, что с учетом материалов дела, данных о личности осужденного у суда были основания установить ему больше ограничений и обязанностей, связанных с наложением запрета посещать в определенное время суток ее местонахождение и местонахождение членов ее семьи, она подала жалобу в кассационный суд общей юрисдикции. Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2022 года постановленный в отношении Ш. приговор по кассационной жалобе его адвоката изменен, из него исключены ссылки на последствия совершенного преступления и на учет отягчающих обстоятельств, а назначенное наказание смягчено до 10 месяцев ограничения свободы. При этом судебная коллегия не согласилась с доводами жалобы Ю.М.Чернигиной, отметив, что установление осужденному ограничений и возложение обязанностей является прерогативой суда и от волеизъявления потерпевшей, не оспаривавшей вид и размер наказания, не зависит.

Ю.М.Чернигина обратилась в Верховный Суд Российской Федерации с кассационной жалобой, в которой указывала, что назначенное наказание подлежит усилению путем установления осужденному запрета находиться на расстоянии ближе 300 метров от нее (вне зависимости от ее местонахождения), ее места жительства, работы, а также места учебы ее ребенка. Однако постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2022 года ей отказано в передаче жалобы для рас-

смотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. При этом отмечено, что доводы об установлении осужденному дополнительных ограничений удовлетворению не подлежат, поскольку суд не вправе возложить на него обязанности, не предусмотренные статьей 53 УК Российской Федерации.

Ю.М.Чернигина утверждает, что часть первая статьи 53 УК Российской Федерации противоречит статьям 19, 20, 21, 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой не обеспечивает соразмерную уголовно-правовую защиту прав потерпевшего на личную неприкосновенность и на охрану достоинства личности от насилия, не позволяя при назначении предусмотренного этой нормой наказания за систематическое насилие и (или) насилие, совершенное в отношении родственника или партнера (бывшего партнера), возложить на осужденного ограничения и запреты, связанные с нахождением в определенных местах, в том числе ближе установленного расстояния до конкретных объектов, если таковые соотносятся с потерпевшим (место его жительства, работы или учебы), общением с определенными лицами (а именно с потерпевшим или его детьми), а также приближением к потерпевшему, т.е. нахождением ближе установленного расстояния до него.

1.3. Как следует из представленных материалов, суды, применяя часть первую статьи 53 УК Российской Федерации, рассматривали требования заявителей об установлении лицам, признанным совершившими в отношении них преступления, именно запрета посещать места, в которых может регулярно находиться потерпевший или его близкие (приближаться к таким местам на определенное расстояние), и приближаться к потерпевшему на определенное расстояние вне зависимости от его местонахождения. Соответственно, оспариваемая норма является предметом рассмотрения по настоящему делу только в этой части, не затрагивая вопроса о других запретах, на отсутствие которых, как нарушающее права, указывают заявители.

Таким образом, с учетом предписаний статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть первая статьи 53 УК Российской Федерации в той мере, в какой на ее основании при применении ограничения свободы как вида наказания рассматриваются требования потерпевшего об установлении подсудимому запретов посещать места, в которых может регулярно находиться потерпевший или его близкие (приближаться к ним на определенное расстояние), и приближаться к потерпевшему на определенное расстояние вне зависимости от его местонахождения.

2. В Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. В числе других прав и свобод, действующих непосредственно,

определяющих смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваемых правосудием, право на охрану достоинства личности, а равно право на свободу и личную неприкосновенность принадлежат каждому от рождения, образуют основу свободы, справедливости и всех неотъемлемых прав человека, воплощают в себе одно из важнейших социальных благ человека, предполагающих повышенный уровень гарантий со стороны государства – включая средства уголовного закона – в соответствии с конституционными положениями и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (статья 2; статья 15, часть 4; статья 17; статьи 18 и 21; статья 22, часть 1, Конституции Российской Федерации; преамбула, статьи 1, 3 и 5 Всеобщей декларации прав человека; преамбула, статьи 7, 9 и 10 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Любое посягательство на личность, ее права и свободы, а тем более на физическую неприкосновенность является одновременно и посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек становится объектом произвола и насилия. В этой связи Конституция Российской Федерации, ее статьи 19 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2) и 52, а также пункты 1, 4 и 6 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята 29 ноября 1985 года Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) гарантируют лицам, которым причинен вред – телесные повреждения, моральный и материальный ущерб, существенное ущемление основных прав – в результате действия или бездействия, нарушающего уголовный закон, в равной степени охрану их прав законом, обеспечение безопасности, физической неприкосновенности, предупреждение повторного противоправного посягательства либо угроз его причинения и не допускают возможности психологического воздействия осужденного на потерпевшего.

Непринятие своевременных мер к выявлению, предупреждению, предотвращению и (или) пресечению нарушений прав и свобод в тех случаях, когда в дальнейшем их восстановление оказывается невозможным, означало бы умаление чести и достоинства личности не только виновным в противоправном деянии, но и самим государством. Жертвы преступлений подлежат государственной защите, им должна предоставляться возможность собственными действиями добиваться, в том числе в рамках производства по уголовному делу, восстановления своих прав и законных интересов, которые не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного вреда, – эти интересы в значительной степени связаны также с разрешением иных вопросов, включая вопросы применения уголовного закона и индивидуализации наказания (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1999 года № 1-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 16 октября 2012 года № 22-П, от 2 июля 2013 года № 16-П, от 8 апреля 2021 года № 11-П и др.), с тем чтобы обеспечить защиту их прав и свобод, а также предупреждение новых преступных посягательств на них.

Тем самым государство обязано предусмотреть эффективные меры предупреждения общественно опасных деяний, посягающих на безопасность личности, обеспечить эффективное противодействие насилию, а также в праве, приняв к сведению характер, тяжесть и степень распространенности таких деяний, в том числе уязвимость потерпевшего, выбрать ту или иную конструкцию состава правонарушения, установить признаки противоправности деяния, вид ответственности за его совершение, определить адекватные совершенному преступлению меры наказания с учетом особой конституционной значимости достоинства личности и права на личную неприкосновенность, необходимости повышенной их защиты, обеспечивая при этом соразмерность ответственности ценностям, охраняемым законом, включая уголовный, при строгом соблюдении принципов равенства, справедливости и гуманизма по отношению как к осужденным, так и к потерпевшим от преступных посягательств, нуждающимся в обеспечении государством гарантий их безопасности и личной неприкосновенности.

3. По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделения их правом определять необходимость осуществления публичного уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности и наказания – такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов. Юридическая же ответственность, если она выходит за рамки восстановления нарушенных преступлением прав и законных интересов потерпевших, включая возмещение причиненного этим деянием вреда, является средством публично-правового реагирования на преступное поведение, в связи с чем вид и мера ответственности лица, совершившего преступление, должны определяться исходя из публично-правовых интересов, а не частных интересов потерпевшего (постановления от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 27 июня 2005 года № 7-П, от 16 мая 2007 года № 6-П, от 17 октября 2011 года № 22-П и от 18 марта 2014 года № 5-П).

Тем не менее с учетом того, что интересы обеспечения и защиты прав потерпевших имеют публично-правовое значение, это не снимает с государства обязанность не только конструировать составы преступлений, но и определять содержание мер наказания таким образом, чтобы наиболее эффективно достигать целей наказания. Согласно части второй статьи 43 УК Российской Федерации наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. В данной норме, действующей во взаимосвязи с частью первой статьи 1 УИК Российской Федерации, предупреждение новых преступлений понимается как сочетание общей и частной превенций.

Одним из аспектов частной превенции является предупреждение совершения осужденным новых преступлений в отношении граждани-

на, ранее потерпевшего от его противоправного деяния, потребность в чем тем более возрастает, если речь идет о преступлении, совершенном по мотивам личной вражды, ненависти или неприязненных отношений. Поэтому смысл конституционного предписания об охране законом прав потерпевших от преступлений (статья 52 Конституции Российской Федерации) предполагает принятие соответствующих мер как при определении содержания возможных обременений и правоограничений лица, совершившего преступления, так и при их применении к обстоятельствам конкретного дела.

В частности, применительно к преступлению, предусмотренному статьей 119 УК Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации ранее отметил, что органы государственной власти должны иметь средства для предупреждения насилия и на них возлагается обязанность предоставить потерпевшим при наличии обоснованных жалоб эффективную защиту от угроз как формы психологического насилия, при котором потерпевший может испытывать страх (Определение от 19 января 2021 года № 2-О).

Сказанное в полной мере применимо к необходимости обеспечения потерпевшему эффективных гарантий в период после совершения против него и других преступлений, особенно связанных с посягательством на жизнь, здоровье, человеческое достоинство, совершение которых к тому же с неизбежностью влечет эмоциональное потрясение потерпевшего от совершенного в отношении него физического и (или) психологического насилия, создает объективные основания для болезненного восприятия и ощущения страха при встрече с совершившим его лицом, даже если оно просто окажется в пределах его видимости и не будет преследовать противоправных целей.

Соответственно, если сама природа наказания допускает возможность учесть в его содержании потребности минимизации рисков потенциально опасного и во всяком случае психологически болезненного для потерпевшего взаимодействия с осужденным, причинившим ему боль, страдания и (или) унижение человеческого достоинства, то такая возможность должна быть реализована в нормативном регулировании, с тем чтобы суд мог выбирать в предусмотренных уголовным законом пределах и на основании установленных этим законом правил назначения наказания его вид и конкретное содержание в рамках избранного вида с учетом обстоятельств дела, личности подсудимого, других предусмотренных уголовным законом критериев. Следовательно, ограничения, составляющие содержание ограничения свободы как вида наказания, призваны быть и элементами санкции за преступление, и гарантиями предупреждения повторного посягательства на права потерпевших.

4. Ограничение свободы является наказанием, не связанным с изоляцией от общества, и заключается в установлении судом осужденному ограничений из числа перечисленных в части первой статьи 53 УК Российской Федерации. Часть вторая этой статьи предусматривает, что данный вид наказания назначается на срок от двух месяцев до четырех

лет в качестве основного вида наказания за преступления небольшой и средней тяжести, а также на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к принудительным работам или лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК Российской Федерации.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 22 декабря 2015 года № 58 разъяснил, что исходя из положений части первой статьи 53 УК Российской Федерации в приговоре осужденному к наказанию в виде ограничения свободы должны быть обязательно установлены ограничения как на изменение места жительства или пребывания, так и на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования без согласия уголовно-исполнительной инспекции (абзац первый пункта 17); если в состав населенного пункта, в котором проживает осужденный, входят несколько муниципальных образований, то суд вправе установить соответствующие ограничения, а также ограничение посещать определенные места в пределах территории такого населенного пункта (абзац первый пункта 18). Иные же ограничения (запреты) устанавливаются судом исходя из целей уголовного наказания, но во всяком случае из числа предусмотренных в статье 53 УК Российской Федерации, как это следует из статьи 3 УК Российской Федерации и прямо указано в абзаце втором пункта 17 названного постановления.

Законодательство предусматривает механизм корректировки содержания уже назначенного и исполняемого наказания в виде ограничения свободы, если оно не достигает своих целей. Так, согласно части третьей статьи 53 УК Российской Федерации в период отбывания ограничения свободы суд по представлению специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, может отменить частично либо дополнить ранее установленные осужденному ограничения. Следовательно, потерпевший вправе обратиться в уголовно-исполнительную инспекцию, сообщить необходимые сведения и выступать тем самым инициатором подачи соответствующего представления в суд.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, принимая решение о дополнении ранее установленных осужденному ограничений, суд выясняет, какие именно нарушения, указанные в части первой статьи 58 УИК Российской Федерации, допущены осужденным либо какие иные обстоятельства свидетельствуют о целесообразности такого решения (например, осужденный отрицательно характеризуется, имеет склонность к употреблению спиртных напитков), и указывает в постановлении мотивы принятого решения (постановление от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»).

При этом Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в статье 58 закрепляет, что в случае нарушения осужденным порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы – таким на-

рушением наряду с прочим являются несоблюдение без уважительных причин установленных судом ограничений, неявка в уголовно-исполнительную инспекцию по вызову без уважительных причин для дачи устных или письменных объяснений по вопросам, связанным с отбыванием осужденным наказания, нарушение общественного порядка, за которое он был привлечен к административной ответственности (пункты «б», «в», «д» части первой), – уголовно-исполнительная инспекция применяет к нему меру взыскания в виде предупреждения, а за совершение в течение одного года после вынесения предупреждения любого из указанных нарушений – меру взыскания в виде официального предупреждения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений (часть вторая). Одновременно с этими мерами, а также при наличии иных обстоятельств, свидетельствующих о целесообразности дополнения ранее установленных осужденному ограничений, начальник уголовно-исполнительной инспекции или замещающее его лицо может внести в суд соответствующее представление (часть третья).

Кроме того, осужденный может быть признан злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы, в том числе когда он допустил нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к нему меры взыскания в виде официального предупреждения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений, либо отказался от использования в отношении него технических средств надзора и контроля, либо скрылся с места жительства и место его нахождения не установлено в течение более 30 дней (пункты «а», «б», «в» части четвертой той же статьи). В таких случаях, если ограничение свободы назначено в качестве основного наказания, уголовно-исполнительная инспекция вносит в суд представление о замене ему неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы, а осужденный, если он скрылся, объявляется в розыск (часть пятая и шестая статьи 58 УИК Российской Федерации; часть пятая статьи 53 УК Российской Федерации; подпункт «г» пункта 2 статьи 397 УПК Российской Федерации).

Таким образом, само по себе правовое регулирование исполнения наказания в виде ограничения свободы предусматривает наличие определенных механизмов, направленных на достижение его целей и включающих корректировку применяемых к осужденному ограничений. В частности, исходя из приведенного регулирования, если осужденный допускает нарушение наложенных на него ограничений, имеются правовые основания и институциональные возможности ужесточения мер воздействия вплоть до замены назначенного наказания на лишение свободы. Отрицательное постпреступное поведение лица также может образовывать и самостоятельное основание уголовной ответственности (т.е. являться новым преступлением).

5. Тем не менее в тех случаях, когда меры взыскания применяются к осужденному к ограничению свободы за нарушение запретов (ограничений), условием (предпосылкой) их эффективности является возможность

установления судом соответствующего запрета (ограничения). И если ограничение посещать места, в которых может регулярно находиться потерпевший (запрет приближаться к данным местам на определенное расстояние), установлено быть не может, то этот механизм, как и механизм корректировки ограничений, не будет оказывать положительного воздействия на сферу личной безопасности и психологического комфорта потерпевшего. Тем более что в приведенном правовом регулировании также не содержится специального указания на наступление неблагоприятных для осужденного последствий его контакта (вербального или визуального) с потерпевшим, осуществленного против его воли, притом что вероятность нанесения нового вреда, как минимум морального, последнему таким контактом достаточно велика.

Ориентир же на то, что факт совершения осужденным нового преступного посягательства против потерпевшего послужит убедительным поводом для последующей (ретроспективной) защиты потерпевшего, искажал бы природу обязанности публичной власти по превентивной защите граждан от преступных посягательств и повышал бы повторную виктимизацию. Кроме того, целенаправленное негативное воздействие осужденного на потерпевшего из-за сохраняющейся личной вражды, ненависти или неприязни либо вновь возникшего чувства мести может быть реализовано и без совершения деяния, содержащего признаки преступления: например, с учетом наличия объективных оснований для болезненного восприятия его потерпевшим и ощущения страха потерпевшего при встрече с ним, самим фактом визуального контакта.

Риски того, что осужденный продолжит попытки контактов с потерпевшим после вынесения приговора, носят во многом не реальный, а вероятностный характер. Тем не менее сам факт того, что осужденный находится на свободе и ему не запрещено появляться в местах, в которых может регулярно находиться потерпевший, может усиливать моральные страдания последнего, связанные с совершенным в отношении него преступлением, создавать у него объективно обоснованные опасения за свою безопасность, воспринимаемые им вследствие пережитого опыта как реальные.

6. Положения Особенной части УК Российской Федерации, включая его статьи 117 и 119, в качестве основного наказания альтернативно ограничению свободы устанавливают и другие виды наказания, в том числе лишение свободы. При определенном наборе фактических данных суд, выносящий приговор за совершение таких преступлений, может, имея основания предполагать риск возобновления противоправных действий подсудимого по отношению к потерпевшему, в том числе угрожающих жизни и здоровью, если он не будет изолирован от общества, исключить возможность контактов осужденного с потерпевшим посредством применения наказаний, связанных с изоляцией от общества. Вместе с тем такой подход к избранию вида наказания, обусловленный целями защиты лишь интересов потерпевших от преступлений, противоречил бы конституционным принципам справедливости, равенства, законности, гуманизма.

К тому же более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. Согласно части первой статьи 56 УК Российской Федерации наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств. Это не исключает применения судом другого вида наказания, если таковые предусмотрены статьями Особенной части УК Российской Федерации наряду с ограничением свободы и лишением свободы. Соответственно, если исходить из того, что ограничение свободы не предполагает установления осужденному ограничений, позволяющих снизить риск его контакта с потерпевшим, при прочих равных условиях суд может – именно в интересах недопущения таких неблагоприятных последствий – склониться к применению более строгого наказания, чем ограничение свободы.

Таким образом, наличие возможности у суда установить в соответствии с частью первой статьи 53 УК Российской Федерации ограничение (запрет) посещать места, в которых может регулярно находиться потерпевший (приближаться к ним на определенное расстояние), служит в указанном аспекте и интересам обвиняемого (осужденного), а также может стимулировать – при условии наличия адекватных механизмов контроля за соблюдением такого рода ограничений, включая эффективное применение технических средств контроля и надзора, – гуманизацию уголовного наказания в аспекте расширения случаев применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

7. Установление при применении закрепленной в статье 1051 УПК Российской Федерации меры пресечения в виде запрета определенных действий, связанных с нахождением в определенных местах, в том числе ближе установленного расстояния до конкретных объектов, если таковые соотносятся с потерпевшим (место его жительства, работы или учебы), само по себе не свидетельствует о необходимости автоматического переноса этой системы запретов и контроля за их соблюдением на отношения, возникающие при исполнении наказания в виде ограничения свободы, в силу различного предназначения институтов меры пресечения и уголовного наказания. В то же время наличие такой возможности и практика ее применения подтверждают, что данный инструмент установления запретов (ограничений) и контроля за их соблюдением не является неприменимым в практической правоохранительной деятельности.

При этом и сама природа ограничения свободы как вида наказания вполне допускает наличие в его содержании ограничений нахождения в определенных местах, направленных на минимизацию рисков контактов осужденного с потерпевшим. Таковые не будут являться дополнительным наказанием или ужесточением уже предусмотренного уголовным законом по воле законодателя наказания. Вместе с тем конституционный статус потерпевшего и конституционно-правовые характеристики

мер, которые должно принимать государство для его защиты с учетом их практической исполнимости, при недостаточной обеспеченности положительного воздействия на сферу личной безопасности и психологического комфорта потерпевшего существующих ограничений (запретов), как они применяются в сложившейся практике при назначении наказания в виде ограничения свободы, по существу, обязывают к тому, чтобы изыскать возможности установления и реализации ограничения (запрета) осужденному к ограничению свободы посещать места, в которых может регулярно находиться потерпевший.

Содержание предусмотренного частью первой статьи 53 УК Российской Федерации ограничения, состоящего в запрете осужденному посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, в том числе в соотношении с также допускаемым к установлению ограничением посещать места проведения массовых и иных мероприятий и участвовать в них, носящим более точечный характер, не исключает того, чтобы в конституционно-правовых целях обеспечения и защиты прав потерпевших рассматривать в качестве таких мест, при наличии оснований для этого, и места, в которых может регулярно находиться потерпевший (места проживания, работы, учебы и другие подобные по степени значимости места), а также включить в определение этих мест конкретное разумное расстояние от них.

Во всяком случае, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данные в пункте 19 постановления от 22 декабря 2015 года № 58, не предполагают ограничения категории «определенные места» лишь названными в нем местами общественного питания, в которых разрешено потребление алкогольной продукции, или детскими учреждениями и являются только примерами конкретизации судом разъясняемого ограничения. На суд возлагается обязанность в каждом случае при назначении наказания в виде ограничения свободы как основного или дополнительного вида наказания указывать в приговоре (или последующем судебном решении, в том числе принимаемом на стадии исполнения приговора) признаки таких определенных мест, посещение которых осужденным ограничено (запрещено), с тем чтобы содержание этого предписания было понятно участникам правоотношений и не выходило за конституционно допустимые пределы. Тем самым конкретизация мест, посещение которых ограничивается для осужденного на основании части первой статьи 53 УК Российской Федерации, должна осуществляться (реализовываться) в каждом таком случае судом.

Таким образом, часть первая статьи 53 УК Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу не исключает конкретизацию судом ограничения посещать определенные места запретом посещения мест, в которых может регулярно находиться потерпевший, в том числе приближаться к этим местам на определенное расстояние.

Соответственно, потерпевший от преступления, за которое в качестве наказания предусмотрено ограничение свободы, не лишен возможности при рассмотрении дела требовать от суда при назначении данного вида наказания установления ограничения (запрета) осужденному посещать места, в которых может регулярно находиться потерпевший, в том числе приближаться к этим местам на определенное расстояние. Отказ в установлении такого ограничения (запрета), в том числе по конкретному заявленному потерпевшим месту, должен быть мотивирован, причем принципиальная невозможность установления ограничений такого рода впредь не может быть основанием для такого отказа. Принимая во внимание конкретные жизненные обстоятельства (в частности, места жительства, работы, учебы самого осужденного), суд должен учитывать, не приведет ли установление такого ограничения применительно к конкретному месту к столь существенному ограничению возможностей осужденного в реализации жизненных потребностей, что оно превысит принуждение, предполагаемое данным видом наказания. Потерпевший также не лишен возможности обращаться к уголовно-исполнительной инспекции, инициируя внесение ею в порядке части третьей статьи 53 УК Российской Федерации представления о дополнении ранее установленных осужденному ограничений указанным выше ограничением, что не препятствует ему ставить вопрос о необходимости его установления и при обжаловании приговора; бездействие же уголовно-исполнительной инспекции им может быть обжаловано в суд.

Что же касается ограничения посещения осужденным мест, в которых может регулярно находиться кто-либо из близких потерпевшего, Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что те конституционные основания, на которые он опирается применительно к ограничению посещения осужденным тех мест, в которых может находиться потерпевший, не являются достаточными для распространения данного в настоящем Постановлении конституционно-правового толкования на места нахождения его близких. Это не препятствует тому, чтобы установить ограничение осужденному на посещение таких мест в связи с тем, что сам потерпевший регулярно в них находится (например, образовательное учреждение, в котором учится ребенок потерпевшего).

Не находит Конституционный Суд Российской Федерации оснований и для того, чтобы усматривать неконституционность части первой статьи 53 УК Российской Федерации в связи с отсутствием в ней ограничения (запрета) приближаться к потерпевшему на определенное расстояние вне зависимости от его местонахождения, а также для того, чтобы дать конституционно-правовое толкование этому законоположению в смысле возможности предусмотреть в приговоре такое ограничение. В отличие от ограничения посещения определенных мест, уже получившего нормативное закрепление в действующем законодательстве, данное ограничение, как в том числе не полностью соотносимое по содержанию и возможным способам контроля с запретом общаться с определенными лицами, предусмотренным частью шестой статьи 1051 УПК Российской

Федерации, явилось бы правовой новеллой, возможное установление которой относится к компетенции федерального законодателя.

Федеральный законодатель при этом не лишен возможности конкретизировать или дополнить содержание ограничения свободы с учетом задачи обеспечения и превентивной защиты прав потерпевших в части минимизации объективно обоснованных рисков продолжения (повторения) противоправных или фактически психотравмирующих действий со стороны осужденного.

8. Приговоры по уголовным делам, в рамках которых О.А.Балукова и Ю.М.Чернигина признаны потерпевшими, вступили в законную силу 20 сентября 2021 года и 29 июля 2021 года соответственно. С учетом сроков, на которые назначено ограничение свободы осужденным по данным делам, и установленного УИК Российской Федерации порядка исполнения данного наказания Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу об отсутствии оснований для пересмотра по данным делам судебных решений, вынесенных на основании части первой статьи 53 УК Российской Федерации.

В то же время согласно части четвертой статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», если пересмотр дела исходя из особенностей соответствующих правоотношений не может привести к восстановлению прав заявителя, Конституционный Суд Российской Федерации вправе указать на необходимость применения к заявителю компенсаторных механизмов; форма и размер компенсации определяются судом, рассмотревшим в первой инстанции конкретное дело с участием заявителя, в котором применены оспоренные в Конституционном Суде Российской Федерации законоположения. Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что О.А.Балукова и Ю.М.Чернигина – как лица, инициировавшие вопрос о проверке нормы, конституционно-правовой смысл которой выявлен Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, – имеют право на применение в отношении них компенсаторных механизмов, чья форма и размер определяются судом, рассмотревшим в первой инстанции дело, в котором эта норма применена.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 471, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать часть первую статьи 53 УК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу она не исключает конкретизацию судом ограничения посещать определенные места запретом посещения мест, в которых может регулярно находиться потерпевший, в том числе приближаться к этим местам на определенное расстояние.

2. Конституционно-правовой смысл части первой статьи 53 УК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении,

является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Граждане Балукова Ольга Алексеевна и Чернигина Юлия Михайловна имеют право на применение в отношении них компенсаторных механизмов, чьи форма и размер определяются соответственно мировым судьей судебного участка № 387 Басманного района города Москвы и мировым судьей судебного участка № 153 района Хорошево-Мневники города Москвы, рассмотревшими в первой инстанции конкретные дела, в которых применено оспоренное в Конституционном Суде Российской Федерации законоположение.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

**Конституционный Суд
Российской Федерации**

**РЕЗЮМЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
от 28 марта 2024 года №13-П по делу о проверке
конституционности частей второй и четвертой статьи 20,
частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147,
частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального
кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки
Г.И. Баскаковой**

История вопроса

Москвичка Галина Баскакова на протяжении нескольких лет подвергалась домашнему насилию со стороны бывшего супруга. Заявительница неоднократно пыталась привлечь его к уголовной ответственности за нанесение побоев как лицо, уже подвергавшееся административному наказанию за такое деяние. Но уголовное дело полиция возбуждать не стала. А районные суды указали на невозможность возбуждения уголовного дела частного обвинения (поскольку такая процедура прямо предусмотрена УПК Российской Федерации только для мировых судей), сослались на то, что дела по части первой ст. 1161 УК РФ подлежат возбуждению органами дознания, которые направляют их в суд с обвинительным заключением.

Позиция суда

Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 509-ФЗ изменил подсудность рассмотрения уголовных дел частного обвинения в отношении побоев. От мировых судей данные дела были переданы в ведение районных судов. При этом порядок производства по делам частного обвинения установлен УПК РФ только для мировых судей. Однако в системе действующего регулирования этот порядок распространяется и на районные суды.

Иное приводило бы к невозможности производства по делам, разрешение которых включено в полномочия районного суда, оставляло бы жертв домашнего насилия без своевременной судебной защиты и создавало бы предпосылки для новых преступных посягательств. Такая ситуация означала бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправное действие, но и самим государством, а поэтому нарушала бы Конституцию.

В данном истолковании оспариваемые нормы не противоречат Конституции Российской Федерации. Законодатель имеет право уточнить порядок рассмотрения дел частного обвинения районными судами.

Возобновление уголовного производства по делам частного обвинения по заявлениям Г.И. Баскаковой невозможно вследствие истечения сроков давности. Заявительница имеет право на компенсацию

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ ОРГАНАХ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Азербайджанская Республика

Закон Азербайджанской Республики от 14 июля 2023 года № 981-VIQD «О внесении изменения в Закон Азербайджанской Республики «О Конституционном суде»

Руководствуясь пунктами 1 и 6 части I статьи 94 Конституции Азербайджанской Республики, Милли Меджлис Азербайджанской Республики ПОСТАНОВЛЯЕТ:

В Закон Азербайджанской Республики «О Конституционном суде» внести следующие изменения:

Статья 11.1 Требования к судьям Конституционного суда

11.1. В соответствии с частью I статьи 126 Конституции Азербайджанской Республики судьей Конституционного суда может быть гражданин Азербайджанской Республики ~~в возрасте не моложе 30 лет~~, обладающий правом участия в выборах, имеющий высшее юридическое образование и проработавший по юридической специальности более 5 лет.

Статья 32.2 Запросы

32.2. Рассмотрение Конституционным судом запроса Уполномоченного по правам человека (омбудсмана) Азербайджанской Республики по вопросу, предусмотренному пунктом 4 части III статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, допускается в случае, когда постановление Верховного суда Азербайджанской Республики, в отношении которого подан запрос, основывается на нормативном правовом акте, не соответствующем Конституции или законам Азербайджанской Республики.

Статья 34.2 и 34.4 Жалобы

34.2. Рассмотрение Конституционным судом жалобы по вопросу, предусмотренному пунктом 4 части III статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, допускается в случае, когда обжалуемое постановление Верховного суда Азербайджанской Республики основывается на нормативном правовом акте, не соответствующем Конституции или законам Азербайджанской Республики.

34.4. Жалоба в Конституционный суд может быть подана, как правило, в следующих случаях и в следующие **сроки**:

34.4.1. в течение шести месяцев с момента вступления в силу решения последней судебной инстанции (решения Верховного Суда Азербайджанской Республики) после полного использования права обжалования судебного акта;

34.4.2. в течение трех месяцев с момента нарушения права заявителя на обращение в суд.

Статья 35. 1.3 Документы, прилагаемые к запросам, обращениям или жалобам

35.1.3. копия оспариваемого нормативно-правового, судебного или муниципального акта, а также нормативно-правового акта, в связи с которым поступила просьба о его толковании **в связи с запросом или обращением.**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

 Азербайджанская Республика

ТАК ЛИ ЦЕНТРАЛИЗОВАНА ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ?

Р.Р. ИСМАИЛОВ

*судья Конституционного Суда
Азербайджанской Республики,
кандидат юридических наук*

Традиционное восприятие европейской модели конституционного контроля сформировалось во многом благодаря итальянскому ученому Пьеро Каламандреи, разработавшему в середине прошлого века классификацию конституционного контроля, одним из важнейших элементов которой является противопоставление централизованной и децентрализованной моделей конституционного контроля. Данная классификация основывалась на конституционном опыте весьма ограниченного числа государств, предусмотревших на тот период в своих правовых системах институт конституционного контроля.

По прошествии нескольких десятилетий эволюция конституционного контроля в этих странах, а также его установление и развитие во многих других государствах позволяет иначе взглянуть на некоторые устоявшиеся понятия. В частности, проверка конституционности, осуществляемая по обращениям судов общей юрисдикции, превратила монополию конституционного суда на осуществление контроля за конституционностью в его монополию на обязательное для соответствующих субъектов признание нормы неконституционной. Кроме того, централизованность европейской модели еще более ослабляется в результате толкования судами общей юрисдикции законов в соответствии с Конституцией, которое по сути является «малым» конституционным контролем, призванным запрещать неконституционное содержание нормы, а не ее текст. Проверка «доконституционных» законов судами общей юрисдикции, проводимая в ряде стран, также свидетельствует о некоторой децентрализации европейской модели. Существующая во Франции практика взаимоотношений между Кассационным судом, Государственным советом и Конституционным советом свидетельствует, что в этой стране имеются три независимых высших судебных органа, каждый из которых может толковать Конституцию самостоятельно. Таким образом, централизованность европейской модели размывается рядом децентрализующих элементов, предусмотренных как на законодательном уровне, так и введенных судебной практикой различных конституционных судов.

Ключевые слова: европейская модель конституционного контроля, централизованный контроль, монополия конституционного суда на осуществление конституционного контроля, конституционно-конформное толкование, доконституционные законы, судебное толкование

Традиционное восприятие европейской модели конституционного контроля неотделимо от такого ее качества, как централизованность, которая позволяет наряду с другими критериями различать эту модель от американской. Такое положение вещей сложилось во многом благодаря Г. Кельзену, признаваемому главным образом фактическим автором этой модели контроля, который в своей широко известной полемике с К. Шмиттом о гаранте конституции отмечал крайнюю желательность централизации конституционного контроля в интересах авторитета конституции,¹ а также итальянскому ученому-юристу П. Каламандреи, разработавшему в начале 1950-х гг. классификацию конституционного контроля, признанную впоследствии классической,² одним из важнейших элементов которой является противопоставление централизованной и децентрализованной моделей конституционного контроля.

При этом П. Каламандреи, формируя свою позицию, мог опираться на конституционный опыт весьма ограниченного числа государств, предусмотревших в правовых системах середины прошлого века институт конституционного контроля. Однако по прошествии нескольких десятилетий эволюция конституционного контроля в указанных странах, а также его установление и развитие во многих других государствах позволяет по-другому взглянуть на некоторые устоявшиеся понятия и, возможно, понять необходимость обусловливания их широкого использования с некоторыми оговорками.

В частности, апелляция к географии при наименовании моделей конституционного контроля имеет весьма условный характер. Организация конституционного контроля в ряде европейских государств, таких как Греция³ (статья 93.4 Конституции), Ирландия (статья 34.4 Конституции),⁴ Дания и Норвегия,⁵ а также Швеция⁶ (§ 14 главы 11

¹ См.: Calamandrei P. La illegittimità costituzionale delle leggi nel processo civile. Padova, 1950. Приводится по Calamandrei P. Opere Giuridiche. Vol. III. Diritto e processo costituzionale. Roma, 2019. – P. 349.

² См.: Ferrer Mac-Gregor E. Panorámica del derecho procesal constitucional y convencional. Madrid, 2017. – P. 98.

³ Статья 93.4 Конституции Греции устанавливает, что суды обязаны не применять закон, содержание которого противоречит Конституции. Подробнее см.: Kaidatzis A. Greece's Third Way in Prof. Tushnet's Distinction between Strong-Form and Weak-Form Judicial Review, and What We May Learn from It // Jus Politicum. 2014. No. 13. – P. 11.

⁴ Согласно ст. 34.4 Конституции Ирландии, если настоящей статьей не предусмотрено иное, юрисдикция Высокого суда распространяется на вопрос конституционности любого закона, и ни один такой вопрос не может быть поставлен в любом суде, учрежденном на основании настоящей или любой другой статьи настоящей Конституции, кроме Высокого суда, Апелляционного суда или Верховного суда. См. также: O'Brien F. W. Judicial Review in Ireland // Saint Louis University Public Law Review. 1990. Vol. 9. Iss. 2. – P. 587-588.

⁵ Конституционные документы Дании и Норвегии не предусматривают норм об осуществлении судами конституционного контроля, тем не менее он осуществляется во многом благодаря судебному истолкованию соответствующих конституционных положений и вкладу правовой доктрины. См.: Iris Nguyễn Duy. New Trends in Scandinavian Constitutional Review // Scandinavian Studies in Law. 2015. Vol. 61. – P. 15-16.

⁶ В соответствии с § 14 гл. 11 Акта о форме правления если суд установит, что какое-либо положение противоречит норме основного закона или другому высшему

Акта о форме правления), по многим параметрам ближе к организации конституционного контроля в США, чем к европейской модели. В Португалии уже в XIX в. суды заявили о своем праве не применять неконституционное законодательство.⁷ Конституция 1911 года под влиянием бразильской Конституции 1891 года подтвердила это право в статье 63: если в деле, переданном на рассмотрение суда, одна из сторон ставит под сомнение действительность закона, суды проверяют соответствие этого акта Конституции и изложенным в ней принципам.⁸

С другой стороны, некоторые латиноамериканские государства в значительной степени заимствовали элементы европейской модели,⁹ в то время как на азиатском континенте есть примеры, которые могут быть связаны как с американской (например, Япония¹⁰ и Филиппины¹¹), так и европейской моделями (например, Южная Корея¹² и Индонезия¹³). Соответственно, обозначение моделей как «американская» и «европейская» имеет весьма условный характер.

Однако более существенно то, что в результате развития конституционного контроля в странах, относящихся к европейской модели, можно отметить изменение степени централизованности осуществляе-

закону, это положение не должно применяться. То же самое относится к случаям, когда процедура, установленная законом, была нарушена в каком-либо важном отношении при принятии положения. См. также: См. Iris Nguyễn Duy. *Op. cit.* – P. 16.

⁷ См.: Amaral M. L., Pereira R. A. *The Portuguese Constitutional Court* // Приводится по: *The Max Plank Handbooks in European Public Law. Vol. 3: Constitutional Adjudication: Institutions.* Oxford, 2020. – P. 678-679.

⁸ Ibid. – P. 681.

⁹ См.: Brewer-Carías A. R. *Judicial Review in Comparative Law.* Cambridge, 1989. Приводится по: Brewer-Carías A. R. *Judicial Review. Comparative Constitutional Law Essays, Lectures and Courses* (1985-2011). Caracas, 2014. – P. 334-336.

¹⁰ В статье 81 Конституции Японии определено, что Верховный суд является судом высшей инстанции, полномочным решать вопрос о конституционности любого закона, приказа, предписания или другого официального акта. См. также: Yasuo Hasebe. *Supreme Court of Japan: A Judicial Court, Not Necessarily a Constitutional Court* // *Constitutional Courts in Asia: A Comparative Perspective.* Cambridge, 2018. – P. 289-310.

¹¹ Согласно статье VIII, раздела 2 (1) Конституции Филиппин 1935 г. в юрисдикцию Верховного суда данного государства входят в числе прочего все дела, в которых ставится под сомнение конституционность или действительность какого-либо договора, закона, исполнительного распоряжения или постановления. См. также: Castañeda Anna Leah Fidelis T. *The Origins of Philippine Judicial Review: 1900-1935* // *Ateneo Law Journal.* – 2001. Vol. 46. – P. 121-156.

¹² В соответствии со ст. 107(1) Конституции Южной Кореи если в суде рассматривается вопрос о конституционности закона, то суд должен затребовать решение Конституционного суда, в соответствии с которым он принимает свое решение. См. также: Chaihark Hahm. *Constitutional Court of Korea: Guardian of the Constitution or Mouthpiece of the Government?* // *Constitutional Courts in Asia: A Comparative Perspective.* Cambridge, 2018. – P. 141-167.

¹³ Согласно ст. 24 Конституции Индонезии Конституционный суд обладает полномочием рассматривать дела как первая и последняя инстанция и имеет право принимать окончательные решения по вопросам соответствия законов Конституции, о спорах между государственными органами о полномочиях, установленных Конституцией, о роспуске политической партии, о результатах всеобщих выборов. См. также: Butt S. *Indonesia's Constitutional Court and Indonesia's Electoral Systems* // *Constitutional Courts in Asia: a Comparative Perspective.* Cambridge, 2018. – P. 214-229.

мого контроля. Общеизвестно, что важнейшим качеством систем с централизованным конституционным контролем признается обеспечение невозможности принятия различных решений о конституционности, что обеспечивается монополией конституционного суда на осуществление конституционного контроля.

В частности, Г. Кельзен выступал против осуществления конституционного контроля судами общей юрисдикции по американскому образцу. В основе этого подхода лежало убеждение, что диффузной (децентрализованной) модели свойственна правовая неопределенность. Это связано с тем, что суды США вправе не применять признанный неконституционным закон, но не имеют полномочий признать его недействительным с обязательной силой *erga omnes*, т. е. фактически окончательно «удалить» его из правового поля страны. Указанное положение влечет риск, что другой суд, применяющий тот же закон в другом деле, может либо вообще не проверить его конституционность, либо, осуществив контроль, признать его соответствующим Конституции, например, путем иного истолкования, и применить его в этом деле. Таким образом, различные суды могут прийти к противоречивым выводам относительно конституционности одного и того же закона, что создает возможность правовой неопределенности,¹⁴ которая может быть устранена посредством «монополизации» конституционного контроля.

Указанная монополия в Австрии подверглась существенному преобразованию в результате проведения конституционной реформы от 7 декабря 1929 года,¹⁵ которая, изменив статью 140 Конституции, распространила право на оспаривание конституционности закона на Верховный и Административный суды. Любая сторона спора, рассматриваемого одним из этих двух высших судов, могла поставить перед ним вопрос о конституционности закона, применимого к конкретному делу, хотя сам конституционный вопрос мог быть поднят перед Конституционным судом только решением суда, поскольку, с процессуальной точки зрения, решающим был общественный интерес, защищаемый судами, а не частные интересы сторон в соответствии с объективной природой процессов нормативного контроля.¹⁶

Таким образом, конституционная реформа 1929 года изменила сущность монополии Конституционного суда на осуществление контроля за конституционностью, превратив ее по сути в монополию Конституционного суда на обязательное для соответствующих субъектов признание нормы неконституционной, поскольку в определенном смысле два высших суда общей юрисдикции, получившие право вно-

¹⁴ См.: Kelsen H. General Theory of Law and State. Cambridge, 1949. – P. 268.

¹⁵ Bundesverfassungsgesetz vom 7. Dezember 1929, betreffend einige Abänderungen des Bundes-Verfassungsgesetzes vom 1. Oktober 1920 in der Fassung des B. G. Bl. Nr. 367 von 1925 (Zweite Bundes-Verfassungsnovelle) // Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. 392/1929.

¹⁶ См.: Sönn H. Die abstrakte Normenkontrolle // Bundesverfassungsgericht und Grundgesetz (Festgabe aus Anlass des 25-jährigen Bestehens des Bundesverfassungsgerichts / C. Starck, M. Drath (Hrsg.). Erster Band (Verfassungsgerichtsbarkeit). Tübingen, 1976. – P. 292.

силь в Конституционный суд соответствующий запрос, по смыслу статьи 140 Конституции, прежде чем принять решение о его внесении, логически должны были сформулировать мнение о несоответствии нормы Конституции, на котором далее основывалась бы постановка вопроса о конституционности.

Иными словами, контроль, осуществляемый специализированным Конституционным судом по обращениям судов (судей) общей юрисдикции, по сути, имеет двухступенчатый характер. Если судья, рассматривающий конкретное дело, отказывается удовлетворить ходатайство стороны о направлении вопроса о проверке конституционности в Конституционный суд, он фактически единолично решает эту проблему, внося таким образом элемент децентрализации в европейскую модель.

Если же ходатайство удовлетворяется, две ступени конституционного контроля следуют одна за другой. Первая, предварительная ступень, входящая в сферу полномочий судов общей юрисдикции, сводится в итоге к оценке реакции на запрос Конституционного суда. Вторая, дефинитивная, является прерогативой Конституционного суда. Тем не менее обращающийся суд обязательно осуществляет проверку конституционности, поскольку условиями для обращения в Конституционный суд являются в зависимости от системы контроля, применяемого в конкретной стране, его сомнения в конституционности применяемой в деле нормы или его убежденность в неконституционности такой нормы.

Таким образом, можно предположить, что, где бы ни существовал этот процессуальный механизм, вне зависимости от его наименования, Конституционный суд в той мере, в какой он разделяет с судами общей юрисдикции возможность выносить решения о конституционности, утрачивает монополию на конституционный контроль, сохраняя ее лишь на признание оспариваемой нормы неконституционной.

Отметим, что централизованность европейской модели еще более «размывается» по причине толкования судами общей юрисдикции законов в соответствии с Конституцией, и в результате так называемого конституционно-конформного толкования.

«Конформное толкование» – это выражение, используемое как на национальном, так и на международном уровнях для описания метода, на основе которого норма интерпретируется в свете других правил поведения, принадлежащих либо внутригосударственному правовому порядку, либо наднациональному. В этом смысле можно сказать, что конформное толкование может иметь как внутрисистемное, так и межсистемное значение. В первом случае речь, как правило, идет о толковании законов в свете конституционных требований.

В научной литературе понятие «конституционно-конформное толкование» обычно ассоциируется именно с европейской моделью конституционного контроля, где она получила широкое распространение.¹⁷

Рождение доктрины конституционно-конформного толкования связано с деятельностью Федерального конституционного суда

¹⁷ См.: De Visser M. Constitutional Review in Europe: A Comparative Analysis. Oxford, 2014. – P. 291-305.

Германии (далее также – ФКС Германии), который впервые применил ее в 1953 года, отметив, что презумпция конституционности закона обязывает суд применять такое толкование.¹⁸ Логика конституционно-конформного толкования состоит в том, что, если на основе общепризнанных методов толкования возможно вывести более чем один результат толкования, правоприменители должны выбрать тот из них, который соответствует смыслу Основного закона. Сходные правовые позиции выражены многими конституционными судами.¹⁹

Как показывает практика различных конституционных судов, доктрина конституционно-конформного толкования основывается на том, что неконституционность и, соответственно, недействительность нормы – это *ultima ratio*. Поэтому в случаях сомнений относительно конституционности нормы толкование закона, соответствующее Конституции, является более предпочтительной формой реакции конституционного суда.

При этом конституционно-конформное толкование может быть обосновано исходя из различных соображений. Здесь укажем на три взаимосвязанных аспекта: 1) принцип максимального сохранения нормы, присущий любому иерархически структурированному правовому порядку; 2) презумпция о внутренней непротиворечивости правового порядка; 3) проявление судебной сдержанности, основанной на судебном уважении (*judicial deference*) в отношении законодательной власти.

Именно соображениями судебной сдержанности и, соответственно, стремлением удержать как свою практику, так и практику судов общей юрисдикции в рамках традиционного восприятия роли и места органов правосудия, не обладающих правотворческими функциями, была продиктована позиция ФКС Германии о пределах конституционно-конформного толкования, выраженная в 2014 году. Во-первых, Суд отметил важность правильного, добросовестного применения общепризнанных методов толкования закона. Кроме того, пределы конституционно-конформного толкования очерчены семантическими границами толкуемой нормы, ее основными целями, объективированными намерениями законодателя. По мнению Суда, несоблюдение данных правил позволит обойти политическое решение, принятое демократически легитимизированным законодательным органом.²⁰

Конституционно-конформное толкование не является исключительной прерогативой ФКС Германии. Иные суды также обязаны (именно обязаны) осуществлять данный вид толкования. Дело в том, что содержание параграфа 1 статьи 100 Основного закона обязывает суды проверять конституционность законов, применяемых ими в конкретных делах. Однако Федеральный конституционный суд согласно устоявшейся практике признает запрос судов о проверке конституционности на основе

¹⁸ BVerfG 2, 266 (1953).

¹⁹ См., например, решения Конституционного суда Испании № 111/1993 от 27 апреля 1993 г. (URL: <http://hj.tribunalconstitucional.es/de-DE/Resolucion/Show/2240>) или Конституционного суда Италии № 279/1990 от 31 мая 1990 года (URL: https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?param_ecli=ECLI:IT:COST:1990:279).

²⁰ BVerfGE 138, 64 (2014).

указанной нормы Основного закона только в том случае, если обращающемуся суду, несмотря на все разумно предпринятые действия, не удалось истолковать оспариваемую норму в соответствии с Конституцией.²¹

Сходная ситуация сложилась в Италии, где начиная со второй половины 1990-х годов одним из оснований приемлемости конституционного запроса суда является демонстрация им поиска конституционно-конформного толкования в конкретном деле.²²

По мнению профессора Фрайбургского университета М. Йестафта, в результате истолкования нормы закона в соответствии с Конституцией очевидно, что текст нормы остается неизменным, в то время как ее содержание или возможные истолкования уменьшаются за счет устранения неконституционного толкования. Иными словами, конституционно-конформное толкование ограничивает содержание нормы (ее толкования), не ограничивая форму нормы, т. е. текст нормы.²³

Конституционно-конформное толкование подвергается критике в связи с тем, что оно является по сути не толкованием, а представляет собой фактически конституционный контроль, скрываемый посредством смешения вопросов содержания нормы и ее соответствия Конституции. Вопрос, на который должен быть дан ответ в ходе толкования – что означает нормативный акт, – смешивается с вопросом, на который обычно отвечают путем признания или непризнания неконституционности оспариваемой нормы – является ли толкуемый нормативный акт соответствующим Конституции.²⁴

Из этого следует, что конституционно-конформное толкование по сути является «малым» конституционным контролем, призванным запрещать неконституционное содержание нормы, а не ее текст. При этом учитывая, что суды общей юрисдикции в некоторых странах, например, как указано выше, в Германии и Италии, фактически обязаны толковать законы в соответствии с Конституцией, указанная выше монополия конституционных судов на признание оспариваемой нормы неконституционной сводится к монополии на отмену действия текста нормы, а не ее содержания.

Этот вывод косвенно подтверждается упомянутым выше решением ФКС Германии 2014 года, в котором было отмечено, что суды общей юрисдикции нарушают гарантированное статьей 101 Основного закона право на законного судью, если они воздерживаются от передачи в Федеральный конституционный суд дела, касающегося нормы, которую в противном случае они сочли бы неконституционной, поскольку

²¹ BVerfGE 85, 329 (1992); BVerfGE 121, 108 (2008); BVerfGE 131, 88 (2012).

²² См.: Lamarque E. Interpreting Statutes in Conformity with the Constitution: The Role of the Constitutional Court and Ordinary Judges // Italian Journal of Public Law. 2010. Vol. 2. Iss. 1. – P. 113.

²³ См.: Jestaedt M. The Constitution Conformant Interpretation – Norm Compatibilisation Through Harmonisation by Way of Interpretation // Relationship between the Legislature and the Judiciary: Contributions to the 6th Seoul-Freiburg Law Faculties Symposium. Baden-Baden, 2017. – P. 36.

²⁴ См.: Jestaedt M. The Karlsruhe Phenomenon: What Makes the Court What It Is // The German Federal Constitutional Court: The Court Without Limits. Oxford, 2020. – P. 63.

они недопустимо истолковали эту норму в соответствии с Конституцией. В рассматриваемом деле Федеральный верховный суд, придерживаясь своей судебной практики по «изолированному» планированию с заменой собственности, косвенно отверг необходимость передачи дела на рассмотрение Конституционного суда в связи с предполагаемой возможностью толкования Федерального строительного кодекса в соответствии с Основным законом. Таким образом, Федеральный верховный суд нарушил гарантию законного судьи, недопустимо предположив возможность толкования в соответствии с Основным законом, не применив пункт 7, части 2 § 95 Федерального строительного кодекса, который он счел неконституционным, и не передав дело в Федеральный конституционный суд.²⁵

Таким образом, ФКС Германии подтвердил свою монополию на отмену действия текста нормы в случаях, когда истолковать ее в соответствии с Основным законом на основе общепризнанных методов толкования не представляется возможным, и связал данную монополию с конституционным правом на законного судью.

Кроме того, внутренняя структурная организация органа, осуществляющего конституционный контроль, также может свидетельствовать о проявлении элементов так называемой скрытой децентрализации, существование которых не очевидно на первый взгляд. Например, наиболее важной и уникальной структурной особенностью ФКС Германии является его разделение на два сената, обладающих взаимоисключающей юрисдикцией. Сенаты тоже отделены персонально, так как судьи избираются в Первый или Второй сенат, причем один из Сенатов возглавляет председатель суда, а другой – заместитель председателя суда. Оба они полностью независимы в отношении судебных дел, рассматриваемых их соответствующими сенатами. Наконец, каждый Сенат имеет собственное административное управление для организации своей работы.

Такое положение вещей объясняет, почему в немецкой правовой доктрине существует мнение, что каждый из сенатов является самостоятельным федеральным конституционным судом,²⁶ которое подтверждается фактом, что сенатами вырабатываются различные подходы по одним и тем же вопросам. При этом законодательством предусмотрена процедура по преодолению таких разногласий. Согласно § 16(1) Закона о Федеральном конституционном суде «если один из сенатов расходится по какому-либо правовому вопросу с толкованием права, содержащимся в решении другого сената, то вопрос разрешает Пленум Федерального конституционного суда».²⁷ Вопрос о созыве Пленума в этих обстоятельствах должен решаться сенатом, который не согласен

²⁵ BVerfGE 138, 64 (2014).

²⁶ См.: Schlaich K., Koriath S. Das Bundesverfassungsgericht — Stellung, Verfahren, Entscheidungen. 7th ed. München, 2007. – P. 22.

²⁷ Federal Constitutional Court Act as published on 11 August 1993 (Federal Law Gazette, p. 1473), as last amended by Article 4 of the Act of 20 November 2019 (Federal Law Gazette, – p. 1724).

с судебной практикой другого сената. Противоположный сенат вправе решать, была ли затронута его существующая судебная практика, поэтому созыв Пленума возможен по обоюдному согласию сенатов.²⁸

Применительно к Германии также следует указать на сравнительно распространенную практику признания судами общей юрисдикции неконституционными положений законов, принятых до вступления в силу Основного закона 1949 года.²⁹ В своем знаменитом решении Федеральный конституционный суд заявил, что, как правило, он не обладает монополией на так называемые доконституционные законы» (*vorkonstitutionelle Gesetze*), т.е. парламентские акты, принятые до вступления в силу Основного закона 24 мая 1949 года. ФКС Германии обосновал свою позицию тем, что законодательная история ст. 100 Основного закона, а также прецеденты Веймарской республики говорят в пользу того, что суды общей юрисдикции могут осуществлять проверку конституционности таких законов.³⁰ В результате, начиная с этого решения, каждый раз, когда Федеральный конституционный суд оценивает обращения о проверке конституционности доконституционного закона, он в соответствии со статьей 100 Основного закона объявляет их неприемлемыми и оставляет решение этого вопроса на усмотрение судов общей юрисдикции. В доктрине в целом такой подход Суда, именуемый принципом освобождения доконституционного законодательства от монополии Федерального конституционного суда на проверку конституционности, был признан верным.³¹

В дальнейшем ФКС Германии уточнил, что означает понятие «доконституционный закон»: им признается только такой закон, принятый до вступления в силу Основного закона, который не был прямо или косвенно подтвержден постконституционным федеральным законодателем.³² Таким образом, судам общей юрисдикции было предоставлено право самим определять, когда они вправе осуществлять проверку конституционности таких законов и, соответственно, объявлять их неконституционными, т.е. решать, когда монополия Федерального конституционного суда на объявление закона неконституционным не применяется.

Отметим, что соответствующие решения судов общей юрисдикции не обладают силой *erga omnes* и распространяются только на конкретное дело. То есть суды по существу не применяют в конкретном деле нормы, признанные неконституционными, поэтому их соответствующие решения не влекут более широких последствий.

²⁸ См.: Kommers D., Miller R. The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany. Durham, 2012. – P. 19-20.

²⁹ См.: Maik M. Constitutional review of foreign law in English and German courts — A comparative study // Oxford University Comparative Law Forum 5. 2002. URL: <https://ouclf.law.ox.ac.uk/constitutional-review-of-foreign-law-in-english-and-german-courts-a-comparative-study/>.

³⁰ BVerfG, 24 February 1953 (1 BvL 21/51) (1953) NJW 497-499.

³¹ Подробнее см.: Möschel M. Diffuse Constitutionality Review in Germany // Constitutionalism Under Stress. Essays in Honour of Wojciech Sadurski. Oxford, 2020. – P. 250-251.

³² BVerfG, 17 January 1957 (1 BvL 4/54), published in (1957) NJW 417-420.

Практика Конституционного суда Испании свидетельствует о несколько ином подходе к вопросу о том, кто должен осуществлять проверку конституционности доконституционных законов. Третье отменяющее положение Конституции Испании, согласно которому отменяются все положения, так или иначе ей противоречащие, позволяет судам общей юрисдикции не применять доконституционные нормы, нарушающие общие положения Конституции. С другой стороны, Конституционный суд Испании в нескольких постановлениях указывал, что его юрисдикция распространяется на решение вопроса о конституционности доконституционных норм, если судьи и суды обратятся с соответствующим запросом в рамках процедуры конкретного контроля при наличии у них сомнений относительно конституционности таких норм.³³ Таким образом, Конституционный суд Испании, сохраняя возможность окончательного контроля за проверкой конституционности таких законов, признал возможность делить свою монополию на проверку доконституционных норм с судами общей юрисдикции.³⁴

По утверждению бывшего председателя Суда профессора П. Крус Вильялона, содержание такого гибкого подхода связано с историческим контекстом, в рамках которого он был применен: в первые годы после принятия Конституции практически вся правовая система Испании была доконституционной, не существовало развитой конституционной традиции обеспечения верховенства Конституции, не были выработаны основные принципы конституционного толкования. С другой стороны, лаконичность многих наиболее значимых конституционных норм порождает проблемы толкования, при которых принятие решения Конституционного суда, имеющего силу *erga omnes*, могло иметь значительные преимущества с точки зрения правовой определенности.³⁵ Такое решение данной проблемы позволило предотвратить расхождения между параметрами решений судов общей юрисдикции, что было вполне возможным, учитывая большое количество индивидуальных решений о неприменимости тех или иных положений доконституционных законов.³⁶

Однако, по мнению П. Крус Вильялона, по прошествии почти 20 лет с момента принятия Конституции все суды знакомы с руководящими принципами конституционного толкования, выработанными Конституционным судом, что позволяет им самостоятельно решать большинство проблем, связанных с конституционностью законодательства, принятого до 1978 года. С другой стороны, исключительная задача Конституционного суда, состоящая в осуществлении контроля за конституционностью законов, принятых после вступления в силу

³³ STC 4/ 1981 of 2 February 1981.

³⁴ См.: Guillen Lopez E. Judicial Review in Spain: The Constitutional Court // Loyola of Los Angeles Law Review. 2008. Vol. 41. – P. 542.

³⁵ См. особое мнение П. Крус Вильялона по делу № 73/1996 от 30 апреля 1996 г. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/1996/05/31/pdfs/T00010-00017.pdf>.

³⁶ См.: Requejo Pagés Juan Luis. The Spanish Constitutional Tribunal // The Max Plank Handbooks in European Public Law. Vol. 3: Constitutional Adjudication: Institutions. Oxford, 2020. – P. 735.

Конституции, может быть затруднена в связи с принятием на себя контроля доконституционных законов, что приведет к дополнительным задержкам как в урегулировании вопросов, за решение которых Суд несет ответственность единолично, так и в разрешении тех, с которыми быстрее справятся самостоятельно суды общей юрисдикции.³⁷

Отметим также, что во многих странах проверка конституционности административных, а также судебных актов возложена не на конституционные суды, а на суды общей юрисдикции.³⁸ В частности, во Франции Государственный совет в качестве высшей инстанции в системе административных судов вправе проверять конституционность актов органов исполнительной власти,³⁹ а также конституционность международных обязательств Франции, что было подтверждено в решениях Совета по делам Koné⁴⁰ and Sarra.⁴¹ Кассационный суд Франции также вслед за Государственным советом в деле Fraisse подтвердил особый статус конституционных норм, которые обладают верховенством над международными обязательствами Франции.⁴²

Практика взаимоотношений между Кассационным судом, Государственным советом и Конституционным советом свидетельствует, что указанные высшие суды Франции независимы друг от друга при формировании собственной практики толкования Конституции. В частности, существуют примеры различного понимания одной и той же конституционной нормы. Например, Конституционный совет и Кассационный суд по-разному трактуют статью 68 Конституции.⁴³

Аналогичным образом Государственный совет и Конституционный совет расходятся во мнениях относительно юридической значимости принципа, согласно которому отсутствие ответа исполнительного органа равносильно отказу. В своем решении от 26 июня 1969 года Конституционный совет указал, что согласно общему принципу права отсутствие ответа исполнительного органа равносильно решению об отказе, которое может быть отменено только законодательным решением.⁴⁴ Государственный совет, отказываясь рассматривать его в каче-

³⁷ См. особое мнение П. Крус Вильялона по делу № 73/1996 от 30 апреля 1996 г.

³⁸ Подробнее см.: Fromont M. La diversité de la justice constitutionnelle en Europe // Anuario iberoamericano de justicia constitucional. 2005. No. 9. – P. 99-101.

³⁹ Кокотова М. А. Государственный совет Франции как орган конституционного контроля // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. – С. 1086.

⁴⁰ Revue générale du droit. Conseil d'Etat, Assemblée, 3 juillet 1996, Koné, requête numéro 169219: Revue générale du droit on line, 1996, numéro 7098. URL: www.revuegeneraledudroit.eu/?p=7098.

⁴¹ Revue générale du droit. Conseil d'Etat, Assemblée, 30 octobre 1998, Sarra, Levacher et autres, requête numéro 200286 et 200287: Revue générale du droit on line, 1998, numéro 56869. URL : www.revuegeneraledudroit.eu/?p=56869.

⁴² Cour de Cassation, Assemblée plénière, du 2 juin 2000, 99-60.274. URL: <https://www.doctrine.fr/d/CASS/2000/JURITEXT000007040420>.

⁴³ CC Décision N° 98-408 DC du 12. janvier 1999 Traité portant statut de la Cour pénale internationale. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1999/98408DC.htm>. Cour de Cassation, Chambre criminelle, du 10 octobre 2001, 01-84.922. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007070790>.

⁴⁴ CC Décision N° 69-55 L du 26 juin 1969. Nature juridique de certaines dispositions modifiées, des articles 4, 9 et 12 de la loi du 2 mai 1930 relative à la protection des

стве общего принципа права, указал, что юридическая фикция, заключающаяся в том, что отсутствие ответа исполнительного органа дает основание для принятия решения, не существует без текста.⁴⁵

Во всяком случае можно сказать, что Франция, несмотря на то, что представляется в качестве системы, имеющей централизованную форму конституционного контроля, характеризуется наличием трех независимых друг от друга высших судебных органов, каждый из которых может толковать Конституцию самостоятельно. Это приводит к тому, что на практике возникают случаи различного понимания одних и тех же конституционных норм и принципов, сопровождающегося к тому же отсутствием механизма воздействия одного суда на практику другого в целях приведения к единообразному пониманию одной и той же конституционной нормы.

Таким образом, концентрация конституционного контроля может иметь иллюзорный характер, если одним из проявлений «концентрированности» контроля является обеспечение единообразного конституционного толкования. Пример Франции показывает, что ее система конституционного контроля потенциально может быть более децентрализованной, чем так называемая диффузная система, в которой единый Верховный суд страны, например в США, обеспечивает единообразное понимание конституционных норм.

Однако в Германии, в которой действует еще большая полисистемность⁴⁶ судебной системы, удастся тем не менее обеспечить единообразие в судебном толковании конституционных положений. Институт конституционной жалобы на решения судов общей юрисдикции, реализуемый физическими и юридическими лицами, дает возможность Федеральному конституционному суду расширить толкование Конституции, которое сопровождает принятие решений по конкретным делам в практике судов общей юрисдикции.

Однако примечательно, что это единообразие, рассматриваемое как определяющая черта европейской модели, поскольку оно представляет собой результат централизованности контроля, является не чем иным, как побочным продуктом определенного способа реализации конституционного контроля — конституционной жалобы на судебные акты, который в большей мере характерен скорее для американской, чем европейской модели, во всяком случае ее первоначальной версии, предусмотренной в Конституции Австрии 1920 года.

Более того, существует множество примеров организации конституционного контроля по европейской модели, когда оспаривание

monuments naturels et des sites de caractère, historique, scientifique, légendaire ou pittoresque, des articles 2 et 13 bis de la loi du 31 décembre 1913 sur les monuments historiques et de l'article 98-1 du code de l'urbanisme et de l'habitation. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1969/6955L.htm>.

⁴⁵ Revue générale du droit. Conseil d'Etat, Assemblée, 27 février 1970, Commune de Bozas, requête numéro 76380: Revue générale du droit on line, 1970, numéro 26195. URL: www.revuegeneraledudroit.eu/?p=26195.

⁴⁶ См.: Павликов С. Г. Организация и деятельность местных судов: российский и зарубежный опыт. – М., – 2005. – С. 25.

конституционности судебных актов законодательством не предусматривается. То есть обеспечение единообразия в судебном толковании конституционных норм обуславливается не органической структурой осуществления конституционного контроля, а наличием особого средства правовой защиты, позволяющего осуществлять контроль за конституционностью такого специфического акта, как судебный акт.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что централизованность конституционного контроля, признаваемая важнейшим отличительным критерием дифференциации европейской модели от американской, «размывается» целым рядом децентрализующих элементов, как предусмотренных на законодательном уровне, так и введенных судебной практикой различных конституционных судов.

Список литературы:

1. Amaral M. L., Pereira R. A. *The Portuguese Constitutional Court*. Oxford, 2020.
2. Brewer-Carías A. R. *Judicial Review in Comparative Law*. Cambridge, 1989.
3. Bundesverfassungsgesetz vom 7. Dezember 1929, betreffend einige Abänderungen des Bundes-Verfassungsgesetzes vom 1. Oktober 1920 in der Fassung des B. G. Bl. Nr. 367 von 1925 (Zweite Bundes-Verfassungsnovelle) // Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. 392/1929.
4. Butt S. *Indonesia's Constitutional Court and Indonesia's Electoral Systems // Constitutional Courts in Asia: a Comparative Perspective*. Cambridge, 2018.
5. BVerfG 2, 266 (1953).
6. BVerfGE 138, 64 (2014).
7. BVerfGE 85, 329 (1992).
8. BVerfGE 121, 108 (2008).
9. BVerfGE 131, 88 (2012).
10. BVerfG, 24 February 1953 (1 BvL 21/51) (1953) NJW 497–499.
11. BVerfG, 17 January 1957 (1 BvL 4/54), published in (1957) NJW 417–420.
12. Calamandrei P. *La illegittimità costituzionale delle leggi nel processo civile*. Padova, 1950. Приводится по Calamandrei P. *Opere Giuridiche*. Vol. III. *Diritto e processo costituzionale*. Roma, 2019.
13. Castañeda Anna Leah Fidelis T. *The Origins of Philippine Judicial Review: 1900–1935 // Ateneo Law Journal*. 2001. Vol. 46.
14. CC Décision n° 98-408 DC du 12. janvier 1999 *Traité portant statut de la Cour pénale internationale*. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1999/98408DC.htm>. Cour de Cassation, Chambre criminelle, du 10 octobre 2001, 01-84.922. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007070790>.
15. CC Décision N° 69-55 L du 26 juin 1969. *Nature juridique de certaines dispositions modifiées, des articles 4, 9 et 12 de la loi du 2 mai 1930 relative à la protection des monuments naturels et des sites de caractère, historique, scientifique, légendaire ou pittoresque, des articles 2 et 13 bis de la loi du 31 décembre 1913 sur les monuments historiques et de l'article 98-1 du code de l'urbanisme et de l'habitation*. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1969/6955L.htm>.
16. Chaihark Hahm. *Constitutional Court of Korea: Guardian of the Constitution or Mouthpiece of the Government? // Constitutional Courts in Asia: A Comparative Perspective*. Cambridge, – 2018.
17. Cour de Cassation, Assemblée plénière, du 2 juin 2000, 99-60.274. URL: <https://www.doctrine.fr/d/CASS/2000/JURITEXT000007040420>.
18. De Visser M. *Constitutional Review in Europe: A Comparative Analysis*. Oxford, 2014.

19. Federal Constitutional Court Act as published on 11 August 1993 (Federal Law Gazette I, p. 1473), as last amended by Article 4 of the Act of 20 November 2019 (Federal Law Gazette I, p. 1724).
20. Ferrer Mac-Gregor E. Panorámica del derecho procesal constitucional y convencional. Madrid, 2017.
21. Fromont M. La diversité de la justice constitutionnelle en Europe // Anuario iberoamericano de justicia constitucional. 2005. No. 9.
22. Guillen Lopez E. Judicial Review in Spain: The Constitutional Court // Loyola of Los Angeles Law Review. 2008. Vol. 41.
23. Iris Nguyễn Duy. New Trends in Scandinavian Constitutional Review // Scandinavian Studies in Law. 2015. Vol. 61.
24. Jestaedt M. The Constitution Conformant Interpretation – Norm Compatibilisation Through Harmonisation by Way of Interpretation // Relationship between the Legislature and the Judiciary: Contributions to the 6th Seoul-Freiburg Law Faculties Symposium. Baden-Baden, 2017.
25. Jestaedt M. The Karlsruhe Phenomenon: What Makes the Court What It Is // The German Federal Constitutional Court: The Court Without Limits. Oxford, 2020.
26. Kaidatzis A. Greece's Third Way in Prof. Tushnet's Distinction between Strong-Form and Weak-Form Judicial Review, and What We May Learn from It // Jus Politicum. 2014. No. 13.
27. Kelsen H. General Theory of Law and State. Cambridge, 1949.
28. Kommers D., Miller R. The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany. Durham, 2012.
29. Lamarque E. Interpreting Statutes in Conformity with the Constitution: The Role of the Constitutional Court and Ordinary Judges // Italian Journal of Public Law. 2010. Vol. 2. Iss. 1.
30. Maik M. Constitutional review of foreign law in English and German courts – A comparative study // Oxford University Comparative Law Forum 5. 2002. URL: <https://ouclf.law.ox.ac.uk/constitutional-review-of-foreign-law-in-english-and-german-courts-a-comparative-study/>.
31. Möschel M. Diffuse Constitutionality Review in Germany // Constitutionalism Under Stress. Essays in Honour of Wojciech Sadurski. Oxford, 2020.
32. O'Brien F. W. Judicial Review in Ireland // Saint Louis University Public Law Review. 1990. Vol. 9. Iss. 2.
33. Requejo Pagés Juan Luis. The Spanish Constitutional Tribunal // The Max Plank Handbooks in European Public Law. Vol. 3: Constitutional Adjudication: Institutions. Oxford, 2020.
34. Revue générale du droit. Conseil d'Etat, Assemblée, 3 juillet 1996, Koné, requête numéro 169219: Revue générale du droit on line, 1996, numéro 7098. URL: www.revuegeneraledudroit.eu/?p=7098.
35. Revue générale du droit. Conseil d'Etat, Assemblée, 30 octobre 1998, Sarra, Levacher et autres, requête numéro 200286 et 200287: Revue générale du droit on line, 1998, numéro 56869. URL : www.revuegeneraledudroit.eu/?p=56869.
36. Revue générale du droit. Conseil d'Etat, Assemblée, 27 février 1970, Commune de Bozas, requête numéro 76380: Revue générale du droit on line, 1970, numéro 26195. URL: www.revuegeneraledudroit.eu/?p=26195.
37. Schlaich K., Koriöth S. Das Bundesverfassungsgericht — Stellung, Verfahren, Entscheidungen. 7th ed. München, 2007.
38. Söhn H. Die abstrakte Normenkontrolle // Bundesverfassungsgericht und Grundgesetz (Festgabe aus Anlass des 25-jährigen Bestehens des Bundesverfassungsgerichts / C. Starck, M. Drath (hrsg.). Erster Band (Verfassungsgerichtsbarkeit). Tübingen, 1976.

39. STC 4/ 1981 of 2 February 1981.

40. Yasuo Hasebe. Supreme Court of Japan: A Judicial Court, Not Necessarily a Constitutional Court // *Constitutional Courts in Asia: A Comparative Perspective*. Cambridge, – 2018.

41. Кокотова М.А., Государственный совет Франции как орган конституционного контроля // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 6.

42. Павликов С. Г. Организация и деятельность местных судов: российский и зарубежный опыт. – М., 2005.

43. Решения Конституционного суда Испании № 111/1993 от 27 апреля 1993 г. (URL: <http://hj.tribunalconstitucional.es/de-DE/Resolucion/Show/2240>)

44. Решения Конституционного суда Италии №279/1990 от 31 мая 1990 (URL:https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?param_ecli=ECLI:IT:COST:1990:279).

45. Особое мнение П. Крус Вильялона по делу № 73/1996 от 30 апреля 1996 г. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/1996/05/31/pdfs/T00010-00017.pdf>.

Is the European model of constitutional review so centralised?

R.R. Ismayilov

The traditional perception of the European model of constitutional control was formed largely thanks to the Italian scientist Piero Calamandrei, who developed in the middle of the last century a classification of constitutional control, one of the most important elements of which is the opposition of centralized and decentralized models of constitutional control. This classification was based on the constitutional experience of a very limited number of states that provided the institution of constitutional control in their legal systems at that time. After several decades, the evolution of constitutional control in these countries, as well as its establishment and development in many other states, allows us to take a different look at some well-established concepts. In particular, the verification of constitutionality, carried out on the basis of appeals from courts of general jurisdiction, turned the monopoly of the constitutional court on the exercise of control over constitutionality into its monopoly on the mandatory recognition of the norm unconstitutional for the relevant subjects. In addition, the centralization of the European model is further weakened as a result of the interpretation of laws by courts of general jurisdiction in accordance with the constitution, which is essentially a «small» constitutional control designed to prohibit the unconstitutional content of the norm, rather than its text. The verification of «pre-constitutional» laws by courts of general jurisdiction, conducted in a number of countries, also indicates some decentralization of the European model. The existing practice in France of the relationship between the Court of Cassation, the Council of State and the Constitutional Council shows that in this country there are three independent supreme judicial bodies, each of which can interpret the Constitution independently. Thus, the centralization of the European model is eroded by a number of decentralizing elements provided for both at the legislative level and introduced by the judicial practice of various constitutional courts.

Keywords: *European model of constitutional control, centralized control, monopoly of the constitutional court on the exercise of constitutional control, constitutional-conformal interpretation, pre-constitutional laws, judicial interpretation.*

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ И ПАРЛАМЕНТОМ В МОНГОЛИИ

Б. БУЯНДЭЛГЭР
судья Конституционного
Суда Монголии

Ключевые слова: Конституционный Суд Монголии, Парламент Монголии, взаимоотношения Великого Государственного Хурала (Парламента) и Конституционного Суда.

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношений Парламента (Великий Государственный Хурал) Монголии и Конституционного Суда в рамках принципа распределения государственной власти.

Дальнейшее совершенствование правовой и этической среды, которая уже сложилась во взаимоотношениях Парламента Монголии и Конституционного суда, окажет непосредственное влияние на поддержание стабильности монгольской государственной системы.¹

Введение. Великий Государственный Хурал, или Парламент Монголии

В статье 3 Конституции Монголии указано: «В Монголии вся государственная власть принадлежит народу. Народ Монголии будет непосредственно участвовать в деятельности государства, и пользоваться этим правом через избранных ими представителей государства». Таким образом подтверждена роль системы представительной демократии в рамках Конституции.

При представительной демократии Парламент несет ответственность за представление народа, потому что у современной власти практически нет возможности напрямую и постоянно вовлекать народ в законодательный процесс.

Поэтому Парламент, представляющий народ можно рассматривать как часть народа, обязан реализовывать созидательные политические устремления на основе законов и других решений. Парламент является неотъемлемой частью демократического государства и в этом смысле он является важнейшим конституционным органом любого демократического государства.²

¹ Жанцан Н. Особенности Конституционного суда Монголии и межпарламентских отношений // Сборник материалов симпозиума по правовым и этическим основам Конституционного суда и межпарламентских отношений. УБ, 1998. – С. 49.

² Доктор Густав Лихтенбергер, главный секретарь Конституционного суда земли Бавария и судья Верховного суда штата. Конституционный суд, правовая основа межпарламентских отношений и опыт этих отношений // Сборник материалов симпозиума по правовым и этическим основам Конституционного суда и межпарламентских отношений. УБ, 1998. – С. 86.

Статья 20 Конституции Монголии гласит, что Великий Государственный Хурал Монголии является высшим органом государственной власти и законодательная власть принадлежит исключительно Великому Государственному Хуралу. Другие положения Конституции определяют полномочия по принятию законов, формирующих основу внутренней и внешней политики государства, утверждению государственного бюджета, формированию и роспуску правительства, а также назначению некоторых высокопоставленных должностных лиц государства.

Помимо Конституции, деятельность Великого Государственного Хурала Монголии регулируется Законом о Великом Государственном Хурале Монголии и Законом о Регламенте сессии Великого Государственного Хурала Монголии.

О Конституционном Суде Монголии

Статья 64(1) Конституции Монголии определяет основные функции Конституционного Суда следующим образом: «Конституционный Цэц, то есть Конституционный Суд Монголии есть уполномоченный орган, осуществляющий высший контроль за исполнением Конституции, выносящий заключение о нарушении ее положений, рассматривающий и разрешающий споры; а также является гарантией неукоснительного соблюдения Конституции». 66-статья Конституции также узаконивает юрисдикцию Конституционного Суда в отношении споров. В рамках этого положения Конституции принят и вступил в силу Закон о Конституционном Суде и Закон о порядке рассмотрения споров в Конституционном суде.

Согласно Конституции Монголии и Закону о Конституционном Суде Монголии, Конституционный Суд обладает юрисдикцией в отношении законов, указов Великого Государственного Хурала, других решений Президента, решений Правительства, международных договоров Монголии, решений Центрального избирательного органа о референдумах и выборах в случаях, когда они признаны неконституционными. Он также отвечает за заключение о том, нарушали ли высокопоставленные правительственные чиновники – Президент, спикер Великого Государственного Хурала, депутаты, Премьер-министр, член Правительства, председатель Верховного Суда, Генеральный прокурор – Конституцию и есть ли основания для их отстранения от должности или отзыва. Поэтому Конституционный Суд имеет право определить, имеются ли основания для отстранения от должности Президента, спикера Великого Государственного Хурала, Премьер-министра и отзыва членов Великого Государственного Хурала Монголии. В прошлом Конституционный Суд Монголии выносил постановления о нарушениях Конституции некоторыми членами Парламента и Генеральным прокурором Монголии. Следует упомянуть, что в 2007 году на основании заключения Конституционного Суда о нарушении Конституции Спикером Великого Государственного Хурала было принято Парламентом решение об отстранении его от должности. Здесь надо обратить внимание

на то, что членов Конституционного суда назначает именно Великий Государственный Хурал, то есть Парламент страны. Конституционный Суд Монголии состоит из девяти членов. Трое из них выдвигаются Великим Государственным Хуралом, трое предлагаются Президентом, трое – Верховным Судом, и назначаются на эти должности сроком на шесть лет Великим Государственным Хуралом.

Естественно, принять такое решение которое стало основной причиной отстранения от должности Спикера Парламента, было сложно для судей Конституционного суда. Так как большинство судей Конституционного Суда раньше работали вместе со Спикером в судебных и правоохранительных органах, некоторые даже были его подчиненными. Но высказывание «Платон мне друг, но истина дороже» имело ключевое значение для судей Конституционного Суда Монголии.

Проблема взаимоотношений Великого Государственного Хурала и Конституционного Суда

Отношения между Великим Государственным Хуралом и Конституционным Судом отражены в Конституции Монголии. В частности, часть первая статьи 65 гласит: «Конституционный Суд состоит из девяти членов. Они назначаются Великим Государственным Хуралом, соответственно трое по предложению Великого Государственного Хурала, трое по предложению Президента, а трое по предложению Верховного Суда сроком на шесть лет»: Статья 66 указывает: «Конституционный Суд по собственной инициативе рассматривает и разрешает споры о нарушении Конституции на основе заявлений и обращений граждан или по обращению Великого Государственного Хурала, Президента, Премьер-министра, Верховного Суда или Генерального прокурора. Заключение по спорным вопросам будут переданы Великому Государственному Хуралу. Если это заключение не будет принято Великим Государственным Хуралом, Конституционный Суд рассмотрит его и примет окончательное решение.

Исходя из вышеизложенного, взаимоотношения Парламента и Конституционного Суда можно разделить на две основные группы.

Самым важным отношением, возникающим между Конституционным судом Монголии и Парламентом, являются отношения, связанные с контрольной функцией Суда в рамках разрешения конституционных споров, возникающих при определении соответствия Конституции законов принимаемых Парламентом.

Монопольное право отменять те или иные законодательные акты, противоречащие Конституции, предоставлено Конституционному Суду, а не судебным инстанциям.

Если Парламент сам будет решать, соответствует или нет принятый закон Конституции, то возникнут конфликты интересов между избирателями и их представителями, это значит, что Парламент не может осуществлять конституционный контроль. С другой стороны, в отсутствие независимого органа, который мог бы определить, нарушил ли

Парламент Конституцию при принятии решений большинством голосов, Конституция остается абстрактным понятием без реальной возможности контролировать парламентское большинство. По этой причине возникает вопрос о том, кто будет нейтральным субъектом контроля, оценивающим конституционность закона, принятого парламентским большинством, которое юридически приобретает право представлять народ.

Таким образом, среди исследователей стало общепринятым, что невозможно ограничить власть представительного органа, а гарантированным Конституцией правоохранительным органом не может быть Парламент, поэтому независимый и беспристрастный суд имеет важное значение для утверждения конституционности. Большинство законодательных органов служат совещательным форумом для обсуждения различных интересов общества, которые будут сформированы в результате выборов, в то время как независимый Конституционный Суд, как специализированный орган по обеспечению соблюдения основополагающих правовых принципов является субъектом, который может контролировать соответствие законодательной деятельности Конституции.³ Таким образом, конституционный контроль над законодательной деятельностью Парламента вытекает из природы представительства Парламента.

Суд осуществляет нормативный контроль за соответствием законов и его положений Конституции только на основе заявлений, информации и запросов, рассматривает и выносит свои решения по конкретным спорам только в рамках процедур конституционного процесса.

Принятые таким образом решения играют важную роль в поддержании баланса путем защиты конституционного порядка и установления баланса контроля между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. Например, было немало случаев отмены Конституционным Судом законов, в которых законодатель при обсуждении и принятии законов расширил полномочия Правительства и Президента не предусмотренные Конституцией, подрывал независимость судебной власти, а также вопросов, относящиеся к полномочиям других, устанавливал в качестве собственной прерогативы.

При этом Конституционный Суд осуществляет свои функции конституционного контроля и следит за соблюдением конституционных требований в рамках разделения государственной власти.

Конституционный Суд имеет право признать закон недействительным, считая его положения противоречащими Конституции, хотя в ряде случаев закон и его положения, являющиеся предметом спора, не нарушают Конституцию, в таком случае Конституционный Суд в своем решении указывает на необходимость принять меры по улучшению и совершенствованию закона. Это показывает, что если Конституционный Суд вмешивается, превысив предусмотренные законом права, то может иметь место дублирование с законодательными полномочиями

³ Амаржаргал П. Парламентский мандат: зрелость и тенденции развития. УБ, 2016. – С. 90.

Парламента, поэтому это необходимо принимать во внимание. Иными словами, принятие решений в рамках Конституции без посягательства на законодательную власть – это задача, стоящая перед конституционными судами. С укреплением парламентаризма и развитием законодательных институтов возникает необходимость в том, чтобы решения Конституционного Суда были более четкими и совершенными.

Как уже говорилось выше, в целях обеспечения конституционности без ущемления законодательной власти конституционные суды стран мира выносят решения, определяющие пределы совместимости законов и других решений, принятых законодательными органами, с Конституцией. В частности, принимаются решения о конституционности законов с указанием типов и сроков принятия условных решений (decisions of limited, conditional, partial), и разрабатываются механизмы поддержки конституционности законов и парламентских решений.

При этом Конституционный Суд не подавляет своими функциями функции законодателя, то есть не навязывает вместо легитимного решения законодателя то решение, которое он считает правильным. В частности, он уважает право законодателей разрабатывать закон в соответствии со своими ценностями и дает им простор для прогнозирования.⁴

Изучение заявлений, информации, запросов и жалоб, полученных с момента учреждения Конституционного Суда, показало, что более 60% обращений касались нарушений законов, их статей и других решений Великого Государственного Хурала, только около 10% из них оспорены и пересмотрены Конституционным Судом.

65 статья Конституции Монголии позволяет Великому Государственному Хуралу, законодательному органу, оспорить или выразить несогласие один раз с решением Конституционного Суда после принятия закона. Это помогает Парламенту лучше понять обоснованность решения Конституционного Суда и понять ошибки, допущенные Парламентом и Конституционным Судом в ходе принятия закона, объединить противоречивые позиции, что является важной формой выражения природы отношений двух основных институций Конституции.⁵

Следующая важная взаимосвязь возникает в связи с назначением и отзывом членов Конституционного Суда Парламентом.

Наиболее важным условием, связанным с назначением и отзывом члена Конституционного Суда, является необходимость обеспечения условий для принятия решений, свободных от внешних влияний. Это деликатный вопрос, касающийся независимости Конституционного Суда и независимости его членов.

⁴ Судья Конституционного суда ФРГ, доктор Зибулле Кассал-Вульф. Конфликтная ситуация во взаимоотношениях парламента и Конституционного суда // Конституционная судебная власть: проблемы и перспективы на будущее. УБ, 2018. – С. 122-123.

⁵ Лхагваа Т. Состояние отношений между Великим Государственным Хуралом и Конституционным Судом Монголии и некоторые возможности его совершенствования. // Конституционные вызовы (теория, методология, реализация). УБ, 2017. – С. 209-210.

Пункт 4 статьи 65 Конституции гласит: «Великий Государственный Хурал может отозвать члена Конституционного Суда в случае нарушения им законов на основании решения и по предложению первичной организации, выдвинувшей его кандидатуру».

Об этом же гласит пункт 3 статьи 5 Закона о Конституционном Суде: «Если Конституционный Суд установит преступление, совершенное членом Конституционного Суда, то он может быть отозван Великим Государственным Хуралом на основании решения Конституционного Суда об исключении его из состава Конституционного Суда и предложения первичной организации, выдвинувшей его кандидатуру». В статье 40 раздела 4 Закона о Регламенте сессии Парламента, предусмотрено: что «Если член Конституционного Суда подлежит отзыву, то заключение Конституционного Суда и предложение первичной организации, выдвинувшей кандидата, должны быть рассмотрены и решены в порядке, установленном настоящим Законом».

Заключение

В Законе о Конституционном Суде, принятом Парламентом в 2016 году было указано, что член суда может быть отозван, если компетентный орган, а не Конституционный Суд, установит наличие нарушения им закона, однако Высшая инстанция Конституционного Суда на сессии от 17 июня 2016 года отозвала данное определение, считая его посягательство на независимость члена Конституционного Суда.

Современные теоретики трактуют понятие сдержек и противовесов правления как принцип взаимного баланса и контроля между исполнительной и законодательной ветвями власти, препятствующий осуществлению неограниченного верховенства одного из государственных институтов, определенных Конституцией, над другим.⁶

В заключение хочу отметить, что уважительные отношения между Конституционным Судом и Парламентом должны служить этическим примером для других институтов государства, обеспечивая правильное распределение и баланс власти, например, предотвращая злоупотребление властью со стороны законодательного органа и гарантируя, что Конституционный Суд не выходит за рамки полномочий Парламента.

⁶ Амаржаргал П. Парламентский мандат: зрелость и тенденции развития. УБ, 2016. – С. 85.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Амаржаргал П. Парламентский мандат: зрелость и тенденции развития. УБ, 2016.
2. Жанцан Н. Особенности Конституционного Суда Монголии и межпарламентских отношений // Сборник материалов симпозиума по правовым и этическим основам Конституционного Суда и межпарламентских отношений. УБ, 1998.
3. Кассал-Вульф Зибулле. Конфликтная ситуация во взаимоотношениях парламента и Конституционного Суда // Конституционная судебная власть: проблемы и перспективы на будущее. УБ, 2018.
4. Лихтенбергер Густав. Конституционный Суд, правовая основа межпарламентских отношений и опыт этих отношений // Сборник материалов симпозиума по правовым и этическим основам Конституционного Суда и межпарламентских отношений. УБ, 1998.
5. Лхагваа Т. Состояние отношений между Великим Государственным Хуралом и Конституционным Судом Монголии и некоторые возможности его совершенствования. // Конституционные вызовы (теория, методология, реализация). УБ, 2017.

Республика Армения

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕШЕНИЯ

А.Г. ВАГАРШЯН

*судья Конституционного
Суда Республики Армения,
доктор юридических наук,
профессор*

А.Л. АСАТРЯН

*доцент юридического
факультета ЕГУ,
кандидат юридических наук,
доцент*

В современной юридической литературе и официальных документах широко используется формулировка «верховенство права», однако само понятие «верховенство права» не имеет четкого определения и однозначного понимания, о чем свидетельствуют достаточно глубокие исследования современных теоретиков права в постсоветском пространстве. Среди них выделяются В.Е. Чиркин, С.Ф. Ударцев, Ж.Р. Темирбеков, М.К. Сулейменов, Д.В. Волков, С.В. Красильников и др.¹ Перечисленные авторы в основном рассматривают исторические либо современные варианты соотношения терминологии или концепции «Rule of law» («верховенство права») и «Rechtsstaat» («правовое государство»).

Несмотря на данные исследования, теоретически неопределенными и спорными остаются место и роль понятия «верховенство права» в общей системе основных правовых категорий и понятий. Чтобы преодолеть теоретические разногласия и предложить наиболее точную теоретическую гипотезу путей исследования и решения указанной проблемы, необходимо сначала выделить и проанализировать суще-

¹ Чиркин В.Е. Верховенство права: современные варианты терминологии // Государство и право в современном мире: проблемы теории и истории // Журнал российского права. № 12. 2015. – С. 5-11; Ударцев С.Ф., Темирбеков Ж.Р. Концепции «Rule of law» («верховенство права») и «Rechtsstaat» («правовое государство»): сравнительный анализ // Государство и право. 2015. № 5. – С. 5-16; Сулейменов М.К. Верховенство права: идея и реальность https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34129124&pos=1;-102#pos=1;-102; Волков Д. В., Красильников С. В. Развитие подходов к пониманию верховенства права как основополагающей идеи правового государства в российской правовой мысли начала XX века // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 3. – С. 100-108. – DOI: 10.17150/2411 – 6262.2016.7(3).22.

ствующие общетеоретические аспекты понимания категории «верховенство права», основные ее теоретические понимания и определения, выяснить принципиальные различия между ними. Реализация этой исследовательской тактической задачи по самой своей природе даст возможность сориентироваться в существующих дискуссионных вопросах относительно определения и теоретического осмысления понятия «верховенство права» и выстроить методологически верные направления его исследования.

То, что смысл (определение) верховенства права и его место в системе правовых понятий и теоретической структуры правовой системы являются дискуссионными и требуют теоретико-методологического единого подхода, подтверждается докладом «О верховенстве права», утвержденным Европейской комиссией за демократию через право (Венецианская комиссия) на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25-26 марта 2011 года). Согласно этому докладу национальные и международные правовые документы, а также труды ученых, судей и др. свидетельствуют о том, что в мировой юриспруденции в настоящее время нет консенсуса относительно основного значения понятия «верховенство права» и его элементов.²

«Верховенство права» как понятие или правовая формулировка не имеет такого всемирного признания, как правовые понятия «законность» либо «верховенство закона». Каждая из национальных правовых систем в связи со своими особенностями по-своему осмысливает понятие «верховенство права». Это обусловлено воздействием множества факторов, из которых можно отметить исторические и культурные условия развития правовой системы, особенности демократии, политики и правовой системы, различия трактовки права как феномена и правовые традиции и. т.д. С этой точки зрения, в теории права выделяются два основных подхода: англосаксонская концепция верховенства права и континентальная концепция правового государства.

Англосаксонская концепция верховенства права сформировалась под воздействием либерализма как политико-правового течения. Англосаксонское общее право и в целом правовая система были сформированы судьями. Особенности исторического развития привели к тому, что сначала в Англии, а затем в США идея верховенства права материализовалась в системе независимой самоуправляемой судебной власти. В англосаксонских странах суд стал посредником между личностью и государственной властью. Укоренение идеи независимости личности в общественном сознании и ее юридическое закрепление привели к тому, что суд постепенно, шаг за шагом, стал гарантом прав личности и приобрел большую власть. В результате сформировалась идея «ограниченного государства»³ и, с этой точки зрения англосаксонское верховенство права имеет общие черты с континентальной концепцией правового государства.

² См. Report of the rule of law, Strasbourg, April 11, 2011, study, N.512/2009, – С. 13.

³ См. Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. – М., Академический проект: Культура, 2005. – С. 487.

Следовательно, англосаксонскую концепцию верховенства права можно признать вариантом теории правового государства, самыми яркими теоретиками которого считаются А.В. Дайси, М. Оукшот и др.⁴ А. Дайси, исследовав особенности конституционно-правового регулирования в Британии, пришел к выводу, что неписаной британской конституции свойственны два принципа. Первый и основной принцип – это «суверенитет либо верховенство парламента», а второй – «верховенство права».⁵ По мнению Дайси, верховенство права совмещается с суверенитетом парламента, однако в Англии верховенство права не превосходит сути последнего. Именно в верховенстве права А. Дайси видел основания ограничения государственной власти. Он считал принцип верховенства права последствием существования на протяжении долгих лет общего (прецедентного) права, по причине чего не было необходимости его закрепления в писаной конституции.

Согласно А. Дайси, верховенство права имеет три основных признака:

1) наказание может быть назначено только за нарушения четко закреплённых законом положений, которые не имеют обратной силы ... (дискреционные полномочия могут привести к произволу);

2) никто не может быть выше закона, и все слои общества должны в равной степени подчиняться закону;

3) идеи верховенства права должны исходить не из писаной конституции, а из общего «прецедентного» права.⁶

Таким образом, разработанная А. Дайси концепция верховенства права со своими тремя содержательными элементами прямо относится к государственной власти, в частности и по той причине, что Дайси считал верховенство права принципом неписаной британской конституции.

В континентальной Европе понятие «верховенство права» не имеет однозначного понимания. В вышеназванном докладе Венецианской комиссии, а также в истории политико-правовой мысли принцип либо концепция верховенства права признается равноценной концепцией правового государства. Несомненно, теория правового государства берет начало с античного мира, однако термин «*Rechtsstaat*» – «правовое государство» был формально предложен немецкими юристами К.Т. Велкером, Р.Фон Модем и др.⁷ в первой половине XIX века. Таким образом, теория континентального права понятие «верховенство пра-

⁴ См. Ademi G. Legal intimations – Michael Oakeshott and the rule of law // *Wisconsin Law Review*. – 1993. N. 3. P. 839-896; Coats W. J. Michael Oakeshott as liberal theorist // *Canadian Journal of Political Science* – *Revue Canadienne de Science Politique*. – 1985. – Vol.18. N. 4. P. 773-787.

⁵ А.В. Дайси является теоретиком конституционного права Великобритании, который в 1885 г. издал труд «Введение в изучение конституционного права».

⁶ См. Report of the rule of law, Strasbourg, April 11, 2011, study, N.512/2009. – С. 3-4.

⁷ См. Соколов А.Н. Идея правового государства в Германии и механизм ее реализации: Диссертация докт. юрид. наук. – Харьков: Украинская юридическая Академия, 1992. – С. 22-23; Халипов В.Ф. Указ. соч. – С. 486.

ва» формализовала и рационализировала, основываясь на немецкую концепцию правового государства.

Континентальная правовая мысль понимала проблему ограничения власти государства в контексте соотношения суверенитета государства и верховенства закона (права).⁸ Суверенитет предполагает правовую организацию высшей государственной власти, юридический механизм ее реализации, обусловленный первичностью прав личности. Следовательно, во взаимоотношениях «государство-личность» государство представляет собой юридически организованный субъект, который должен действовать в правовых формах и в соответствии с правом. В этом смысле, в отличие от англосаксонской концепции верховенства права, которая важную роль уделяла суду, континентальная теория важное место уделяла закону, а требование быть правовым касалось всех ветвей власти. В отличие от данного подхода, А. Дайси вторым принципом неписаной английской (британской) конституции считал суверенитет парламента.

Таким образом, континентальная правовая мысль, делая упор на закон и его верховенство, одновременно считала закон не только формальным выражением государственной воли, но и реализацией правовой идеи. Следовательно, право, в соответствии с юридическим мировоззрением эпохи возрождения, происходит, возникает сначала как идея, которая впоследствии формализуется, закрепляется в правовых нормах, а затем реализуется в реальных, жизненных правоотношениях, участниками которых являются полноправные субъекты права. В таких обстоятельствах государство приобретает строжайшую форму правовой законности. Со временем в качестве факторов становления правового государства стали рассматриваться также гражданское общество, демократия, верховенство конституции. В результате становления прав человека, утверждения верховенства правового закона (права), реализации принципа разделения властей в механизме государства выявилась такая тенденция, как повышение авторитета, роли и значения судебной власти в механизме правового государства. Эти и другие тенденции развития общества, права и государственности дали основание теоретикам права прийти к заключению, что правовое государство является особым государственно-правовым механизмом новейшего времени, особой моделью реализации идеи власти права (в соответствии с условиями и потребностями гражданского общества) в общественной политической сфере как новая особая форма, новый тип правовой организации общественно-политической власти и свободных личностей – официально признанных субъектов врожденных и неотчуждаемых (естественных) прав и свобод.⁹

Исследования интересующей нас проблемы в англосаксонской и континентальной правовых теориях приводят к выводу, что английская теория верховенства права является всего лишь концепцией

⁸ См. Халипов В.Ф. Указ. соч. – С. 487.

⁹ См. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. – М., 2000. – С. 308.

«ограниченного» государства. А континентальная теория уже самим названием – правовое государство, указывает на то, что она относится к государству либо предполагает определенную структуру государства. С этой точки зрения, самостоятельное существование англосаксонского понятия верховенство права в континентальной правовой системе становится сомнительным, поскольку в ней философией и теорией права выработано и в конституционных актах закреплено понятие «правовое государство». Следовательно, правовая конвергенция, которая происходит в современном мире, предполагает, что в будущем либо англосаксонская концепция откажется от понятия «верховенство права» и примет понятие «правовое государство», либо, наоборот, континентальная теория права должна будет отказаться от формулировки «правовое государство», признав тем самым формулировку «верховенство права». Однако, по нашему мнению, это не решает теоретическую проблему по нескольким основным причинам:

1. Причина, в силу которой правовая конвергенция будущего не разрешит поставленную проблему, сводится к проблеме правовопонимания. Очевидно, что идея правового государства в двух концепциях основывается на двойственности государства и права. Однако следует иметь в виду, что как данная идея, так и современные демократические правовые системы основываются также на двойственном подходе или различают право и закон. В этом случае важное значение имеет то, что, по общему философскому представлению, право рассматривается как высшая ценность, наделенная сугубо своей собственной сущностью и содержанием. Следующий элемент двойственности – закон, понимаемый как форма выражения, проявления сущности и содержания права. Отсюда и возникает проблема их взаимоотношений и вопрос принципов, положенных в основу этих взаимоотношений. В пользу вышесказанного можно трактовать, например, определение понятия верховенства права в британской энциклопедии: «Rule of law» является «важнейшей основой свободного общества. В своей простейшей форме этот принцип означает, что люди должны руководствоваться общеприменимыми и общеизвестными законами, а не произвольными решениями королей, президентов или бюрократов. Такие законы должны защищать свободу всех людей стремиться к счастью по-своему и не должны быть нацелены на какой-либо конкретный результат».¹⁰ В данной трактовке проблема состоит в том, что в самом англосаксонском праве под термином «law» чаще всего подразумевается «закон» в нашем представлении.

Не только в англосаксонском, но и в постсоветской юриспруденции есть проблемы понимания терминов «право», «права или прав», «правовой», что очень наглядно выражается в следующих мыслях А. Кондакова: «... «правовое государство», – которое, с одной стороны, можно считать прямым переводом Rechtsstaat, а с другой, следует

¹⁰ Rule of law <https://www.britannica.com/topic/libertarianism-politics/Libertarian-philosophy>

учесть многозначность употребляемого в этом словосочетании прилагательного. Термин «правовой» не всегда связан с «правом», но может также означать «права»! Эта двусмысленность дает почву для дальнейших размышлений. Представляется весьма удачным сочетание прав и права (the rights и the law) при переводе the rule of law. Здесь словно уже терминологически заложена глубокая суть этого понятия: ведь права значительно выше не только закона, но и государственной власти – правитель не вправе законодательно изменять права, они являются непосредственно действующими и, по большому счету, не требует кодификации. Следовательно, «правовое государство» в русском языке гораздо ближе по смыслу к оригинальному понятию the rule of law.¹¹

Поэтому, решение вопроса понятия «верховенство права» необходимо искать не в какой-либо концепции государства, а в плоскости правовой системы либо системы правового регулирования, и, как предварительно нами предполагается, представить ее как фундаментальный правовой принцип правового общества, поскольку верховенство права – это в первую очередь понятие, касающееся правовой системы и ее действия, а не концепция государства. Конечно, это не означает, что между верховенством права и концепцией государства нет связи. Верховенство права может повлиять на формирование концепции государства, однако оно предполагает более богатое и широко осмысленное содержание и требование, чем какая-либо правовая концепция государства.

2. Причиной, препятствующей правовому сближению вышеуказанных подходов, является вопрос о том, применимо ли или относится ли верховенство права к международному праву. Вышеназванный доклад Венецианской комиссии, рассматривая верховенство права в плоскости позитивного права, утверждает, что концепция верховенства права существует на уровнях и национального (внутригосударственного), и международного права.¹² Затем составители доклада представляют варианты закрепления и понимания принципа верховенства права в международных правовых документах: во Введении Устава Совета Европы, Введении Европейской конвенции по правам человека, в Резолюции 1594 Парламентской ассамблеи Совета Европы от 23 ноября 2007 г. «Принцип верховенства права» и в других международных документах.¹³ Среди этих документов наиболее широкий подход к пониманию верховенства права отмечен в концепции, закрепленной в документах ОБСЕ. Позиции этой организации в данном вопросе закреплены в документах в сфере верховенства права, касающихся обязательств ОБСЕ.¹⁴ Согласно Копенгагенскому документу 1990 г. «правовое государство» означает не

¹¹ См. Кондаков А. Верховенство права и the rule of law: трудности перевода. Опубликовано 12 марта, 2011 г. // Общество и право. Исследовательская группа ЦНСИ / <https://lawandsocietycisr.wordpress.com/2011/03/12/lost-in-translation/>

¹² См.: Report of the rule of law, Strasbourg, April 11, 2011, study, N. 512/2009. – С. 6.

¹³ О международных документах, использующих формулировку «верховенство права» и тем или иным образом интерпретирующих ее смысл, см.: Report of the rule of law, Strasbourg, April 11, 2011, study, N.512/2009. – С. 6-11.

только формальную законность, но и обеспечивает регламентированность и последовательность для достижения демократического порядка, справедливости, основанной на признании человеческой личности как высшей ценности и гарантированной отражающими ее механизмами и институтами.

24 сентября 2012г. в рамках 67-й сессии ГА ООН состоялось совещание по вопросу о верховенстве права на национальном и международном уровнях. Главы государств и правительств более 40 стран мира приняли Декларацию, подтверждающую их приверженность принципу верховенства права. Декларация провозглашает: «Мы согласны, что руководством для наших коллективных действий в ответ на проблемы и возможности, возникающие в результате многих сложных политических, социальных и экономических преобразований, должно быть верховенство права, поскольку оно является основой дружественных и равноправных отношений между государствами, а также основой строительства справедливых и равноправных обществ». ООН в Декларации определяет верховенство права как принцип управления, в соответствии с которым все лица, учреждения и структуры, государственные и частные, в том числе само государство, функционируют под действием законов, которые были публично приняты, в равной степени исполняются и независимо реализуются судебными органами. При этом законы должны быть совместимыми с международными нормами и стандартами в области прав человека.

Анализ содержания вышеназванных международных правовых документов показывает, что, признавая верховенство права принципом права, они его толкуют либо представляют как совокупность требований, касающихся в основном сфер внутригосударственной правовой жизни. Между тем, если мы признаем концепцию различения права и формы ее выражения основой построения и действия современных правовых систем, возникает вопрос о верховенстве права не только в отношении концептуальных подходов внутреннего механизма государства, но и являясь также принципом международного права, а также его содержания и как проявления в процессе формирования и действия международного права.

Таким образом, рассмотрение верховенства права как сугубо концепцию государства является неприемлемым в силу двух обстоятельств: во-первых, данный подход не разрешает вопроса действия верховенства права в международном и, в частности, межгосударственном праве, во-вторых, данный подход, будучи узким, не решает научной проблемы понятия «верховенство права» в правовой плоскости либо во внутрисистемной структуре права. А это означает, что необходимо разработать новый теоретический комплексный подход в вопросе понимания формулы верховенства права, взяв за основу не государственно-научную методологию, а философско-правовые парадигмы теории права.

 Республика Беларусь

ОБНОВЛЕННАЯ КОНСТИТУЦИЯ: СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ¹

П.П. МИКЛАШЕВИЧ

*председатель Конституционного Суда
Республики Беларусь, заслуженный юрист
Республики Беларусь*

Введение

В настоящее время процессы модернизации и трансформации в конституционно-правовом строительстве являются характерными для многих стран. Высокая динамика конституционного развития объективно отражает ускорение и усложнение социального взаимодействия.

Глобальное управление цифровой сферой, выход за рамки конкретного государства и национального права процессов регулирования общественных

отношений представляют определенные вызовы современному конституционализму.

Как в ходе конституционных реформ, так и в условиях эволюционного конституционного развития становится особенно важным конституционное измерение общественных процессов, обеспечение эффективного функционирования конституционной модели развития общества и государства.

1. Устойчивое конституционное развитие

В этом году мы отмечаем тридцатилетний юбилей Основного Закона – 15 марта 1994 года принята Конституция Республики Беларусь, определившая путь развития нашей страны как суверенного демократического социального правового государства.

На референдумах в 1996, 2004 и 2022 годах были внесены изменения в Конституцию, направленные на дальнейшее стабильное и динамичное развитие общества и государства, эффективное функционирование системы органов государственной власти, укрепление суверенитета и независимости Республики Беларусь.

Мы видим, что если народ непосредственно является участником конституционных изменений, то ресурсный потенциал устойчивости конституционного каркаса увеличивается многократно и Конституция Республики Беларусь становится особым общественным договором, обеспечивающим гармоничное взаимодействие личности, общества и государства.

¹ Доклад на Международной конференции «Верховенство Конституции: конституционные изменения и современное развитие конституционного контроля», приуроченной к 30-летию образования Конституционного Суда Республики Беларусь, которая состоялась 4 апреля 2024 года в г. Минске

Беларусь является не просто суверенным государством, возникшим в результате распада СССР, но и страной, имеющей глубокие исторические традиции государственности. Положение о сохранении национальной самобытности и суверенитета, закрепленное в качестве конституционной цели в преамбуле обновленной Конституции, отражает историческую преемственность в развитии белорусской государственности.

Время, прошедшее с момента принятия Конституции в 1994 году, показало значимость конституционных положений, сформулированных в ней ценностных ориентиров для интенсивного государственно-правового строительства.

Современные условия объективно потребовали конституционных преобразований, формулирования в Конституции новых положений, отражающих идеи и цели дальнейшего государственного и общественного развития.

27 февраля 2022 года состоялся республиканский референдум по внесению изменений и дополнений в Конституцию. Реализовав свое конституционное право, граждане Республики Беларусь на республиканском референдуме приняли обновленную Конституцию. Согласно результатам референдума за принятие изменений и дополнений Конституции проголосовали 82,86 % от принявших участие в голосовании граждан.

Скорректированы преамбула и 85 статей Конституции из 146. В обновленную Конституцию включены 11 новых статей, исключены 2 статьи. Появилась новая глава «Всебелорусское народное собрание».

Сущность изменений Конституции заключается в следующем.

Сохранена президентская форма правления с перераспределением полномочий Президента, Парламента и Правительства исходя из их конституционных функций.

Установлен конституционный статус Всебелорусского народного собрания как высшего представительного органа народовластия, определяющего стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающего незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие.

Усовершенствованы конституционные основы избирательной системы, определен конституционный статус Центральной избирательной комиссии.

Конституционные положения о социальном характере белорусского государства получили развитие и содержательное наполнение в виде усиления гарантий социальных прав.

Предусматривается новый порядок формирования Верховного и Конституционного судов: председатели, заместители председателей и судьи Верховного и Конституционного судов избираются и освобождаются от должности Всебелорусским народным собранием.

Установлен на конституционном уровне статус Верховного Суда Республики Беларусь как органа, возглавляющего систему судов общей юрисдикции.

Расширены гарантии судебной защиты прав граждан: установлено полномочие Конституционного Суда по рассмотрению конституционных жалоб граждан на нарушение их прав и свобод.

Конституционные поправки служат основой совершенствования конституционного устройства белорусского общества и государства, конституционализации права и правоприменительной практики, являются прочным фундаментом дальнейшего развития Республики Беларусь как демократического социального правового государства.

В настоящее время Парламентом принято более 90 законов, направленных на реализацию положений обновленной Конституции.

Отмечу, что в целях разъяснения смысла и нормативного содержания принципов и норм Конституции, в соответствии с поручением Президента Республики Беларусь Лукашенко А.Г., высококвалифицированными юристами, в том числе судьями и сотрудниками Конституционного Суда, подготовлен Научно-практический комментарий к Конституции.

Комментарий издан тиражом в 20 000 экземпляров и послужит дальнейшей системной работе по разъяснению положений Конституции и их неукоснительному соблюдению в повседневной жизни и профессиональной деятельности.

2. Развитие конституционного контроля

Формирование и развитие конституционного контроля в Республике Беларусь можно разделить на следующие этапы.

Первый этап (1994–1996 годы) – период учреждения и становления Конституционного Суда. На этом этапе значительная часть заключений была направлена на определение баланса полномочий органов власти, соблюдение конституционного принципа разделения властей.

Второй этап (1996–2008 годы) – деятельность Конституционного Суда по конституционализации законодательства в процессе формирования правовой системы страны. Основные усилия были направлены на оценку соблюдения в законодательстве и правоприменительной практике конституционных положений, их полную и последовательную реализацию, разработку на законодательном уровне механизмов осуществления конституционных прав и свобод граждан.

Третий этап – 2008–2022 годы. С 2008 года основным направлением деятельности Конституционного Суда становится осуществление предварительного контроля конституционности законов, принятых Парламентом, до подписания их Президентом.

За этот период Конституционным Судом проверены на соответствие Конституции вносимые изменения в 10 кодексов и 688 законов. Сформулировано более 300 правовых позиций, адресованных законодателю и правоприменителям.

Признавая конституционность принятых законов, в отношении их отдельных положений Конституционный Суд формулировал правовые позиции, направленные на уяснение конституционно-правового смыс-

ла норм законов исходя из положений Конституции. Обращалось внимание законодателя на выявленные в законах случаи правовой неопределенности, пробелы и коллизии, а правоприменителям указывалось на необходимость точного понимания содержания законодательных норм и соблюдения конституционно-правового режима их применения.

Доктринальные подходы к конституционно-правовому регулированию современных общественных отношений, выработанные в практике Конституционного Суда, во многом послужили фундаментом теоретических и практических разработок конституционно-правовых конструкций обновленной Конституции.

В этот период получило реализацию особое полномочие Конституционного Суда: по предложениям Президента, Парламента, Правительства излагать позицию о документах, принятых иностранными государствами, международными организациями или их органами и затрагивающих интересы Республики Беларусь, в части соответствия этих документов общепризнанным принципам и нормам международного права.

В 2011 году изложена позиция Конституционного Суда о том, что положения Закона Республики Польша «О Карте поляка», на основании которого гражданам Республики Беларусь выдаются документы, обеспечивающие определенные льготы в Польше, не согласуются с общепризнанными принципами международного права.

В 2021 году принято решение по ограничениям (санкциям), введенным актами Европейского союза, США и некоторых других государств в отношении Республики Беларусь. Ограничения (санкции) признаны Конституционным Судом не соответствующими Уставу ООН, Всеобщей декларации прав человека, международным пактам и ряду других документов.

Четвертый этап с 2022 года – реализация новых полномочий и переход к конкретному конституционному контролю.

Согласно обновленной Конституции Конституционный Суд наделен широкими полномочиями:

- по предложению уполномоченных субъектов осуществляет последующий конституционный контроль нормативных правовых актов, а также предварительный конституционный контроль законов, принятых Парламентом, до их подписания Президентом;
- проверяет конституционность проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию;
- проверяет конституционность не вступивших в силу международных договоров.

При осуществлении ряда полномочий Конституционный Суд выступает как арбитр в системе государственной власти, обеспечивая ее устойчивое функционирование:

- по предложению Президента Конституционный Суд дает заключение о наличии фактов систематического или грубого нарушения Конституции палатами Парламента;

– по предложению Президиума Всебелорусского народного собрания дает заключение о наличии фактов систематического или грубого нарушения Конституции Президентом.

Установлен конституционный контроль при проведении выборов: по предложению Президиума Всебелорусского народного собрания Конституционный Суд дает заключения о конституционности проведения выборов Президента, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики. Это является дополнительной гарантией обеспечения свободного волеизъявления избирателей, справедливой и объективной оценки избирательного процесса.

Конституционный Суд осуществляет проверку конституционности вопросов, выносимых на республиканский референдум, дает официальное толкование Конституции.

Согласно статье 116-1 Конституции Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных судами общей юрисдикции в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты.

Установление института конституционной жалобы на конституционном уровне обеспечивает прямой доступ граждан к конституционному правосудию, позволяет не допускать действия судебных постановлений, основанных на неконституционных нормах законов, дает возможность исключить искажение конституционно-правового смысла норм закона при применении в конкретном судебном деле.

Безусловно, что для эффективного функционирования института конституционной жалобы требуются высокий уровень правовой культуры и конституционного правосознания граждан и должностных лиц, организация оказания необходимой юридической помощи гражданам в целях соблюдения порядка подачи конституционной жалобы.

Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения по запросам судов, проверяя конституционность нормативных правовых актов, подлежащих применению при рассмотрении судами конкретных дел.

Полагаем, что суды общей юрисдикции, наделенные правом инициирования, будут активно направлять запросы в Конституционный Суд при возникновении сомнений в конституционности нормативных правовых актов, подлежащих применению при рассмотрении конкретных дел. Устранение возникших сомнений в конституционности нормативных правовых актов до принятия судами общей юрисдикции постановлений существенно уменьшит риски неконституционного правоприменения.

3. Эффективность конституционного контроля

Деятельность Конституционного Суда по осуществлению контроля за конституционностью нормативных правовых актов в государстве направлена на:

- обеспечение верховенства Конституции и ее прямого действия на территории Республики Беларусь;
- защиту конституционного строя Республики Беларусь;
- защиту гарантированных Конституцией прав и свобод человека и гражданина.

Верховенство Конституции и ее прямое действие, выражая сущность современного правового государства, предполагают необходимость комплексного и системного законодательного обеспечения реализации конституционных ценностей, принципов и норм, закрепленных в Конституции.

Посредством утверждения верховенства Конституции, конституционных ценностей в нормотворчестве и правоприменении осуществляется конституционализация общественных отношений, устанавливается режим конституционной законности, при котором государство, все его органы и должностные лица, а также организации и граждане действуют на основе и в соответствии с Конституцией, а право как важнейший социальный регулятор обеспечивает достижение целей и решение задач, определенных Основным Законом государства.

Прямое действие Конституции обуславливает интеграцию конституционной модели организации общественных отношений в социальную практику как непосредственно, так и путем выработки на законодательном уровне правовых механизмов для полной реализации гражданами закрепленных в Конституции прав и свобод, а также непосредственное применение конституционных норм всеми правоприменительными органами путем их индивидуализации с учетом жизненной ситуации, требующей разрешения применительно к конкретному субъекту правоотношения.

Конституционный Суд при осуществлении конституционного правосудия выявляет и раскрывает содержание конституционных ценностей, принципов и норм, ориентирует законодателя и правоприменителей на соблюдение многогранного содержания Конституции, недопустимость искажения конституционных положений в законодательстве, правопонимании и правоприменении, в необходимых случаях указывает на осуществление нового либо дополнительного правового регулирования общественных отношений в конкретных сферах жизнедеятельности, определяет направления совершенствования законодательства.

Защита конституционного строя – важнейшая функция государства, осуществление которой выступает гарантией его суверенитета, независимости и территориальной целостности, а также необходимым условием жизнедеятельности и устойчивого общественно-политического и социально-экономического развития.

Возложение на Конституционный Суд задачи по защите конституционного строя Республики Беларусь вытекает из сущности конституционного контроля, конституционно-правового статуса Конституционного Суда, его предназначения по осуществлению судебной власти посредством конституционного судопроизводства.

В условиях сложной общественно-политической ситуации, возникшей в Республике Беларусь в 2020 году, Конституционный Суд 25 августа 2020 года выразил конституционно-правовую позицию по защите конституционного строя, суть которой заключается в том, что при реализации политических прав граждане должны учитывать, что в соответствии с частью второй статьи 3 Конституции любые действия по изменению конституционного строя и достижению государственной власти насильственными методами, а также путем иного нарушения законов Республики Беларусь наказываются согласно закону; соблюдение режима конституционной законности является безусловным и необходимым условием деятельности всех субъектов общественно-политических отношений и граждан нашей страны в целях обеспечения противодействия любому деструктивному воздействию на стабильность и суверенитет государства, гражданский мир и согласие в обществе, устойчивость конституционного строя.

Обновленная Конституция предусматривает новые полномочия Конституционного Суда, реализация которых направлена на защиту основ конституционного строя, обеспечение верховенства Конституции в деятельности высших органов власти. Для проверки соблюдения конституционных принципов и норм и возможности наступления конституционно-правовой ответственности Конституционный Суд в случаях, предусмотренных Конституцией, дает заключения: по предложению Президиума Всебелорусского народного собрания – о наличии фактов систематического или грубого нарушения Конституции Президентом; по предложению Президента – о наличии фактов систематического или грубого нарушения палатами Конституции Парламента.

Права и свободы человека являются высшей конституционной ценностью, а их соблюдение – одной из важнейших составляющих верховенства права. В своей деятельности Конституционный Суд при рассмотрении дел и материалов, формулировании правовых позиций нацеливает нормотворческие и правоприменительные органы на практическую реализацию и защиту гарантированных Конституцией прав и свобод человека и гражданина.

Современной формой защиты конституционных прав и свобод граждан посредством конституционного правосудия является конституционная жалоба.

На конституционном уровне определены условия допустимости конституционной жалобы:

- подача жалобы только гражданином;
- объектом конституционного контроля по жалобе является закон, примененный в конкретном судебном деле;
- жалоба подается в связи с имеющимися, по мнению заявителя, конкретными нарушениями его конституционных прав и свобод;
- исчерпание до подачи жалобы в Конституционный Суд всех других средств судебной защиты.

Для восстановления конституционных прав и свобод граждан, нарушенных применением не соответствующего Конституции закона, в слу-

чаях, определенных Законом «О конституционном судопроизводстве», предусматривается пересмотр судебных постановлений по уголовным и по гражданским делам, постановлений по делам об административных правонарушениях, иных правовых актов других государственных органов, иных организаций, должностных лиц.

Соответствующие нормы по пересмотру включены также в Гражданский процессуальный, Уголовно-процессуальный, Хозяйственный процессуальный кодексы, Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях, а также в Закон «Об исполнительном производстве».

Поступающие в Конституционный Суд жалобы граждан изучаются в установленном законом порядке и далее определяется способ их дальнейшего разрешения. В случаях несоответствия конституционных жалоб положениям Закона «О конституционном судопроизводстве» граждане уведомляются о необходимости соблюдения требований закона для рассмотрения конституционных жалоб Конституционным Судом с вынесением решения. Анализ показывает, что многие обращения не относятся к компетенции Конституционного Суда, а подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции или в других государственных органах.

В целях оказания содействия реализации права граждан на доступ к конституционному правосудию и создания максимально благоприятных для этого условий в Конституционном Суде активно внедряются информационно-коммуникационные технологии. Так, граждане, желающие обратиться в Конституционный Суд, могут подать конституционную жалобу в электронной форме посредством создания на официальном сайте Конституционного Суда в глобальной компьютерной сети Интернет личного кабинета и заполнения в нем специальной регистрационной формы с приложением необходимых документов и иных материалов.

Заключение

Обновленная Конституция, приведенные в соответствие с ней законы и иные нормативные правовые акты формируют конституционно-правовую основу для дальнейшего устойчивого и динамичного развития Республики Беларусь демократическим социальным правовым государством, конституционализации права и правоприменительной практики.

Закрепленные в Конституции юрисдикция и полномочия Конституционного Суда отвечают современному этапу государственно-правового строительства, обеспечивают функционирование целостной системы конституционного контроля при оптимальном сочетании различных его форм в целях укрепления государственно-правового механизма обеспечения верховенства Конституции и ее прямого действия, защиты конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина.

Республика Таджикистан

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Д.Х.ЭЛЬНАЗАРОВ

*доктор юридических наук,
член научно-
консультативного Совета
Конституционного Суда
Республики Таджикистан*

Конституционная юстиция в Республике Таджикистан действует около трех десятилетия как государственно-правовой институт, базирующийся на универсальных научно-теоретических принципах и правоприменительной практике и вырабатывающий эксклюзивные положения с учетом местных условий и традиций. В ее задачи входит создание условий главенства и непосредственного функционирования Конституции, обеспечение свобод и прав индивидуума. Анализ работы органов конституционной юстиции в Республике Таджикистан дает основание заключить, что на данный момент конституционная юстиция недостаточно развита.

Приведем краткий перечень проблем: использование органов специализированной юстиции в качестве политического инструмента; затягивание исполнения решений, требующих корректив законодательного регулирования; продолжение применения на практике нормативных правовых актов уже после признания их неконституционными; ненадлежащее выполнение или игнорирование органами государственной власти решений органов конституционной юстиции.

Институт конституционной юстиции в Таджикистане опирается на достаточно обширную нормативную правовую базу. Естественный процесс – формирование в Таджикистане современного демократического правового государства с республиканской формой правления, что в первую очередь предполагает существенное улучшение взаимоотношений между человеком, обществом и государством, а также реформирование системы органов государственной власти.

В настоящее время конституционное правосудие представляет собой один из неотъемлемых элементов современных демократических государств, поскольку конституционный суд – орган государственной власти, осуществляющий судебную защиту прав и свобод человека и гражданина. Конституционный контроль играет важную роль в процессе демократизации общественной жизни и построении правового государства в Таджикистане. В современных демократических зарубежных государствах исследование механизма защиты прав и свобод человека и гражданина не обходится без определения роли конституционных судов как органов, проводящих судебный конституционный контроль.

Произошедшие за последнее время изменения в экономической, политической и социальной сферах Таджикистана требуют не только адекватного осмысления и своевременного правового регулирования, но и научного исследования правовой природы такого феномена, как Конституционный Суд Республики Таджикистан.

Данный подход обуславливает определение причин создания специализированных органов конституционной юстиции, использующих модели судебного конституционного контроля с учетом опыта других современных цивилизованных государств. В соответствии с этими моделями создавались и продолжают формироваться органы конституционной юстиции, способные переосмыслить процесс учреждения органов конституционного контроля, выявить проблемы конституционного контроля своих полномочий, оценить перспективы работы органов конституционного контроля в Таджикистане.

Актуальность исследования также объясняется тем, что необходимо проанализировать особенности организации и деятельности конституционной юстиции как элемента системы органов государственной власти Таджикистана и механизма защиты прав и свобод человека и гражданина, выработать системный подход к их правовому регулированию. Изучение и обобщение законодательства о конституционных судах, а также опыта их функционирования на примере аналогичных органов других государств представляют особый интерес для науки таджикского конституционного права в целях совершенствования института конституционной юстиции.

В связи с этим назрела объективная потребность рассмотреть правовую природу и юридическую основу конституционной юстиции Таджикистана, чтобы определить ее место в системе государственной власти, особенности и порядок формирования, оценить правовое положение органов конституционного контроля, исследовать их полномочия, связанные с обеспечением верховенства норм Конституции Республики Таджикистан в иерархии правовых норм.

Теперь можно остановиться на некоторых аспектах законодательной стабильности Конституционного Суда Республики Таджикистан. Юридической и практической основой становления и развития специализированного органа судебного конституционного контроля в Таджикистане послужило принятие ряда нормативных актов.

В первую очередь это была Декларация о суверенитете Республики Таджикистан от 24 августа 1990 года,¹ в которой провозглашалось разделение властей и верховенство Конституции и законов республики. Следует учитывать, что Декларация была разработана и принята в годы «парада суверенитетов» в советских республиках, поэтому не могла не отразить тенденции к суверенизации. Так, данная Декларация содержала положение о верховенстве Конституции и законов республики перед

¹ Декларация о суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики Российская. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.adlia.tj/index.fwx>. (дата обращения 05.02.2024 г).

нормативными правовыми актами СССР, если они шли вразрез с интересами республики. В литературе того времени высказывалось мнение о том, что в случае противоречия актов СССР интересам Республики Таджикистан Верховный Совет Республики Таджикистан мог приостанавливать действие нормативных правовых актов, противоречащих суверенным правам Таджикистана.

Провозглашение государственной независимости Таджикистана значительно усложнило политическую обстановку в стране и привело к гражданской войне. К сожалению, процесс становления и развития специализированного судебного конституционного надзора в Республике Таджикистан, а с ним и формирование новых властных структур совпали с политическим противостоянием и гражданской войной 1992-1997 годов. В годы межджиджикского конфликта серьезным образом пошатнулись правовые основы жизни общества. В 1990-1994 годы Конституция Таджикской ССР 1978 года фактически не действовала, а новая Конституция еще не была принята. Созванная в ноябре 1992 года 16-я сессия Верховного Совета в г. Ходженте приняла ряд важных документов, которые ускорили политические преобразования. На этой сессии была учреждена Комиссия по разработке проекта новой Конституции Республики Таджикистан.

Отметим, что становлению в Таджикистане специализированного судебного конституционного контроля также способствовала реформа судебной системы. Действовавшая на территории независимого Таджикистана советская судебная система стала подвергаться жесткой критике, и с 1992 года начался процесс коренного преобразования судебной системы и разработки ее новой законодательной базы. В 1993 году в Таджикистане были приняты законы «О судостроительстве», «О статусе судей в Республике Таджикистан», «О Верховном Суде Республики Таджикистан». Однако на том этапе судебная реформа не предусмотрела создания судебного органа в сфере конституционного контроля. Функцию конституционного надзора продолжал выполнять Комитет конституционного надзора республики.

Законом Республики Таджикистан от 20 июля 1994 года № 974 «О конституционной реформе в Республике Таджикистан, о порядке принятия и введения в действие Конституции Республики Таджикистан»² было предусмотрено формирование Конституционного Суда вместо Комитета конституционного надзора.

Таким образом, создание Конституционного Суда в Таджикистане впервые было предусмотрено не в Конституции 1994 года, а в названном Законе. То есть институт Конституционного Суда введен в Таджикистане с 1994 года. Его появление свидетельствовало о реализации концепции разделения властей, осуществлении курса на создание правового государства. Новая форма судебной власти – конституционное правосудие в Таджикистане вызвала изменения в судебной системе и системе судопроизводства страны.

² Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1994. – № 13. – С.194.

Еще одним важным актом для становления специализированного конституционного контроля стала Конституция Республики Таджикистан, принятая на всенародном референдуме 6 ноября 1994 года. Она состоит из 10 глав и 100 статей, предусматривает создание нескольких новых демократических и не известных до того времени таджикскому народу институтов: института разделения властей, института частной собственности, института политического плюрализма и др.

В области конституционного судопроизводства были учреждены два не существовавших до этого в практике государственности Таджикистана института: Конституционный Суд Республики Таджикистан; конституционное судопроизводство.

Конституция Республики Таджикистан создала правовую основу для формирования нового в истории Таджикистана органа судебного конституционного контроля, но этого было недостаточно для отправления его деятельности. Конституция содержала лишь общие положения о составе и полномочиях Конституционного Суда, но не определяла четко его правовую природу, не до конца проясняла правовой статус данного органа, вопросы его функционирования и др.

В связи с этим потребовалось принять специальный закон, и в республике началась разработка проекта Конституционного закона «О Конституционном Суде Республики Таджикистан».

Нормативный правовой акт, сыгравший решающую роль на этапе формирования нового института, – Конституционный закон «О Конституционном Суде Республики Таджикистан»,³ впервые принятый 3 ноября 1995 года. В этом Конституционном законе были скорректированы содержащиеся в проекте положения о правовой природе и статусе Конституционного Суда. Конституционный Суд Республики Таджикистан был назван органом «судебной власти по защите Конституции Республики Таджикистан» (Комитет конституционного надзора считался органом специализированного конституционного надзора).

Новый Конституционный закон обсуждался таджикскими учеными, которые высказали вполне справедливое мнение о том, что Конституционный Суд не входит в систему судов общей юрисдикции, в отличие от которых он учрежден не для разрешения обычных споров, а для решения конституционных вопросов. Конституционному Суду отнюдь не отводится роль органа правосудия, рассматривающего и разрешающего уголовные, административные и гражданские дела.

В современных условиях наибольшее влияние законодательства происходит в рамках межгосударственных объединений. Так, наблюдается сходство конституций и иных основных правовых институтов в странах СНГ. Такое взаимовлияние обусловлено общностью правовой политики и сходностью правовых основ указанных стран.

³ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1995. № 21. – С. 223. Ныне действует в новой редакции: Конституционный закон РТ от 26 июля 2014 г. № 1083 «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2014. – № 7. – С. 380.

Влияние законодательства выражается также в стремлении заимствовать аналогичный иностранный закон. Это происходит в процессе использования услуг зарубежных консультантов, которые прибегают к собственному законодательному опыту, пытаясь при этом привнести принципы, нормы и институты своих законов. На сегодняшний день, также работают официальные каналы воздействия на процесс принятия и применения законов в иностранном государстве.

Помимо этого, в условиях сотрудничества государств, особенно в рамках межгосударственных объединений, возникает потребность в совместном решении общих задач в сфере корректировки, разработки и применения законодательства. Это достигается посредством сближения и гармонизации законодательств разных стран. В ходе гармонизации решаются следующие задачи: выработка общего курса правового развития; осуществление мер по преодолению правовых различий; принятие мер к выработке общих, совместных и единых юридических правил.⁴

Сближение и унификация законодательства преследуют цели: 1) правового обеспечения согласованного развития законодательства; 2) определения общих направлений правовой политики государств, в частности в сфере законодательства; 3) выработки согласованных и совместных, в том числе модельных, законодательных актов; 4) принятия мер к преодолению правовых различий, мешающих гармонизации законодательства; 5) формулирования общих правовых стандартов в сфере разработки и применения гармонизированного законодательства; 6) выработки общей концепции развития национального законодательства в каждой стране.

Сближение законодательства происходит на базе правовой интеграции в рамках разных правовых семей, в частности в рамках межгосударственных объединений. Так, большую роль в правовой интеграции стран СНГ играет Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ, которая, будучи консультативным органом, способствует решению общих правовых вопросов. Межпарламентская Ассамблея 16 сентября 1992 года приняла постановление «Об основных направлениях сближения национального законодательства государств-участников Содружества». В целях устранения противоречий между национальными законодательствами государств-участников было рекомендовано использовать следующие формы работы: рекомендательные (модельные) законодательные акты; взаимный обмен информацией о принятых, а в необходимых случаях – о подготавливаемых законодательных актах; совместное обсуждение законодательных вопросов; рассмотрение вопросов сближения законодательства в координационных институтах Содружества; научные конференции; рекомендации ученых о путях и способах сближения законодательств государств-участников СНГ.

⁴ Мирзоев С.Б. Особенности конституционного нормоконтроля как гарантия нормализации национальных законодательств // Вестник Таджикского национального ун-та. – 2015. – № 3/5 (166). – С. 69-73.

Следует обратить внимание и на совместные усилия государств СНГ, Межпарламентской Ассамблеи и Европейского союза. В рамках их общих и специальных программ предоставляется большая помощь консультативно-методического характера, финансируются научно-практические разработки, организуются международные семинары и конференции.

Большое значение имеют одобренный Межпарламентской Ассамблеей рекомендательный законодательный акт «О нормативных правовых актах государств - участников СНГ»⁵ и постановление Межпарламентской Ассамблеи от 18 мая 1994 года. «О ходе разработки модельного гражданского кодекса для государств - участников СНГ».⁶ Проекты модельных законов подготавливаются также учеными-юристами. Так, в 1992 году специалисты Гарвардского университета разработали «Базовый мировой налоговый кодекс» в рамках международной налоговой программы.

В обеспечении гармонизации законодательства наряду с парламентами и иными властными институтами существенную роль выполняет конституционный суд. Конституционный нормоконтроль сопровождается сравнительным анализом законодательных актов государств, а также международных договоров, заключаемых с участием государства. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ разработал Методические рекомендации по сравнительному анализу законодательства государств - участников СНГ.⁷ Согласно данным Рекомендациям объектами сравнительного исследования являются: конституции государств Содружества; учредительные договоры; международные договоры; законы и другие акты парламентов; законы и другие акты высших органов власти бывшего СССР; нормативные правовые акты президентов и правительств государств - участников СНГ.

Таким образом, сформировались основные законодательные позиции Конституционного Суда в Республике Таджикистан. Следует рассматривать взаимоотношения Конституционного суда и Президента Республики Таджикистан. Одно из центральных мест в системе органов конституционного контроля в Таджикистане занимает Президент. В соответствии со статьей 64 Конституции Республики Таджикистан он в качестве главы государства и исполнительной власти выступает гарантом соблюдения Конституции и законов, прав и свобод человека и гражданина, национальной независимости, единства и территориальной целостности, преемственности и долговечности государства, согласованного функционирования и взаимодействия государственных органов, соблюдения международных договоров Таджикистана.

⁵ Принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 13 мая 1995 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 13 мая 1995 г. № 8. URL: <http://docs.cntd.ru/document/831096>.

⁶ Там же.

⁷ Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М., – 1996. – С. 228.

По мнению Тихомирова Ю.А., Конституция, «определяя своим гарантом Президента, характеризует политическую роль этого института как охраняющего всю государственную систему».⁸ Данная норма Конституции многоаспектна. Это выражается в том, что Президент Республики Таджикистан обеспечивает строгое соблюдение Конституции всеми органами государственной власти и местного самоуправления, организациями, гражданами и их объединениями.

Для этого Конституция предусматривает ряд процедур и механизмов, правом на применение которых наделен Президент. Во-первых, в соответствии со статьей 62 Конституции он налагает вето на законы, не соответствующие Конституции.⁹ Во-вторых, согласно статье 69 Конституции отменяет или приостанавливает действие актов органов исполнительной власти в случае их противоречия Конституции и законам. В-третьих, выполнять функцию гаранта Конституции Президент может не только лично, но и путем обращения в компетентные органы, прежде всего суды.

Так, в соответствии со статьей 40 Конституционного закона «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» Президент имеет право на обращение в Конституционный Суд по вопросам о соответствии Конституции изменений и дополнений, вносимых в нее, проектов законов и по другим вопросам, представляемым на всенародный референдум; о соответствии Конституции законов, совместных нормативных правовых актов Маджлиси Милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли, нормативных правовых актов этих органов, Президента, Правительства, не вступивших в законную силу международных договоров Таджикистана, руководящих разъяснений пленумов Верховного Суда и Высшего экономического суда. Как показывают результаты исследования, право Президента на обращение в Конституционный Суд по вопросу соответствия Конституции внутригосударственных нормативных правовых актов и международных договоров не реализовывалось.

Другая немаловажная форма конституционного контроля со стороны Президента – его ежегодные послания Маджлиси Оли Парламенту

⁸ Конституционное законодательство России / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., – 1999. – С. 129.

⁹ Например, впервые Президент Таджикистана Э.Ш. Рахмонов отклонил и отправил на доработку три закона, принятые таджикским парламентом в 2006 году. Это законы «Об ипотеке», «Об изменениях и дополнениях в Налоговый кодекс Республики Таджикистан» и «О залоге недвижимости». Напомним, что Закон РТ «Об ипотеке» был принят депутатами в ходе очередного заседания Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли 12 декабря 2006 года. Тогда председатель Партии Исламского возрождения Таджикистана депутат М.Т. Кабири подчеркнул, что принятие данного Закона преждевременно и таджикское общество пока не готово к нему. Он также предложил исключить из текста законопроекта главу IX, в которой была прописана норма о залоге земли, высказав свои сомнения по поводу того, что при подготовке проекта учитывалось мнение дехкан (крестьян). Его поддержал депутат М.К. Ходжиев, который указал, что земля является исключительной собственностью государства и «ставить ее в залог – значит действовать вопреки логике и Конституции».

республики. В них определяются основные направления действий по реализации конституционных положений, вектор развития правовых реформ и приведения всего массива законодательства в соответствие с Конституцией. Следует отметить, что в посланиях Президента вопросы о соответствии Конституции законов и других нормативных правовых актов не отражались.

Таким образом, специфика президентского контроля определяется конституционным статусом Президента как главы государства. У президентского контроля правовой спектр контрольных полномочий широк. Они распространяются на всю исполнительную государственную вертикаль власти, систему управления государством. Объектами президентского контроля выступают все государственные органы исполнительной власти.¹⁰

Руководствуясь данными проведенного научного анализа, можно сделать вывод о том, что основная функция конституционной юстиции в Таджикистане – конституционный судебный контроль в разных формах. Он представляет собой деятельность специально на то уполномоченных государственных органов, осуществляющих судебную власть, обеспечивающих верховенство Конституции, предупреждение принятия неконституционных нормативных актов, выявление неконституционных законов, иных нормативных правовых актов или действий и, в случае необходимости, применение толкования конституции и законов.

Контроль, таким образом, выражается в проверке и оценке конституционности законов, иных нормативных актов, договоров, которые утрачивают силу в случае признания их не соответствующими Конституции РТ, что является важным аспектом и видом деятельности Конституционного Суда. Однако конституционный судебный контроль выражается и в разрешении споров о компетенции, и в толковании Конституции Республики Таджикистан, что служит средством правовой защиты самой Конституции от неверного понимания и применения и в итоге – средством защиты конституционных прав и свобод граждан.

Следует сделать вывод о том, что деятельность государственных органов, должностных лиц, общественных организаций и граждан, а также нормативные акты должны четко соответствовать Конституции. Без этого невозможно формировать правовое государство. Добиться же такого положения можно лишь при наличии эффективной системы конституционного контроля, обеспечивающей точное, последовательное проведение в жизнь норм Конституции, усиливающей ее роль как Основного закона страны и выступающей в качестве главнейшего гаранта защиты конституционных прав и свобод граждан. От ее эффективности в конечном счете зависит деятельность в области контроля за законностью в целом.

¹⁰ Едалов Е.В. Правовой статус Президента Российской Федерации как гаранта Конституции России в сфере федерального вмешательства // Бизнес в законе. – 2009. № 3. – С. 23.

Список литературы.

1. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1994. – № 13. – Ст.194.
2. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1995. – № 21. – Ст. 223.
Ныне действует в новой редакции: Конституционный закон РТ от 26 июля 2014 г. № 1083 «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2014. – № 7. – Ст. 380.
3. Едалов Е.В. Правовой статус президента Российской Федерации как гаранта Конституции России в сфере федерального вмешательства // Бизнес в законе. – 2009. № 3.
4. Конституционное законодательство России / под ред. Ю.А. Тихомирова. – М., 1999.
5. Мирзоев С.Б. Особенности конституционного нормоконтроля как гаранта нормализации национальных законодательств // Вестник Таджикского национального ун-та. – 2015. № 3/5 (166). – С.69-73.
6. Принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 13 мая 1995 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 13 мая 1995 г. № 8. URL: <http://docs.cntd.ru/document/831096>.
7. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. – М., 1996.

 Российская Федерация

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ИНСТИТУТА ОСОБОГО МНЕНИЯ СУДЬИ. ON THE LEGAL NATURE OF A JUDGES' DISSENTING OPINION

ББК: 67.71, 67.400.1

УДК: 342.565.2

П.Ю. УЛТУРГАШЕВ

заместитель начальника Управления
международных связей и обобщения
практики конституционного контроля
Секретариата Конституционного Суда
Российской Федерации
e-mail: p.ulturgashev@mail.ru

Аннотация: Статья анализирует распространенные точки зрения на правовую природу особого мнения судьи и, в частности, особого мнения судьи конституционного суда. Делается вывод о том, что восприятие особого мнения как индивидуальной правовой позиции, субъективного права судьи или частного случая свободы его выражения не исчерпывает характеристики особого мнения судьи как процессуального института. Рассматриваются основные характеристики такого института, на основании чего делается вывод о его гарантийной природе по отношению к весьма узкому аспекту независимости судьи: его независимости от других членов коллегии. Отмечается, что особое

мнение судьи в меньшей степени чем основное решение суда или поведение судьи вне зала заседаний, требует соблюдения осмотрительности при его формулировании, что в отдельных случаях, как отмечают исследователи, открывает возможности «стратегического поведения» судьи. Также подчеркивается факультативный характер института.

Ключевые слова: особое мнение, конституционные суды, независимость судьи, гарантия независимости, коллегиальное рассмотрение дела.

Abstract: The article analyses different views with regard to the nature of a judges dissenting opinion, particularly dissenting opinion of a constitutional court judge. It is argued that understanding of dissenting opinion as individual legal position, subjective right of a judge or specific case of his or her freedom of expression do not exhaust characteristics of dissenting opinion as procedural institute. Main characteristics of dissenting opinion are discussed, leading to a conclusion that it should be understood as a guarantee with regard to a very narrow aspect of judicial independence, i.e. the independence from other members of the panel. It is noted that dissenting opinion can be voiced in a less careful manner than the main judicial decision and requires less prudence than his or her behavior outside the courtroom, leading in some cases to possible «strategic behavior» of judges, as scholars point out. Optional character of the phenomena is also underlined.

Key words: Dissenting opinion, constitutional courts, judicial independence, guarantee of independence, collegial consideration of cases.

Исследователи, изучавшие проблематику института особых мнений судей, нередко концентрировались на исторических аспектах,¹ целях его существования,² положительных или отрицательных сторонах.³ Вместе с тем лишь сравнительно небольшое число работ посвящено правовой природе феномена особого мнения судьи, т.е. определению его места в правовой системе.

В этом отношении можно выделить несколько подходов. Наиболее распространена, по-видимому, позиция об особом мнении судьи как индивидуальной правовой позиции.⁴ Можно согласиться с тем, что особое мнение судьи представляет собой юридически обоснованный вариант разрешения той или иной правовой ситуации или оценки актов и действий в коллизионной ситуации, что в принципе соответствует относительно расплывчатому определению правовой позиции, которое существует в теории права.⁵ Однако более детальное рассмотрение показывает, что эта характеристика не является вполне точной. Рассмотрение особого мнения судьи в качестве индивидуальной правовой позиции, как представляется, могло бы быть правомерно (с определенными ограничениями) для особого мнения судьи в узком смысле, то есть в случае заявления особого мнения в форме отдельного документа, в котором в силу законодательного регулирования возможно отражение позиции судьи по

¹ См.: Henderson M.T. From seriatim to consensus and back again // Public law and Legal Theory Working paper No. 186. – 2007 (rev. 2008); Гаджиев Г.А. Публикация особого мнения судьи, или история нормы, которая является камертоном судебной реформы в России // Законодательство и практика масс-медиа. 2005. № 12. – С. 27.

² Кокотова М. А. Цели существования особых мнений в Конституционном Суде РФ и Верховном Суде США // Российский юридический журнал. 2019. № 4. – С. 23-28.

³ Верещагин А.Н. Особые мнения в российских судах // Государство и право. -2008. - № 2. – С. 13; Mészáros L. Obsahové a formálne právne poňatie votum separatum a jeho úloha pri zjednocovaní judikatúry ústavného súdu // Zjednocovanie a vývoj judikatúry ústavných súdov ; zborník konferencie, 25. -27. októbra [2000] Levoča. Košice : Ústavný súd Slovenskej republiky, 2000. – P. 115-116.; Rupp H.-G. Zur Frage der Dissenting Opinion // Die modern demokratie und ihr Recht. FS für Gerhard Leibholz. Vol. II. Tübingen: Mohr, 1966, и др.

⁴ Басангов Д.А. Юридическая природа особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. № 2. – С. 26; Басангов Д.А. Доктринальное конституционное толкование в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. дисс. канд. ю. н. 12.00.02. М., 2004. – С. 88-114; Гринева А.В. Понятие и виды судебных правовых позиций (вопросы теории). дисс. канд. ю. н. – М. 2008 – С. 59 и далее; Новопавловская Е.Е., Переверзев Е.А. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы правовой регламентации и практика применения // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. – С. 107; Крапивкина О.А. Природа института особого мнения судьи в различных правовых системах // Вестник ИрГТУ. № 2 (97). 2015. – С. 272; Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: правовые позиции судебных органов: монография. М.: РГУП, 2017. – С. 31.

⁵ См. напр.: Николаев Е.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: определение, юридическая природа, имплементация в правовую систему // Право и политика. 2002. № 3. – С. 17; Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. М.: Изд-во Ин-та права и публичной политики. 1999. № 3 (28). – С. 95. Гринева А.В. Понятие и виды судебных правовых позиций (вопросы теории) дисс. канд. ю. н. 12.00.01. М. 2008. – С. 29-30.

вопросу, разрешенному в основном постановлении. Указанный подход, таким образом, не охватывает ни специальные формы особого мнения (такие как отметка в протоколе) – поскольку они не обязательно предполагают формулирование точных оснований альтернативной позиции, ни так называемые совпадающие мнения (в российском законодательстве – «мнения»). Последние представляют собой не столько вариант *разрешения* правовой ситуации, сколько вариант *обоснования* для того или иного разрешения ситуации. Кроме того, потенциально мнения судей могут не содержать и обоснования разрешения ситуации, обогащая принятое решение сведениями о контексте, в котором принято то или иное постановление – т. е. выполнять, как сформулировал Клеандров М.И., функцию расширения объема содержательной информации по делу.⁶

При этом особое мнение судьи отличается от актов неофициального толкования (в том числе доктринального, изложенного в научных статьях). Хотя отсутствие непосредственных правовых последствий при высоком уровне теоретической проработки сближает эти явления, особые мнения (в том случае, если они разрешены) всегда имеют определенную процессуальную форму, что предполагает порядок заявления и приобщение к материалам дела (даже при отсутствии возможности сторон знакомиться с их содержанием). В результате особое мнение и мнение судьи могут, не имея обязательной силы, иметь правовые последствия при рассмотрении дела в суде вышестоящей инстанции, а применительно к органам конституционной юстиции не исключаются более отдаленные во времени последствия, например, изменение законодательства или подходов самого суда.

В отличие от индивидуальных правовых позиций, которыми разрешаются конкретные дела, особое мнение не является обязательным для сторон или иных лиц и непосредственно не порождает правовых последствий. Отсутствие непосредственных правовых последствий особого (совпадающего) мнения судьи является его важной чертой в высших судах, решения которых не подлежат обжалованию и принимаются коллегиально, что справедливо не только для России.⁷ Данная черта на практике признается и за особыми мнениями судей ординарных судов,⁸ хотя в литературе встречается тезис о необходимости обязательного учета особого мнения вышестоящим судом.⁹

⁶ См.: Клеандров М.И. Институт особого мнения судьи: Каковы его значение и основные функции? // Российское правосудие. № 9. 2019. – С. 19.

⁷ См. напр.: Trocsanyi L., Horvath A. La pratique des opinions dissidentes en Hongrie – Les opinions individuelles en Hongrie : une institution // Cahiers du Conseil constitutionnel N° 8 (Dossier : Débat sur les opinions dissidentes). Juillet 2000; Lynch A. The Impact of Dissenting opinions upon the development of Australian Constitutional Law – Doctor Philosophy thesis, Un. Of New South Wales, 2005. – P. 296.

⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 года № 174-О-О.

⁹ См.: Клеандров М.И. Институт особого мнения судьи: Каковы его значение и основные функции? // Российское правосудие. № 9. 2019. – С. 22-23; Быков В.М., Манова Н.С. О праве судьи на особое мнение: продолжение темы // Российский судья, 2016, № 3.

Неоднозначность характеристики особого мнения как *индивидуальной* правовой позиции подчеркивается ещё и достаточно распространенной возможностью заявления коллективных особых мнений либо присоединения судей к разделяемым ими особым мнениям коллег. Несмотря на распространенную позицию о строго индивидуальном характере особого мнения судьи,¹⁰ практика опровергает этот подход: заявление особых мнений коллегиально или присоединение к особому мнению (мнению), заявленному другим судьей, имело место как в Конституционном Суде Российской Федерации,¹¹ так и в зарубежных или межгосударственных судах, в том числе и в ситуации, когда отсутствует нормативное закрепление такой формы коллективного несогласия. Регламенты ряда конституционных судов (например, Хорватии, Латвии, Сербии) прямо разрешают заявление коллективных особых мнений судей,¹² а британский вариант судебного решения развился из сборника индивидуальных мнений, и ныне (видимо, в качестве варианта процессуальной экономии) встречается вариант, когда указан автор решения, а также отмечено, что с ним согласны другие члены коллегии (поименно).¹³ Для Европейского Суда по правам человека обычной практикой является заявление как коллективного особого мнения,¹⁴ так и индивидуального мнения, к которому присоединяется другой судья.¹⁵

¹⁰ Дриго Е.В. Институт особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации: регулирование и практика применения // Сравнительное конституционное обозрение. № 3 (112) 2016. – С. 86-90; Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный). М.: Частное право, 2006. – С. 146.

¹¹ См. напр.: Совместное особое мнение Г.А. Гаджиева и Ю.Д. Рудкина в отношении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 марта 2010 года № 6-П; совместное особое мнение Г.А. Гаджиева и К.В. Арановского в отношении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2013 года № 353-О.

¹² См. напр.: Статьи 50-52 Регламента Конституционного Суда Хорватии (текст на английском языке размещен на официальном сайте суда, URL: https://www.usud.hr/sites/default/files/dokumenti/Editorially_revised_and_consolidated_text_of_the_Rules_of_Procedure_of_the_Constitutional_Court_of_the_Republic_of_Croatia.pdf, дата обращения: 10.03.2022); статья 144 регламента Конституционного суда Латвии (текст на английском языке размещен на официальном сайте суда, URL: <https://lrkt.lt/en/about-the-court/legal-information/the-rules-of-the-constitutional-court/1973>, дата обращения: 10.03.2022); статья 60 Регламента Конституционного суда Сербии (текст на английском языке размещен на официальном сайте суда, URL: <http://www.ustavni.sud.rs/page/view/en-GB/238-101921/rules-of-procedure>, дата обращения: 10.03.2022).

¹³ См. напр.: решение от 2 февраля 2022 года по делу «Офис публичного обвинителя Афинского апелляционного суда против О'Коннора (Северная Ирландия)», URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2018-0129-judgment.pdf>. (дата обращения: 10.03.2022). В начале решения указано: «Лорд Стивенс (с которым согласны лорд Рид, лорд Гамблен, лорд Геггатт и лорд Берроуз)».

¹⁴ См. напр.: совместное совпадающее мнение судей П.Лемменса и М.Элосеги к постановлению от 12 октября 2021 года по делу «Бойченко против России» (Boychenko v. Russia, жалоба № 8663/08), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-212129> (дата обращения: 10.03.2022).

¹⁵ См. напр.: частично не совпадающее мнение судьи А.Зайберт-Фор, к которому присоединился судья Зюнд, к постановлению от 12 октября 2021 года по делу

Стало быть, индивидуальность позиции тоже не является обязательным сущностным признаком особого мнения или мнения судьи, рассматриваемым как форма реализации возможности заявить особое мнение.

Таким образом, правовая природа особого мнения судьи не исчерпывается его характеристикой как индивидуальной правовой позиции.

Другой встречающийся в литературе подход – это рассмотрение особого мнения судьи как его субъективного права.¹⁶ Возможность судьи заявить особое мнение вполне соответствует принятому в теории права определению субъективного права как меры дозволенного поведения.¹⁷ Такая точка зрения поддерживается Венецианской комиссией, не рекомендуемой закрепить обязанности заявить особое мнение при несогласии судьи.¹⁸ Отмечается, однако, что комиссия приняла во внимание позицию К. Келемен, согласно которой право судьи заявлять или не заявлять особое мнение потенциально открывает возможности «стратегического поведения»¹⁹ – т. е. не исключается злоупотребление этим правом.

Некоторые исследователи, однако высказывали позицию о том, что заявление особого мнения (при наличии такой возможности) должно считаться моральной обязанностью судьи²⁰. Имеются примеры, когда подобный подход воспроизведен на нормативном уровне. Так, согласно статье 50 Регламента Конституционного Суда Хорватии в случае, если судья при обсуждении заявляет о своем особом мнении и устно объясняет свою позицию (можно предположить, что в рамках коллегиального обсуждения несогласие судьи подразумевает определенные пояснения), он обязан разъяснить ее в письменном виде. Уголовно-процессуальный кодекс Испании 2016 года предписывает судье докладчику подготовить особое мнение в том случае, если при обсуждении он заявил свою позицию и остался в меньшинстве.²¹

«Хабиров против России» (Khabirov v. Russia, жалоба № 69450/10). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-212131> (дата обращения: 10.03.2022).

¹⁶ См.: Светличный А.Д. Особое мнение судьи на постановление, которым дело не разрешается по существу // Администратор суда. № 3 (2018) – С. 41; Кононов А.Л. Право на особое мнение // Закон. 2006. № 11 – С. 43-46.

¹⁷ См. напр.: Сырых В.М. Проблемы теории государства и права: Учебник. М.: Эксмо, 2008. – С. 432; Марченко М.Н. Проблемы теории права и государства: Учебник. М., 2001 – С. 641-643.

¹⁸ См.: Report on Separate Opinions of Constitutional Courts: Adopted by the Venice Commission at its 117th Plenary Session (Venice 14-15 December 2018). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2018\)030-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2018)030-e) (дата обращения: 10.03.2022). Р. 61 (далее – Заключение Венецианской комиссии № 932/2018).

¹⁹ Kelemen K., Dissenting opinions in Constitutional Courts // German Law Journal Vol. 14 No. 08, 2013 – p. 1364.

²⁰ См.: Carter J. W., Dissenting opinions // 4 Hastings L. J. 118 (1953) – P. 118; Выступление К. Симачковой «Особые мнения в конституционных судах: способ защиты судебной независимости и легитимации решений», 15 апреля 2021 года // конференция «Верховенство права в Европе – видение и вызовы», URL: https://echr.coe.int/Documents/Intervention_20210415_Simackova_Rule_of_Law_ENG.pdf – P. 4 (сноска 10).

²¹ См.: Real Decreto de 14 de septiembre de 1882 por el que se aprueba la Ley de Enjuiciamiento Criminal // GAZ núm. 260, de 17/09/1882. URL: <https://www.boe.es/eli/>

В рамках обсуждения особого мнения судьи как его субъективного права высказывалась позиция о том, что заявление особого мнения может являться своеобразной формой реализации права на свободу выражения.²² Представляется, однако, что этот подход может вызвать определенные сложности, поскольку для судей свобода выражения весьма специфична, учитывая должностные ограничения, и в том числе принцип тайны совещательной комнаты. Свобода выражения мнения судей, как отмечается в литературе, охватывает публичные высказывания и выступления судьи вне сферы его профессиональной деятельности, т. е. вне непосредственного осуществления правосудия,²³ в то время как заявление особого мнения осуществляется именно в ходе реализации судейских полномочий.

Такой подход подтверждается и практикой, прежде всего решениями Европейского Суда по правам человека, по обращениям судей, подвергнутых дисциплинарным взысканиям за такие высказывания. Так, в известном постановлении от 26 февраля 2009 года по жалобе № 29492/05 «Кудешкина против России» подчеркнуто, что судьи пользуются правом на свободу выражения мнений, хотя «служащие имеют определенные обязательства перед работодателем, такие как лояльность, сдержанность в высказываниях и осторожность». Тем самым ЕСПЧ также принимает во внимание разницу между «служебным» и «публичным» осуществлением предполагаемой свободы выражения, применяя во втором случае защитные механизмы Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Применительно к государственным служащим правомерность требования о «лояльности» была подтверждена и на национальном уровне: так, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 30 июня 2011 года № 14-П признал, что публичное выражение государственными служащими критики в адрес государственных органов может негативно сказаться на осуществлении органами государственной власти своих полномочий, хотя и отметил, что негативный эффект может стать следствием демонстративной публичной похвалы в адрес государственных органов со стороны их сотрудников. Однако требование лояльности для государственных служащих, конечно, не может распространяться на особые мнения судей, поскольку последние представляют собой проявление независимости судьи в составе коллегии и способ реализации (преодоления) судейского усмотрения. Вместе с тем поддержание высокого статуса судьи предполагает определенные самоограничения, в том числе и при критических высказываниях в адрес коллег.

es/rd/1882/09/14/(1)/con (дата обращения: 10.03.2022). Перевод на английский язык: Criminal Procedure Act, Madrid, 2016 (URL: <https://www.mjusticia.gob.es/es/AreaTematica/DocumentacionPublicaciones/Documents/Criminal%20Procedure%20Act%202016.pdf>, дата обращения: 10.03.2022).

²² Kelemen K. Dissenting opinions in Constitutional Courts // German Law Journal Vol. 14 No. 08, 2013. – P. 1360.

²³ См. напр.: Нешатаева Т.Н. Модернизация статуса судьи: современные международные подходы. М., Норма : ИНФРА-М, 2011. – С. 328-333.

Особое мнение, таким образом, может освобождать судью от ограничений, связанных с публичным выражением своей позиции, но теоретически открывает достаточный простор для действий, вызывающих сомнение с точки зрения поддержания принципа беспристрастности суда, например, в случае рассмотрения судом дела или темы, ранее поднятой или освещенной в одном из особых мнений. С законодательной точки зрения может быть целесообразным в этом отношении оговорить, что заявление судьей особого мнения не предreshает его позиции в дальнейшем и не влияет на его беспристрастность, либо, напротив, исключить участие судьи в рассмотрении дела, в отношении которого ранее была заявлена его позиция.

Первый подход в определенном смысле реализован в регулировании процедуры Федерального Конституционного Суда Германии (отмечено, что академические труды и предыдущее участие в законодательной деятельности не являются препятствием для участия судьи в рассмотрении дела). Другой подход был *ad hoc* применен в Конституционном Суде Российской Федерации: по словам Г.А. Гаджиева, ему было предложено не участвовать в рассмотрении дела, посвященного вопросу, по которому он ранее высказался в своем мнении.²⁴ В пользу второго подхода, в частности, свидетельствует практика ЕСПЧ: в деле «Шварк и Кавник против Словении» (*Švarc and Kavnik V. Slovenia*, жалоба № 75617/01) обоснованность опасения заявителей в нарушении беспристрастности была подтверждена, поскольку в рассмотрении их конституционной жалобы принял участие судья, который до своего назначения подготовил экспертную позицию по просьбе оппонента заявителей в суде общей юрисдикции. От такой экспертной позиции особое мнение судьи, конечно, отличается, однако приходится признать, что буквальное строгое следование принципу беспристрастности может быть применимо и к ранее высказанным судьями особым мнениям. Радикально устранить подобные сомнения можно, видимо, и отказом от закрепления института особого мнения. Во всяком случае, содержание права на свободу выражения мнения относится к публичному высказыванию, а не к реализации судебной функции непосредственно и поэтому не включает в себя особые мнения судей.

Итак, названные позиции по тем или иным причинам не вполне отвечают, как видится, на вопрос о правовой природе института особого мнения судьи. Альтернативным взглядом могло бы стать рассмотрение феномена особых мнений в контексте права судьи на возражение при рассмотрении дела в составе коллегии, т.е. как элемент его правового статуса, в частности как дополнительной (факультативной) гарантии независимости судьи по отношению к другим членам судебной коллегии.

²⁴ См.: Гадис Гаджиев: Адвокаты придают судьям легитимность: интервью // Адвокатская газета (сайт органа Федеральной палаты адвокатов). URL: <https://www.advgazeta.ru/intervyu/gadis-gadzhiev-advokaty-pridayut-sudyam-legitimnost/> (дата обращения: 20.04.2022).

Во-первых, сущностным элементом особого мнения судьи (судей) является несогласие с позицией большинства судей. При этом конкретный вид особого мнения (особое или совпадающее мнение) не имеет значения, поскольку при заявлении совпадающего мнения судья высказывает возражения против мотивировки принятого решения либо заявляет аргументы, которые не были учтены или отражены в основном тексте решения. Подобной точки зрения, по-видимому, придерживался Витрук Н.В., предложивший в наиболее широком смысле определить особое мнение судьи как официально выраженное судьей мнение, не совпадающее с позицией большинства в части постановляющих выводов решения или их обоснования.²⁵

Во-вторых, возможность судьи не согласиться с другими членами коллегии является неотъемлемой частью его статуса, неизбежно, как представляется, проявляющейся при обсуждении проекта того или иного решения. В противном случае сама коллегиальная форма рассмотрения дела оказалась бы лишена смысла. Между тем коллегиальность применяется для обеспечения справедливости суда, всестороннего изучения дела, предотвращения судебной ошибки и ассоциируется с рассмотрением наиболее сложных дел, в том числе в рамках конституционного судопроизводства.²⁶

Этот аспект судейской независимости является относительно новым предметом исследования; в литературе отмечается, что он получил широкое распространение в различных аналитических рекомендательных документах с начала 2000-х годов.²⁷ Он сравнительно кратко был рассмотрен, например, в докладе Венецианской комиссии о независимости судебной системы: указано, в частности, что принцип внутренней независимости суда означает, что независимость каждого конкретного судьи несовместима с подчинением судей в деятельности по принятию решений.²⁸ Распространение этого принципа, в первую очередь, на

²⁵ См.: Витрук Н.В., Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. – С. 436.

²⁶ См. напр.: Cross F.B., Tiller E.H. Understanding Collegiality On The Court // Journal of Constitutional Law. Vol. 10:2, January, 2008. – P. 257-271; Копарушкина О.В. Коллегиальное рассмотрение некоторых категорий дел в арбитражном суде первой инстанции // Арбитражный и гражданский процесс, 2013, N 11 – С. 21-26; Алиэксеров М.А. Коллегиальное и единоличное рассмотрение гражданских дел в судах второй инстанции // Арбитражный и гражданский процесс, 2008, N 9; Абдувалиев А.Ф. Проблемы единоличного и коллегиального рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции // Право и политика, 2008, N 5; Райкова Н.С. Вопросы реализации принципов осуществления правосудия в конституционном судопроизводстве // Государственная власть и местное самоуправление, 2009, N 2; Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г.А. Гаджиева. М. Норма, Инфра-М, 2012 – С. 98.

²⁷ См.: Sillen J. The concept of «internal judicial independence» in the case law of the European Court of Human Rights // European Const. Law rev. 15:104-133, – 2019.

²⁸ См.: Report on the Independence of the Judicial System. Part I: Independence of Judges. Adopted by the Venice Commission at its 82nd Plenary Session (Venice, 12-13 March 2010); URL: <https://rm.coe.int/1680700a63> (дата обращения: 10.03.2022).

ситуацию неправомерного влияния на судью со стороны лица, обладающего полномочиями или властью (например, председателя суда),²⁹ лишь подчеркивает принципиальную важность независимости судьи также и от членов коллегии при рассмотрении дела.

В самом деле, трудно поверить, что коллегия из более чем трех судей, каждый из которых является признанным авторитетом в области права и имеет свои устойчивые убеждения, всегда будет приходить к единогласному решению. Единогласие же, по словам Томаса Джефферсона, может привести к ситуации, когда решение принимается «при молчаливом согласии ленивых или робких судей ловким председателем, который формулирует закон исходя лишь из своих соображений, на основе своих же аргументов». Как справедливо отметил Витрук Н.В., «вряд ли можно достигнуть хотя бы внешнего «единомыслия» по таким острым в политическом отношении вопросам, как реституция частной собственности, запрет коммунистических партий и т. п. в постсоветский период, о чем свидетельствует и практика Конституционного Суда РСФСР на первом этапе его деятельности в 1991–1993 гг.».³⁰

Отмечается, что предлагаемый подход соотносится с встречающейся в литературе позицией о возможности рассматривать особое мнение как одну из гарантий независимости судьи.³¹ Аналогичная оценка встречается и в практике. Так, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 года № 174-О-О указано, что по смыслу уголовно-процессуального закона право судьи на особое мнение выступает процессуальной гарантией принципа его независимости, закрепленного в статье 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации. Несмотря на значимые отличия особых мнений судей в конституционном судопроизводстве, обусловленные в том числе характером вопросов, подлежащих рассмотрению, коллегиальностью как распространенным принципом конституционного судопроизводства, а

²⁹ См.: Sillen J., указ. соч., Р.113.

³⁰ См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. – С. 436.

³¹ Rafaelli R. Dissenting opinions in the Supreme Courts of the Member States: Study, European Union – 2012; Дриго Е.В. Институт особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации: регулирование и практика применения // Сравнительное конституционное обозрение. № 3 (112). 2016; Сейдалиева Ж.К. Правовое суждение меньшинства при коллегиальном принятии решения судом: вопросы и перспективы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34935913&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения: 10.03.2022); Матусевич А.Н. Особое мнение судьи в странах с романо-германской правовой системой, науч. рук. Т.М. Пехота // Национальная экономика Республики Беларусь: проблемы и перспективы развития: материалы XI Международной научно-практической конференции студентов, Минск, 6-13 апреля 2018 года; М-во образования Респ. Беларусь, Белорусский гос. экон. ун-т. Минск: БГЭУ, 2018; Фролов И.С. Особое мнение судьи как одна из гарантий независимости судей и их равенства при постановлении приговора: проблемы и перспективы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osoboe-mnenie-sudi-kak-odna-iz-garantiy-nezavisimosti-sudey-i-ih-ravenstva-pri-postanovlenii-prigovora-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 10.03.2022).

также отсутствием вышестоящего суда по отношению к конституционному суду, аспект поддержания независимости судьи в составе коллегии путем возможности заявить особое мнение представляется аналогичным в общих и конституционных судах.

В-третьих, существенным признаком феномена особого мнения является его факультативность. Хотя немало государств отказались от закрепления возможности судьи заявить особое мнение, маловероятно, чтобы в государствах, отказавшихся от особых мнений в судах общей и конституционной юрисдикции, коллегия судей во всех случаях без обсуждения придерживалась единой позиции или по умолчанию предполагалось несоблюдение принципа независимости суда. Следовательно, возможность заявить особое мнение не стоит, по-видимому, рассматривать как самостоятельную гарантию независимости судьи или суда. Свободное усмотрение государств в вопросе о закреплении института особого мнения подчеркивает и Венецианская комиссия.³²

Такого же рода факультативность была отмечена ранее применительно к возможности (а не обязанности) несогласного судьи заявить особое мнение. Это справедливо и в отношении фиксации особого мнения судьи (которое может принимать вид самостоятельного документа, а может, например, лишь фиксироваться в протоколе совещания). Интересно, что факультативный характер особого мнения судьи сопутствует этому явлению вне зависимости от того, с какой точки зрения рассматривается это явление: например, Витрук Н.В. предполагал, что заявление судьей особого мнения является факультативной «подстадий» стадии принятия решения Конституционного Суда, его опубликования и вступления в силу.³³

Факультативный характер рассматриваемого института подтверждается и тем, что его отсутствие (или даже запрет) в зарубежных правовых системах не сопровождается установлением специальных (замещающих по характеру) гарантий. Обсуждение в совещательной комнате естественным образом предоставляет достаточно возможностей для выражения несогласия, в том числе и при наличии строгого запрета на разглашение тайны совещания. Необходимости закреплять специальное право выразить особое мнение в таком случае не возникает. Следовательно, теоретически возможно закрепление или изъятие этого института в той или иной правовой системе без существенных последствий с точки зрения противоречивости регулирования.

Изложенное позволяет уточнить ранее выдвинутые предположения о правовой природе особого мнения судьи.

Так, особое мнение судьи может рассматриваться как индивидуальная правовая позиция лишь постольку, поскольку такая позиция судьи

³² См.: Заключение Венецианской комиссии № 932/2018. Р. 60. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2018\)030_rev-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2018)030_rev-e) (дата обращения: 10.03.2022).

³³ См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. – С. 345, 436.

может быть отражена в его особом мнении (т.е. в *конкретном документе*). Точка зрения, согласно которой возможность заявить особое мнение является *субъективным правом* судьи (и, соответственно, особое мнение представляет собой *форму реализации* этого права), представляется заслуживающей внимания постольку, поскольку заявление особого мнения в общем случае не является для судьи обязательным (хотя в литературе высказаны другие точки зрения). Синтезируя эти точки зрения, представляется наиболее корректным определять юридическую природу института особого мнения судьи как *факультативную гарантию независимости судьи, участвующего в коллегиальном рассмотрении дела, от своих коллег*.

Рассматриваемый институт является производным от общеправового принципа независимости судьи, однако затрагивает достаточно специфический ее аспект – индивидуальную независимость судьи, участвующего в коллегии. При этом различные виды особого мнения (включая т. н. совпадающие мнения) объединяет их существо – выражение несогласия с мнением большинства. В то же время следует признать, что выражение такого несогласия в ходе совещания по делу (при обсуждении итогового решения) является неотъемлемым правом судьи вне зависимости от закрепления в законодательстве института особого мнения.

Хотя особое мнение судьи непосредственно не порождает каких-либо правовых последствий, в общих судах оно имеет достаточно определенную функцию – оказать то или иное влияние на рассмотрение дела в вышестоящей инстанции. В отличие от этого в органах конституционной юстиции, высших судах или судах, где отсутствует вышестоящая инстанция, особое мнение обращено к публике, будущим поколениям судей или будущему составу этого суда, при этом затруднительно предвидеть или предсказать отдаленные последствия заявления особого мнения в этом случае. В этом случае в полной мере реализуется потенциал особого мнения как процессуально зафиксированного способа преодоления пределов судейского усмотрения.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что закрепление института особого мнения судьи в той или иной правовой системе является факультативным. Отсутствие этого института в общем случае не дает оснований для выработки каких-либо «компенсирующих» механизмов, дополнительно гарантирующих независимость судьи в составе коллегии. Эта независимость в любом случае проявляется в ситуациях, недоступных стороннему наблюдателю, т. е. при обсуждении дела в совещательной комнате.

Список литературы:

1. Абдувалиев А.Ф. Проблемы единоличного и коллегиального рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции // Право и политика. – 2008. – № 5.
2. Алиэксеров М.А. Коллегиальное и единоличное рассмотрение гражданских дел в судах второй инстанции // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 9. – С. 33-36.

3. Басангов Д.А. Доктринальное конституционное толкование в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Дисс. канд. ю. н. 12.00.02. М., 2004. – 161 с.
4. Басангов Д.А. Юридическая природа особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2006. – № 2. – С. 24-34.
5. Быков В.М., Манова Н.С. О праве судьи на особое мнение: продолжение темы // Российский судья. – 2016. – № 3. – С. 45-48.
6. Верещагин А.Н. Особые мнения в российских судах // Государство и право. – 2008. – № 2. – С. 13-23.
7. Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1999. – № 3 (28). – С. 95-102.
8. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. – 591 с.
9. Гаджиев Г.А. Публикация особого мнения судьи, или история нормы, которая является камертоном судебной реформы в России // Законодательство и практика масс-медиа. – 2005. – № 12. – С. 27-30.
10. Гринева А.В. Понятие и виды судебных правовых позиций (вопросы теории). дисс. канд. ю. н. М., 2008. – 171 с.
11. Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: правовые позиции судебных органов: монография. М.: РГУП, – 2017. – 229 с.
12. Дриго Е.В. Институт особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации: регулирование и практика применения // Сравнительное конституционное обозрение. – № 3 (112) – 2016. – С. 79-93.
13. Клеандров М.И. Институт особого мнения судьи: Каковы его значение и основные функции? // Российское правосудие. – 2019. – № 9. – С.14-24.
14. Кокотова М.А. Цели существования особых мнений в Конституционном Суде РФ и Верховном Суде США // Российский юридический журнал. – 2019. – № 4. – С.23-28.
15. Кононов А.Л. Право на особое мнение // Закон. – 2006. № 11 – С. 43-46.
16. Мазуров А.В. Комментарий к Федеральному конституционному закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный). М.: Частное право, 2006. – 389 с.
17. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г.А. Гаджиева. М.: Норма: Инфра-М, 2012. – 672 с.
18. Копарушкина О.В. Коллегиальное рассмотрение некоторых категорий дел в арбитражном суде первой инстанции // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 11 – С.21-26.
19. Крапивкина О.А. Природа института особого мнения судьи в различных правовых системах // Вестник ИрГТУ. – 2015. – № 2 (97). – С. 269-273.
20. Модернизация статуса судьи: современные международные подходы. / отв. Ред. Т.Н. Нешатаева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 335 с.
21. Николаев Е.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: определение, юридическая природа, имплементация в правовую систему // Право и политика. – 2002. – № 3. – С. 15-31.
22. Новопавловская Е.Е., Переверзев Е.А. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы правовой регламентации и практика применения // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 1. – С. 104-108.

23. Райкова Н.С. Вопросы реализации принципов осуществления правосудия в конституционном судопроизводстве // Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – № 2.

24. Светличный А.Д. Особое мнение судьи на постановление, которым дело не разрешается по существу // Администратор суда – № 3 (2018). – С. 41-44.

25. Сейдалина Ж.К. Правовое суждение меньшинства при коллегиальном принятии решения судом: вопросы и перспективы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34935913&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения: 10.03.2022).

26. Фролов И.С. Особое мнение судьи как одна из гарантий независимости судей и их равенства при постановлении приговора: проблемы и перспективы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. №2 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osoboe-mnenie-sudi-kak-odna-iz-garantiy-nezavisimosti-sudey-i-ih-ravenstva-pri-postanovlenii-prigovora-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 10.03.2022).

27. Carter J. W., Dissenting opinions // 4 Hastings L. J. 118 (1953) // https://repository.uchastings.edu/hastings_law_journal/vol4/iss2/5 (дата обращения: 01.05.2022).

28. Cross F.B., Tiller E.H. Understanding Collegiality On The Court // Journal of Constitutional Law. Vol. 10:2, January, 2008. – P. 257 – 271.

29. Henderson M.T. From seriatim to consensus and back again // Public law and Legal Theory Working paper No. 186. – 2007 (rev. 2008). – 46 p.

30. Kelemen K. Dissenting opinions in Constitutional Courts // German Law Journal Vol. 14 No. 08, 2013. – P. 1345-1371.

31. Lynch A. The Impact of Dissenting opinions upon the development of Australian Constitutional Law – Doctor Philosophy thesis, Un. Of New South Wales, – 2005. – 530 P.

32. Mészáros L. Obsahové a formálne právne poňatie votum separatum a jeho úloha pri zjednocovaní judikatúry ústavného súdu // Zjednocovanie a vývoj judikatúry ústavných súdov; zborník konferencie, 25-27 októbra [2000] Levoča. Košice: Ústavný súd Slovenskej republiky, 2000. – P. 115-116.

33. Rafaelli R. Dissenting opinions in the Supreme Courts of the Member States: Study, European Union – 2012. – 53 p.

34. Report on Separate Opinions of Constitutional Courts: Adopted by the Venice Commission at its 117th Plenary Session (Venice 14-15 December 2018). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2018\)030-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2018)030-e) (дата обращения: 10.03.2022).

35. Report on the Independence of the Judicial System. Part I: Independence of Judges. Adopted by the Venice Commission at its 82nd Plenary Session (Venice, 12-13 March 2010); URL: <https://rm.coe.int/1680700a63> (дата обращения: 10.03.2022).

36. Sillen J. The concept of «internal judicial independence» in the case law of the European Court of Human Rights // European Const. Law rev. – 2019. – 15. – P. 104-133.

37. Trocsanyi L., Horvath A. La pratique des opinions dissidentes en Hongrie – Les opinions individuelles en Hongrie: une institution // Cahiers du Conseil constitutionnel N° 8 (Dossier: Débat sur les opinions dissidentes). Juillet 2000 URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/node/1196/pdf> (date of application: 16.11.2021).

ИНФОРМАЦИЯ О МЕРОПРИЯТИЯХ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Семинар в Республике Армения на тему «Независимость судей, дисциплинарная ответственность и судебный контроль»

15 и 16 декабря 2023 года состоялся семинар, посвященный вопросам независимости судей, дисциплинарной ответственности и судебного контроля.

Семинар был организован в рамках программы USAID/Армения по поддержке сектора юстиции, основной целью которой является содействие Правительству Армении в создании независимой и беспристрастной системы правосудия и повышении доверия общества к верховенству закона.

На семинаре со вступительными словами выступили Председатель Конституционного Суда Республики Армения Арман Диланян и директор программы USAID/Армения по поддержке сектора юстиции Марк Ласман. Оба отметили важность международного опыта в развитии институционального потенциала.

В ходе семинара обсуждались такие важные темы, как «Судебно-политические рамки независимости системы правосудия, Великая хартия вольностей (Magna Carta)» (CCJE), «Независимость и подотчетность судебной власти» (ENCJ), «Указанные CEELI современные вызовы, угрожающие независимости правосудия», «Судьи, их избрание, критерии и независимость судов», «Опыт улучшения функционирования судебной системы, ее подотчетности и этики: европейские стандарты».

Ведущий семинара – международный эксперт представил де-юре международные правовые стандарты (порядок избрания, назначения и пребывания в должности судей, их продвижения по службе, несменяемости, неприкосновенности, порядок привлечения судей к дисциплинарной ответственности) и де-факто независимость судов, а также передовой международный опыт вовлечения исполнительной власти в процесс привлечения судей к дисциплинарной ответственности.

Конституционный суд Кыргызской Республики и Евразийский экономический Суд укрепляют сотрудничество в историческом официальном визите

27 февраля 2024 года делегация судей Суда Евразийского экономического союза, во главе с и.о. Председателя Суда г-ном Дроновым А.А. впервые прибыла в Кыргызскую Республику для установления взаимодействия и обсуждения вопросов, касающихся интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В составе делегации также присутствовали и.о. заместителя Председателя Суда Ажибраимова А.М. и судьи Забара А.А., Кайыпов М.Т., Кишкембаев А.Б., Тунян А.Г.

По словам и.о. Председателя г-на Дронова А.А. Кыргызстан стал первой страной, в которую представители ЕАЭС прибыли в таком составе для установления плодотворного сотрудничества и диалога по вопросам интеграции. Этот официальный визит стал важным шагом в направлении углубления взаимопонимания и сотрудничества между странами-членами ЕАЭС.

Председатель Конституционного суда Кыргызской Республики Осконбаев Э.Ж. выразил готовность к установлению диалога и сотрудничества с Судом Евразийского экономического союза в рамках своей компетенции. Он подчеркнул, что Конституционный суд Кыргызской Республики открыт для взаимодействия с целью улучшения деятельности и защиты прав граждан.

Обе стороны выразили уверенность в том, что углубление сотрудничества между Судом Евразийского экономического союза и Конституционным судом Кыргызской Республики способствует укреплению правового пространства интеграции в регионе, а также будет способствовать защите интересов граждан и развитию правового государства.

Встреча завершилась обсуждением конкретных рабочих вопросов по улучшению сотрудничества и взаимопонимания в рамках ЕАЭС.

Международная конференция, посвященная 30-летию Конституционного Суда Республики Беларусь

4 апреля 2024 года в Минске состоялась Международная конференция «Верховенство Конституции: конституционные изменения и современное развитие конституционного контроля», приуроченная к 30-летию образования Конституционного Суда Республики Беларусь.

В конференции приняли участие делегации конституционных судов Азербайджана, Армении, Казахстана, Кыргызстана, России, Узбекистана, а также судьи Конституционного Суда Республики Беларусь, представители государственных органов Республики Беларусь, ведущие ученые-конституционалисты.

Президент Республики Беларусь Лукашенко А.Г. направил приветствие участникам конференции, в котором отметил самобытный характер Конституции Беларуси, ее ключевое значение в системе нормативных правовых актов, весомый вклад Конституционного Суда Республики Беларусь в защиту государственного строя, укрепление правопорядка, обеспечение социальной справедливости.

Председатель Конституционного Суда Миклашевич П.П., обращаясь к участникам конференции со вступительным словом, отметил, что для реализации главной цели государственного и конституционного развития, определенной в Конституции Республики Беларусь 15 марта 1994 года, – построить суверенное демократическое социальное правовое государство – на конституционном уровне были учреждены, во-первых, институт президентства, обеспечивающий эффективность и взаимодействие органов государственной власти, единство народа; во-вторых, институт конституционного контроля, обеспечивающий верховенство Конституции, соблюдение принципов правового государства.

Миклашевич П.П. высоко оценил эффективность президентской формы правления в обеспечении независимости и суверенитета, устойчивого и динамичного социально-экономического развития страны,

констатируя, что в Беларуси построено суверенное демократическое социальное государство для народа, сформирована и действует правовая система, реально обеспечиваются гарантии прав и свобод человека и гражданина.

В ходе конференции освещались практические аспекты деятельности конституционных судов, использования различных форм конституционного контроля, состоялся обмен опытом осуществления конституционного правосудия с учетом особенностей национальных правовых систем.

В Конституционном Суде Республики Казахстан обсудили особенности европейской модели конституционного правосудия

5 апреля 2024 года Конституционным Судом Республики Казахстан при поддержке Представительства Европейского Союза в Республике Казахстан в рамках программы TAIEХ INTPA организован семинар на тему «Конституционные жалобы и доступ к конституционному правосудию» с приглашением международных спикеров.

В мероприятии приняли участие судьи Конституционного Суда и сотрудники его Аппарата, представители Парламента, Администрации Президента, Верховного Суда, Генеральной прокуратуры, государственных органов, а также профессиональных юридических и научных сообществ.

Председатель Конституционного Суда Эльвира Азимова, в своей вступительной речи, отметила важность данного семинара для изучения опыта европейских стран в области обеспечения верховенства национальных конституций и защиты прав человека, а также налаживания успешного сотрудничества в этой сфере. Она подчеркнула особую роль соорганизаторов, включая Европейский Союз и программу TAIEХ, а также приглашенных спикеров из Испании, Чехии и Польши.

Представляя направления сотрудничества между Казахстаном и Европейским Союзом, Э. Азимова упомянула о предыдущих совместных мероприятиях, включая международные конференции и семинары, и выразила надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

В свою очередь, посол Европейского Союза в Казахстане Кестутис Янкаускас в своем выступлении выразил признание и поддержку усилий, которые Казахстан прилагает для дальнейшего развития правовой системы и защиты прав человека, подчеркнув важность таких мероприятий в этом контексте.

На семинаре были заслушаны доклады: судьи Суда Европейского союза; представителя Канцелярии Премьер-Министра Польши; руководителя Аппарата Конституционного Суда Чехии; консультанта Совета Европы и советника по судебным вопросам Министерства юстиции Испании.

В ходе данного мероприятия участники обсудили актуальные вопросы конституционного правосудия, обменялись мнениями о возможностях применения в Казахстане опыта стран Евросоюза, накопленного в этой сфере.

Конституционный Суд Республики Казахстан посетили зарубежные ученые

24 апреля 2024 года в Конституционном Суде Республики Казахстан состоялась ознакомительная встреча с участниками научно-педагогического семинара «Защита конституционных прав с помощью административной юстиции в Германии, Казахстане, Украине и Узбекистане», организованного Maqsut Narikbayev University, на которой также присутствовали студенты данного университета и сотрудники Аппарата Конституционного Суда Республики Казахстан.

Гостей, прибывших из Германии, Узбекистана и Украины, приветствовала Председатель Конституционного Суда Эльвира Азимова, которая отметила важность партнерских взаимоотношений органа конституционного контроля с представителями научного сообщества разных стран.

Судьи Конституционного Суда Республики Казахстан Ударцев С.Ф., Подопригора Р.А. и Жатканбаева А.Е. ознакомили участников встречи с некоторыми аспектами деятельности казахстанского Конституционного Суда, а также ответили на интересующие гостей вопросы.

Зарубежные ученые отметили прогрессивное развитие Казахстана в области защиты прав человека и поблагодарили судей Конституционного Суда Республики Казахстан за теплый прием и предоставленную развернутую информацию о деятельности национального органа конституционного контроля.

Встреча Конституционного Суда Республики Казахстан с представителями УВКПЧ ООН

25 апреля 2024 года в Конституционном Суде РК состоялась двусторонняя встреча судьи Романа Подопригоры и сотрудников Аппарата Конституционного Суда с представителями Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ ООН) в рамках их визита в Казахстан.

В ходе беседы судья Роман Подопригора ознакомил гостей с задачами и полномочиями казахстанского органа конституционного контроля, обеспечивающего верховенство Конституции на всей территории страны.

Собеседники обменялись мнениями об экологических правах граждан на окружающую среду, которые с момента рождения человека являются его естественными и основными правами. В свою оче-

редь, Роман Подопригора рассказал о нормативном постановлении Конституционного Суда, в котором Правительству было рекомендовано пересмотреть действующий закон по вопросам социальной защиты граждан, пострадавших вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне. Данное решение было принято по итогам проверки соответствия Конституции страны статьи 13 Закона РК «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне».

Напомним, что Генеральная Ассамблея ООН 19 декабря 2023 года приняла инициированную Казахстаном резолюцию о реабилитации жителей Семипалатинского региона. Документ призывает международное сообщество присоединиться к разработке и реализации специальных программ и проектов по лечению и организации ухода за пострадавшим населением, а также к работе по обеспечению экономического роста и устойчивого развития в Семипалатинском регионе. В резолюции признается важная роль Правительства Казахстана в выделении необходимых ресурсов для содействия удовлетворению потребностей пострадавшего региона.

В Конституционном Суде состоялась научно-теоретическая конференция, посвященная 101-й годовщине со дня рождения великого лидера Гейдара Алиева

По случаю 101-й годовщины со дня рождения Общенационального Лидера Азербайджанского народа, архитектора и созидателя современного независимого Азербайджанского государства, автора первой Конституции независимого Азербайджана Гейдара Алиева 3 мая 2024 года в Конституционном Суде состоялась научно-теоретическая конференция на тему «Современные теоретические и практические подходы в области защиты прав и свобод человека XXI веке».

В конференции приняли участие судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики и ответственные сотрудники Аппарата, Уполномоченный по Правам Человека (Омбудсмен) Азербайджанской Республики Сабина Алиева, Председатель Коллегии Адвокатов Анар Багиров, Председатель правления Института Права и Прав человека Мухаммед Гулузаде, декан Юридического факультета Бакинского Государственного Университета Заур Алиев, декан факультета Экономики Тюркского мира Азербайджанского Государственного Экономического университета Мехмет Юдже, представители юридической общественности и известные ученые.

Председатель Конституционного Суда Фархад Абдуллаев, выступая на мероприятии, рассказал о славном жизненном пути, пройденном Великим Лидером Гейдаром Алиевым, его содержательной деятельности, неоценимых исторических заслугах в области развития современного Азербайджана и укреплении национальной государственности, великой спасительной миссии.

Отмечалось, что одна из самых видных заслуг Общенационального Лидера Гейдара Алиева перед народом и государством заключается в закладке фундамента процесса общего государственного строительства. Одно из знаменательных событий в рамках данного процесса – принятие 12 ноября 1995 года путем всенародного голосования первой Конституции независимого Азербайджана – непосредственно связано с именем Гейдара Алиева. Принятая путем референдума Конституция Азербайджанской Республики позволила создать демократическое гражданское общество в стране, разделить государственную власть на основе демократических принципов, подготовить новую законодательную базу, добиться развития основ светского общества и сформировать правовую систему в соответствии с современными требованиями. Подчеркивалось, что для обеспечения верховенства Конституции, провозгласившей защиту прав и свобод человека высшей целью государства, защиты государством прав и свобод человека, закрепленных в Основном законе, был учрежден Конституционный Суд Азербайджанской Республики.

На конференции говорилось о том, что современное Азербайджанское государство и народ, уверенно идущие по пути развития на основе идей и богатого государственного наследия Великого Лидера Гейдара Алиева, переживают славный и вселяющий чувство гордости период своей истории. Освобождение оккупированных территорий в результате грандиозной Победы, одержанной доблестной Азербайджанской армией в 44-дневной Отечественной войне, и осуществление антитеррористических мероприятий под руководством Президента Азербайджанской Республики, победоносного Верховного Главнокомандующего Ильхама Алиева, а также восстановление суверенитета, дало начало нового этапа нашего развития. Благодаря славной

Победе юридическая сила Конституции и права наших граждан, закрепленные в Основном Законе, были полностью восстановлены на освобожденной от оккупации территории Азербайджана.

Подчеркивалось, что восстановительная и созидательная работа, проделанная в короткий срок на освобожденных от оккупации землях, реализация широкомасштабных инфраструктурных проектов, а также расселение жителей на этих территориях служат олицетворением политической воли Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева.

В выступлениях говорилось о дальновидных шагах, предпринятых Великим Лидером Гейдаром Алиевым в период руководства страной, о том, что успешные социальные, культурно-экономические и интеллектуальные инвестиции заложили фундамент для обретения народом Азербайджана независимости. Отмечалось также, что Великий Гейдар Алиев оставил след в памяти людей и в истории как Общенациональный Лидер Азербайджанского народа, общественно-политический деятель мирового масштаба, великий мыслитель, основатель независимого Азербайджанского государства, политический лидер, защищавший и развивавший идеологию Азербайджанства, выражавший волю народа, смелый и созидательный государственный деятель.

В практической части конференции прозвучали доклады «Принцип субсидиарности органов конституционного контроля», «Усовершенствование трудового законодательства Азербайджанской Республики – веление времени», «Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в Конституционном Суде Азербайджанской Республики» и на другие темы, были рассмотрены актуальные вопросы юридической науки, состоялся широкий обмен мнениями.

В заключение мероприятия Председатель Конституционного Суда Фархад Абдуллаев особо подчеркнул, что успешная и опирающаяся на национальные интересы политика, проводимая сегодня Президентом Ильхамом Алиевым как продолжение политического наследия Великого Лидера Гейдара Алиева, осуществляемые государственные программы и широкомасштабные проекты служат устойчивому развитию страны, а также укреплению позиций Азербайджана на международной арене. Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев, воплотив в жизнь мечты и заветы Великого Лидера Гейдара Алиева, решительно продолжил путь спасения и повышения благосостояния для Азербайджана, превратил нашу Родину в страну-победительницу. Возвращение исконных земель, осуществление в короткий срок гигантской строительно-восстановительной работы и расселение жителей на освобожденных от оккупации территориях вселяет чувство гордости в каждого гражданина Азербайджана и воодушевляет на тесное сплочение вокруг главы государства и достижения новых больших успехов.

Судьи Конституционного Суда Российской Федерации приняли участие в Саммите верховных и конституционных судов государств-членов «Большой двадцатки»

12-14 мая 2024 года в городе Рио-де-Жанейро (Бразилия) состоялся глобальный форум органов конституционного контроля J20, объединяющей высшие суды стран «Большой двадцатки», Европейского союза и Африканского союза. Саммит был организован Бразилией как страной, председательствующей в G20 в 2024 году. Конституционный Суд Российской Федерации представляли судьи Андрей Бушев и Михаил Лобов.

Мероприятие было посвящено обмену идеями и инициативами в области правового регулирования в актуальных для современности сферах. В рамках прошедших дискуссий затрагивались вопросы роли судебной власти в продвижении гражданственности и социальной интеграции, судебной практики по проблемам климата и устойчивого развития, а также цифровой трансформации и использования современных технологий для повышения эффективности судебной системы. Участники обменялись опытом, высказали мнения о возможных путях решения проблем в отмеченных сферах, а также констатировали важность существования профессионального диалога между судебными органами разных стран.

В обсуждениях приняли участие представители Верховного Суда Аргентины, Высокого Суда Австралии, Федерального Верховного Суда Бразилии, Верховного Суда Канады, Верховного Народного суда КНР, Конституционного Совета Франции, Федерального Конституционного Суда ФРГ, Верховного Суда Индии, Конституционного Суда Италии, Конституционного Суда Кореи, Верховного Суда Мексики, Министерства юстиции Саудовской Аравии, Конституционного Суда ЮАР, Конституционного Суда Турции, Верховного Суда Соединенного Королевства, Конституционного Суда Португалии, Конституционного Суда Испании, а также Африканского Суда по правам человека и народов и Суда Европейского Союза.

Тренинг о доступе к конституционному правосудию в Республике Узбекистан

27-29 мая 2024 года в Ташкенте прошел тренинг на тему «Доступ к конституционному правосудию и особенности судебной аргументации в конституционном судопроизводстве». Мероприятие было организовано в рамках сотрудничества Конституционного суда Республики Узбекистан с координатором проектов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в Узбекистане.

В тренинге приняли участие судьи и сотрудники Конституционного суда, члены Научно-консультативного совета Конституционного суда и преподаватели Ташкентского государственного юридического университета.

Работу тренинга, проведенного с привлечением международных экспертов Александру Тэнасе и Родика Секриеру, открыл Координатор проектов ОБСЕ в Узбекистане, глава Миссии Антти Карттунен.

Международные эксперты ознакомили участников тренинга со спецификой подготовки проектов постановлений и судебной (правовой) аргументации в постановлениях конституционных судов, юридическом формализме, позитивном толковании права и прецедентными случаями в области юридической аргументации.

В тренинге также выступили заместитель председателя Конституционного суда Республики Узбекистан А.Гафуров, судьи Конституционного суда Ж.Балкибаева и К.Камилов.

Особое внимание было уделено вопросам о роли и функциях конституционных судов в правовой системе, общим принципам и формам конституционного контроля, а также анализу различных моделей и методов конституционного контроля, полномочиям конституционных судов, международному опыту развития института конституционной жалобы, вопросам взаимодействия между конституционным судом и судами общей юрисдикции.

Конституционный Суд Республики Казахстан и Генеральная прокуратура Республики Казахстан обсудили вопросы усиления прокурорского надзора за исполнением решений органа конституционного контроля

29 мая 2024 года в Генеральной прокуратуре Республики Казахстан состоялась встреча Председателя Конституционного Суда Азимовой Э.А. и Генерального Прокурора Асыллова Б.Н. с участием судей Конституционного Суда, заместителей Генерального Прокурора, руководства аппаратов органа конституционного контроля и надзорного органа с онлайн подключением прокуроров областей и городов Астаны, Алматы и Шымкента.

Встреча была посвящена рассмотрению вопросов реализации нормативных постановлений Конституционного Суда.

К настоящему времени Конституционным Судом вынесено 45 нормативных постановления. В 8 итоговых решениях сделаны выводы о противоречии Основному закону ряда норм действующего законодательства. В 13 случаях Конституционный Суд дал свое истолкование понимания и применения норм закона.

Стороны пришли к единому пониманию о необходимости неотложных законодательных изменений для обеспечения режима конституционной законности в стране. В частности, речь шла об отмене и пересмотре решений судов и иных правоприменительных органов в случае признания Конституционным Судом законов или отдельных их положений соответствующими Конституции в данном Конституционном Судом истолковании.

Эльвира Азимова отметила, что содействие конституционной законности в целях обеспечения защиты демократических ценностей, гарантий прав и свобод человека, стабильности правовой системы является приоритетной в деятельности всех государственных органов, должностных лиц, общественных институтов и граждан.

Судьи Конституционного Суда в своих выступлениях акцентировали внимание на важность обеспечения системного правового мониторинга по реализации нормативных постановлений, по обеспечению конституционной законности, рассказали о принятых итоговых решениях и отметили актуальные правовые позиции, на которые необходимо обратить внимание правоприменителям.

В свою очередь, Берик Асыллов отметил, что нормативные постановления Конституционного Суда являются важным элементом в правоприменительной практике, и их исполнение является залогом защиты конституционных прав и свобод каждого гражданина нашей страны.

В ходе встречи прокуроры проинформировали о принятых мерах по исполнению нормативных постановлений Конституционного Суда. В частности, на соответствие позициям Конституционного Суда прокурорами проверено свыше 15 тыс. уголовных и 4,5 тыс. гражданских дел, изучено 3 тыс. жалоб и заявлений осужденных, а также 3,5 тыс. материалов о применении мер пресечения в досудебном производстве.

В завершение Генеральный Прокурор поручил всем прокурорам обеспечить непосредственное применение нормативных постановлений Конституционного Суда в надзорной деятельности.

Конституция Республики Казахстан впервые издана на алфавите Брайля

6 июня 2024 года Конституционный Суд презентовал впервые изданную рельефно-точечным тактильным шрифтом Брайля Конституцию Республики Казахстан на казахском и русском языках.

Проект Конституционного Суда Республики Казахстан по переводу текста Основного Закона Казахстана на шрифт Брайля для граждан с нарушением зре-

ния или слепотой, поддержан Офисом программ ОБСЕ в Астане и Министерством культуры и информации.

На презентации присутствовали послы иностранных государств, депутаты Парламента Республики Казахстан, представители международных организаций, аккредитованных в Казахстане, государственных органов, представители неправительственных организаций и научного сообщества Казахстана.

Председатель Конституционного Суда Эльвира Азимова отметила, что создание доступной среды для лиц с ограниченными возможностями составляет основу конституционных гарантий равенства всех перед законом и доступа к правосудию. «Политика «Справедливый Казахстан» подтверждает приверженность государства обеспечению прав и свобод человека и недискриминации. Конституционный Суд продолжит работу по соблюдению принципа равенства, достоинства и справедливости для каждого согласно Конституции Казахстана и Всеобщей декларации прав человека. Издание текста Конституции на шрифте Брайля – это наш совместный вклад в продвижение данной политики», - отметила Э. Азимова.

В свою очередь, Глава Офиса программ ОБСЕ в Астане Фолькер Фробарт подчеркнул, что издание текста Конституции Казахстана шрифтом Брайля демонстрирует приверженность казахстанского органа конституционного контроля правозащитным ценностям и инклюзивному подходу к обеспечению равного доступа к информации.

Казахстан является участником Конвенции ООН о правах инвалидов, которая призывает государства-участники принимать надлежащие меры в целях привлечения к участию человека во всех аспектах жизни путем обеспечения лицам с инвалидностью доступа к информации и

образованию, равенства перед законом и равной правовой защиты, а также доступа к правосудию.

Издания текста Конституции Республики Казахстан на шрифте Брайля будут переданы 56 учреждениям, включая республиканские и региональные библиотеки, обучающие центры и специализированные школы.

По данным Всемирной организации здравоохранения, в Казахстане проживает около 160 тысяч людей с нарушением зрения. По сведениям Министерства труда и социальной защиты населения, в Казахстане насчитывается 85 тыс. незрячих людей, более 4 тысяч слабовидящие дети, из которых около 350 – незрячих. Инициатива Конституционного Суда по изданию Конституции Республики Казахстан на шрифте Брайля для такой категории лиц является своевременной и будет продолжена с участием уполномоченных государственных органов.

Конституционный суд Кыргызской Республики и представители вузов страны обсудили аспекты реального сотрудничества по совершенствованию подготовки и повышению квалификации юристов, государственных, муниципальных служащих в части применения ими конституционных норм и принципов

7 июня 2024 года в здании Конституционного суда Кыргызской Республики прошел круглый стол с участием представителей ведущих вузов страны и обучающих организаций, профессиональных юристов, а также представителей Министерства образования и науки, Министерства юстиции Кыргызской Республики. Темой обсуждения стало сотрудничество Конституционного суда и образовательных учреждений по вопросам формирования у студентов фундаментальных представлений о важнейших научно-теоретических положениях конституционного права и повышению правовой грамотности в обществе.

Цель круглого стола – проведение скоординированной работы по подготовке единообразной информации об основах Конституции и ее основных принципах. Это требует унификации обучающих программ по конституционному праву для государственных и муниципальных служащих, студентов и обучающихся.

Конституционный суд Кыргызской Республики активно участвует в образовательных инициативах, ежегодно организуя гостевые лекции для студентов вузов, на которых судьи делятся своими знаниями и практическим опытом. За последние 11 лет около 1700 студентов посетили такие лекции. С 2014 года суд проводит дни открытых дверей, когда лучшие студенты вузов могут посетить суд и ознакомиться с деятельностью Конституционного Суда. Проводятся различные тематические конкурсы эссе и других материалов, стимулирующие интерес молодежи к конституционному праву и другим правовым вопросам. Эти мероприятия позволяют студентам продемонстрировать свои знания и навыки, а также получить обратную связь от профессионалов.

На заседании круглого стола участники подчеркнули важность обучения и воспитания грамотных юристов, которые в дальнейшем будут играть ключевую роль в защите прав и свобод граждан, укреплении верховенства права и обеспечении социальной стабильности в стране.

В завершение встречи было решено разработать единый план по взаимодействию, в который будут включены стандартизированные программы для всех образовательных уровней. Участники выразили уверенность в том, что совместные усилия помогут создать прочную основу для повышения качества юридического образования и обеспечения верховенства права в стране.

Научно-консультативный совет Конституционного Суда Республики Казахстан обсудил вопросы конституционных гарантий защиты права собственности

7 июня 2024 года в Конституционном Суде Республики Казахстан состоялось очередное заседание Научно-консультативного совета при КС с участием ученых и судей Конституционного Суда. Заседание прошло в открытом формате с приглашением в качестве наблюдателей депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан, руководителей Офиса ОБСЕ и Фонда Ф. Эберта в Астане, представителей Министерства юстиции, Генеральной прокуратуры и других заинтересованных государственных органов.

На заседании члены Научно-консультативного совета обсудили вопросы конституционных гарантий защиты права собственности, а также исполнения решения Конституционного Суда. Судья Конституционного Суда Ударцев С. Ф., д.ю.н., профессор рассказал о принятом решении Конституционного Суда о толковании пункта 1 статьи 25 и пункта 3 статьи 26 Конституции (<https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/648695?lang=ru>), а также о правовых позициях, изложенных в настоящем решении, нацеленных на дальнейшее принятие мер по совершенствованию законодательства.

С докладами о конституционных положениях статей 6 и 26 Конституции Республики Казахстан выступили Сулейменов М.К., д.ю.н., профессор, академик НАН РК, директор Научно-исследовательского института частного права Каспийского общественного университета, Ильясова К.М., д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института частного права Каспийского Общественного университета, Скрыбин С.Ф., к.ю.н., старший научный сотрудник Научно-исследовательского института частного права Каспийского Общественного университета, главный научный сотрудник Института законодательства и правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан.

Заместитель Председателя Конституционного Суда Нурмуханов Б.М. проинформировал о ходе подготовки проекта Послания Конституционного Суда по обеспечению конституционной законности с учетом итоговых решений Конституционного Суда. В ходе дискуссий депутаты Мажилиса Парламента РК Шапак У. и Базарбек Б. озвучили готовность рассмотреть предложения ученых-цивилистов в рамках работы по вопросам гражданского и земельного законодательства. Рекомендации членов Научно-консультативного совета по итогам заседания в ближайшее время будут направлены заинтересованным государственными органами для рассмотрения в нормотворческой деятельности.

Представители Конституционного суда Республики Узбекистан посетили Федеративную Республику Германию

Делегация Конституционного суда Республики Узбекистан во главе председателя М.Абдусаломова 9-14 июня 2024 года посетила Федеральный Конституционный суд Германии. Ознакомительный визит представителей Конституционного суда в Федеративную Республику Германия организован Координатором проектов ОБСЕ в Узбекистане.

В Федеральном Конституционном суде Германии состоялась встреча членов делегации с судьей Второго сената Конституционного суда доктором Роной Фетцер, главой Управления по общим вопросам Конституционного суда Кристианом Столлем и начальником управления по делам юстиции Фолькером Бацке. Члены делегации имели возможность прямого обмена опытом с немецкими судьями, экспертами. Обсудили актуальные вопросы института конституционного контроля.

В ходе визита также состоялась встреча с профессорами юридического факультета Мангеймского университета. На встрече декан юриди-

ческого факультета, профессор, доктор Фридеманн Кайнер дал подробную информацию об учебном заведении, в частности о проделанной работе в области конституционного права, о конституциях и правовых системах Федеральных земель Германии и Баден-Вюртемберга.

Делегация Конституционного суда Республики Узбекистан по приглашению Спикера Федерального земельного парламента Баден-Вюртемберга г-жи Мухтерем Арас встретились с парламентариями. Во встрече приняли участие председатель Конституционного суда Баден-Вюртемберга профессор доктор Мальте Грасхоф и председатель постоянной комиссии парламента Баден-Вюртемберга Гвидо Вольф (XDS) и другие депутаты.

Представители Конституционного суда Узбекистана также посетили Институт сравнительного публичного права и международного права имени Макса Планка в г. Гейдельберге. В институте прошла встреча с доктором Райнер Гроте, доктором Маттиас Хартвиг, который проводит исследования в области государственного строительства и конституционного права. На встрече профессор доктор Райнер Гроте подробно рассказал о деятельности института. Были обсуждены направления и перспективы сотрудничества. Представители института выразили заинтересованность в проведении научных исследований по наиболее актуальным вопросам конституционного права совместно с узбекскими исследователями.

На встречах председатель Конституционного суда Республики Узбекистан М.Абдусаломов проинформировал немецких партнеров о реализуемых в Узбекистане широкомасштабных реформах, в том числе о реформах в судебной сфере.

Конституционный суд Кыргызской Республики и Всемирный банк обсудили внедрение электронного судопроизводства

13 июня 2024 года в Конституционном суде Кыргызской Республики состоялась встреча с главой миссии Всемирного банка – старшим специалистом по государственному сектору Клаусом Декером. В мероприятии приняли участие Председатель Конституционного суда Эмиль

Осконбаев, заместитель Председателя Карыбек Дуйшеев, судья Чинара Айдарбекова, руководитель аппарата Каныбек Масалбеков, а также консультант Всемирного банка Уран Эсенгелдиев.

В ходе встречи был представлен отчет с анализом и рекомендациями на основе функционального обзора судебной системы Кыргызстана, подготовленный миссией Всемирного банка. Эти рекомендации направлены на поддержку планов государства по цифровой трансформации судебных органов.

Председатель Конституционного суда Эмиль Осконбаев подчеркнул важность внедрения электронного судопроизводства для повышения эффективности конституционного правосудия и обеспечения доступа граждан, в том числе из отдаленных регионов, к правосудию. Он отметил, что информационные технологии не только ускорят судопроизводство, но и повысят доверие граждан и сделают работу с процессуальными документами более удобной. Это существенно сократит сроки рассмотрения дел и снизит издержки как для судов, так и для участников судебного процесса.

В свою очередь, судьи Конституционного суда высказали свои предложения: в частности, было отмечено, что необходимо создать систему автоматизированного учета дел и электронного архива, что позволит оперативно находить и анализировать необходимые документы. Также судьи предложили обратить внимание на важность своевременного обучения судебных работников новым технологиям, чтобы обеспечить эффективное внедрение и использование в работе цифровых инструментов.

По итогам встречи глава Конституционного суда подчеркнул необходимость согласованности действий всех заинтересованных органов в целях разработки единой и удобной программы по обмену решениями, что обеспечит доступ судей местной юрисдикции к решениям Конституционного суда при осуществлении правосудия.

Представители Всемирного банка выразили готовность продолжать сотрудничество в рамках цифровой трансформации судебной системы Кыргызстана, отметив значимость этой работы для улучшения доступа граждан к правосудию и повышения прозрачности судебного процесса.

В Конституционном Суде Российской Федерации прошла Международная конференция «Защита прав и конституционный контроль»

26 июня 2024 года в первый день работы XII Петербургского международного юридического форума в Сенатском зале Конституционного Суда Российской Федерации состоялась Международная конференция «Защита прав и конституционный контроль».

К представителям органов конституционного контроля и юридической общественности из 25 стран мира обратились Председатель комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской

Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Андрей Клишас, Первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации Петр Серков, Первый заместитель Спикера Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан Акмал Саидов, Председатель Суда Евразийского экономического союза Алексей Дронов, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Талия Хабриева, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова.

С докладом «Конституционно-судебная защита прав в России: основные свойства» выступил Председатель Конституционного Суда Российской Федерации Валерий Зорькин.

Конференция продолжилась двумя масштабными дискуссиями на темы «Инициирование конституционного контроля в целях обеспечения конституционных прав и свобод» и «Защита прав и свобод как результат конституционного контроля». С докладами выступили Председатель Федерального Суда Малайзии Тун Тенгу Маймун Туан Мат и Председатель Конституционного Суда Королевства Марокко, председательствующий в Конференции конституционных юрисдикций Африки Мохамед Амин Бенабделла.

В работе конференции приняли участие видные государственные, политические и общественные деятели Российской Федерации, депутаты Государственной Думы Российской Федерации, сенаторы, представители юридической науки и практики, ученые, судьи Конституционного Суда Российской Федерации, судьи конституционных судов зарубежных стран.

27 июня 2024 года в работу XII Петербургского международного юридического форума внесли свой вклад судьи и сотрудники Конституционного Суда Российской Федерации.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации Валерий Зорькин по устоявшейся многолетней традиции выступил перед гостями форума с лекцией. В этом году она была посвящена теме

«Право и вызовы искусственного интеллекта» и собрала более 500 слушателей в аудитории Росконгресса. Несколько тысяч пользователей Интернета посмотрели прямую трансляцию этого выступления и ознакомились с его текстом на сайтах КС РФ и ведущих российских СМИ.

Судьи Конституционного Суда Российской Федерации также были приглашены на пленарное заседание форума, в котором участвовали: Заместитель Председателя Совета Безопасности Российской Федерации Дмитрий Медведев, Специальный докладчик Совета ООН по правам человека Елена Довгань по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер, влияющих на реализацию прав человека, Генеральный прокурор Республики Намибия Фестус Катунга Мбандека, почетный профессор Таллинского университета Рейн Мюллерсон и Министр юстиции Республики Куба Оскар Мануэль Сливера Мартинес.

Рабочая встреча членов Евразийской ассоциации органов конституционного контроля

В рамках визита казахстанской делегации в Санкт-Петербург под председательством судьи Конституционного Суда Казахстана Ударцева С.Ф. и судьи Конституционного Суда Российской Федерации Кокотова А.Н. 26 июня 2024 года состоялась рабочая встреча членов Евразийской ассоциации органов конституционного контроля.

Участники встречи обменялись мнениями по вопросам сотрудничества со средствами массовой информации, а также о критериях допустимости конституционной жалобы. Рассмотрены вопросы о подготовке и проведении очередного Конгресса Евразийской Ассоциации в августе-сентябре 2026 года в Астане, а также о проведении заседания Комитета Евразийской Ассоциации осенью 2024 года и организации обучающего онлайн-семинара для работников органов конституционного контроля девяти стран, входящих в данную организацию.

Судья Ударцев С.Ф. отметил, что в условиях современных мировых вызовов сотрудничество в рамках Евразийской ассоциации приобретает особую значимость, способствуя обмену ценной информацией и опытом работы в области утверждения принципов правового государства, конституционализма и, в конечном счете, укреплению верховенства права в странах-участниках.

Конституционный Совет и далее Конституционный Суд Республики Казахстан с 2017 года председательствует в Евразийской Ассоциации органов конституционного контроля, в состав которой входят конституционные суды девяти стран (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Монголия, Россия, Таджикистан и Узбекистан). Евразийская Ассоциация действует с октября 1997 года, ее задачами являются содействие укреплению общепризнанных конституционных ценностей, поддержание постоянного межсудебного диалога и обмен опытом конституционного судопроизводства по вопросам обеспечения верховенства Конституции.

КНИГИ И ДИССЕРТАЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Республика Беларусь

Конституция Республики Беларусь: науч.-практ. комментарий / под общ. ред. П.П. Миклашевича, О.И. Чуприс, Г.А. Василевича. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. – 544 с.

ISBN 978-985-7203-86-4

В научно-практическом комментарии системно проанализированы положения обновленной Конституции Республики Беларусь, доступно и подробно раскрываются социально-правовое содержание и смысл конституционных ценностей, принципов и норм, их воздействие на общественные отношения по обеспечению эволюционного и стабильного развития общества и государства. Предлагается для использования государственными служащими, депутатами, руководителями организаций, юристами, научными работниками, гражданами нашей страны в целях формирования конституционного мышления, правильного понимания и неукоснительного соблюдения Конституции.

Акты законодательства, используемые в комментарии, приводятся по состоянию на 1 января 2024 г.

Комментарий снабжен алфавитно-предметным указателем к Конституции Республики Беларусь.

Российская Федерация

Принципы права: монография /А.В.Коновалов. – М.: Норма, 2022. – 792 с. – DOI 10.12737/1816288.

ISBN 978-5-00156-195-8 (Норма)

ISBN 978-5-16-109696-3 (ИНФРА-М, online)

Книга «Принципы права» – уникальное исследование на стыке теории и философии права, частного и публичного права, психологии и социологии. На основании подробного анализа имеющегося в России и за рубежом.

**Извлечение из диссертации¹ Должикова А.В. на соискание
ученой степени доктора юридических наук на тему:
«Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном
правосудии России (на примере основных социальных прав)»
(защита состоялась 8 июня 2022 года)**

Из положений, выносимых на защиту:

1) <...> Соразмерность в качестве правового принципа и элемента конституционализма оформляется в эпоху революций Нового времени. Отсюда его неразрывная связь с либерализмом, который призван ограничить возможную деспотию сначала со стороны административных органов, а затем и народных избранников. С момента появления конституционного правосудия этот общеправовой принцип трансформируется в важнейший судебский метод в глобальном конституционализме.

<...> в советском государстве появляется новая функция принципа соразмерности, состоящая в осуществлении публичной властью позитивных обязательств по обеспечению социального благополучия граждан. Классический запрет чрезмерности дополняется парным запретом недостаточности государственных действий, включая гарантирование основных социальных прав. <...>

2) <...> догматика является начальным юридическим методом. Толкование конституционных прав, основанное на формальной логике, можно считать исходным этапом для анализа соразмерности. Среди неоспоримых достоинств того метода важную роль в определении соразмерности и родственных понятий играют системность и ясность, что является важнейшей предпосылкой для академической дискуссии и коммуникации участников конституционного судопроизводства.

3) Междисциплинарные исследования соразмерности <...> должны применяться субсидиарно, а не заменять формально-логическую методологию. Междисциплинарная методология может быть востребована на более поздних этапах конституционного судопроизводства или в сложных делах. Соразмерность и отдельные элементы этого принципа пересекаются с «продвинутыми» юридическими методами (согласованное толкование, доведение до абсурда, аргументация по аналогии и др.). <...>

4) Изначально соразмерность как неписаный принцип появляется в национальной судебной практике, однако постепенно приобретает универсальное применение в национальном и международном праве. <...> Как и большинство юридических максим, соразмерность в конституционном правосудии является средством преодоления избыточного формализма в законодательстве и правоприменении. Соразмерность в таком качестве для конституционного правосудия дает важное надпозитивное основание во взаимоотношении с законодателем. <...>

5) Общеправовой принцип соразмерности, становясь частью Основного закона, распространяет свое действие на три элемента конституционной системы. Среди основ конституционного строя соразмерность выступает ключевым компонентом правовой государственности. <...> В качестве элемента

¹ Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): в 2-х томах: специальность 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Должиков Алексей Вячеславович; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2022. – 579 с.: т. 1; – 533 с.: т. 2.

правового государства соразмерность служит лишь руководящим началом деятельности органов власти, а, значит, с процессуальной точки зрения этот принцип не подлежит защите в конституционном судопроизводстве без ссылки на нарушение конкретного основного права.

Главное предназначение соразмерности находится в области конституционных прав, где этот принцип служит основанием судебного контроля законодательства и иных нормативных решений. Теоретически соразмерность проявляется во всех трех элементах структуры конституционного права (нормативное содержание, вмешательства и критерии проверки). На практике использование этого принципа для взвешивания интересов на стадии определения нормативного содержания права имеет риски. <...>

Действие соразмерности в области государственного права должно быть ограничено. Здесь следует применять концепцию сдержек и противовесов, но не метод судебного взвешивания. В процессуальном смысле употребление гуманитарного по своей природе метода будет неуместным для разрешения споров двух властных субъектов. <...>

6) Анализ персональной сферы действия соразмерности должен основываться на разделении властей. Сведение этой основы конституционного строя к эффективному управлению не позволяет применять соразмерность как критерий конституционного контроля нормативных решений. <...>

7) Требование правомерности относится к числу содержательных, а не формальных оснований конституционного контроля. Интересы, которые могут служить оправданием для вмешательства в конституционные права, не должны по месту в нормативной иерархии быть ниже предписаний главы второй российского Основного закона. <...>

8) Оценка в конституционном правосудии разумности законодательства, в том числе аргументация *ad absurdum*, требует судебного активизма. На этом фоне требование пригодности более инструментально для судебного контроля достижения законодательными средствами публичных целей. Конкретизация этого требования возможна через принципы законодательной политики (научная обоснованность, прогнозирование, системность) и заимствование в конституционном правосудии экономических методов. Так, предварительная оценка регулирующего воздействия дополняется последующим конституционным контролем соразмерности.

Проверка пригодности предполагает обращение к фактам, которые повлияли на правотворческое решение. <...>

9) Требование необходимости охватывает оценку альтернатив, по сравнению с избранными законодателем мерами. Проявлением этого элемента соразмерности является принцип *ultima ratio*. Он требует использовать суровые меры только в крайнем случае, отдавая предпочтение более мягким альтернативам. <...>

Доктрина минимального ядра (сущности) конституционного права образно выражает крайнюю границу применения принципа соразмерности. Эта доктрина позволяет оценивать реальность угроз полного выхолащивания конституционных прав. <...>

10) Балансирование интересов является специфическим методом судебного разрешения конституционных споров по защите основополагающих прав. <...> Взвешивание в широком смысле является синонимом всестороннего и основанного на фактах судебного исследования аргументов сторон спора. Необходимым условием соблюдения требования баланса интересов выступает оценка судом принципиальной возможности реализации всех конфликтующих ценностей.

Главный тезис в диссертации состоит в необходимости синтеза моделей абстрактного и конкретного судебного балансирования. Такая смешанная модель, с одной стороны, использует достоинства юридической догматики в систематизации и определенности факторов, влияющих на интенсивность судебного контроля, с другой стороны, обеспечивает выбор и придание веса конкретному фактору в процессе балансирования конфликтующих интересов, который должен оставаться в рамках судебного усмотрения с учетом обстоятельств конкретного конституционного спора.

<...>

**Извлечение из автореферата диссертации² Урошлевой А.С.
на соискание ученой степени кандидата юридических наук
на тему: «Аргументация решений органов конституционного
правосудия: основные элементы теории»
(защита состоялась 6 апреля 2023 года)**

Из положений, выносимых на защиту:

1. Решения органов конституционного правосудия как объекты теории аргументации обладают спецификой, которая предопределяет подход и требования к их обоснованию. Такие решения представляют собой тексты аргументирующего типа, судебные акты, при том и специальных судебных органов – органов конституционного контроля, юридические акты смешанной правовой природы, сочетающие в себе свойства правоприменительных актов и квазинормативный характер. Данная специфика предопределяет следующие требования к обоснованию решений: 1) рациональность с точки зрения теории аргументации и грамотной речевой презентации решений как юридических текстов (обоснование релевантными доводами; открытость к «критике» – аргументам разных участников процесса; изложение решения в соответствии с правилами формальной логики и риторики); 2) опора на диверсифицированный методологический арсенал толкования конституционных норм и иных объектов толкования и аргументации (что вытекает из аргументирующего типа текстов решений и их природы как актов органов конституционного правосудия); 3) соблюдение принципа «разумной сдержанности» и необходимость обоснования судебного правотворчества (ввиду отнесения решений к актам правоприменительной практики, хотя и особого значения в контексте влияния на правопорядок); 4) общее требование высокого качества аргументации, включая правовую определенность формулировок, используемых в решениях, в связи с их квазинормотворческим характером.

2. Формально-логический подход в некотором смысле выступает «базисом» любой аргументации, при этом опоры только на него недостаточно в рамках конституционно-правовой судебной аргументации ввиду, в том числе, сложности учета социальных обстоятельств, устройства правопорядка: необходимо применение и иных подходов, позволяющих учитывать социальную природу правоотношений и ориентацию на разрешение конституционно-правового спора с учетом последствий принимаемого решения. Аргументация решений органов конституционного правосудия должна выстраиваться на осно-

² Урошлева А.С. Аргументация решений органов конституционного правосудия: основные элементы теории: специальность 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Урошлева Александра Сергеевна; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2023. – 27 с.

вании комплексного подхода, сочетающего в себе целеполагание и соблюдение правил формально-логического, риторического и прагма-диалектического подходов к аргументации (включая логичное структурирование и соблюдение правил формальной логики, ориентацию на аудиторию и приемлемость посылок, разрешение конфликта через примирение или устранение разногласий сторон). Комплексный подход учитывает одновременно восприятие аргументации как структуры в рамках логического подхода, как процедуры – в рамках прагма-диалектического, как процесса – в рамках риторического. Опора на такой комплексный подход способствует повышению качества аргументации решений в конституционном правосудии и обеспечению высшей степени их легитимности.

3. Аргументация решений органов конституционного правосудия преследует цель принятия решения аудиторией (с учетом универсальности такой аудитории в конституционном правосудии) в качестве рационального, убедительного и справедливого (согласно опоре на комплексный подход). Принятие решения аудиторией при этом не сводится к удовлетворению органом конституционного контроля общественных ожиданий и обязательному согласию аудитории с решением. Органу конституционного контроля надлежит учитывать общественные интересы при аргументации решений, но в то же время он в первую очередь остается защитником конституционного правопорядка, отдельной личности и общества, меньшинства и большинства, публичных и частных интересов.

<...>

4. В аргументации решений органов конституционного правосудия можно выделить область мета-аргументации. Во-первых, под ней понимается область исследования аргументации решений органов конституционного правосудия с позиций вычленения и анализа постоянно действующих (условно «статических») элементов и динамических элементов – специальных конституционно-правовых правил, принципов, установок (паттернов) аргументации, влияющих на выбор конкретных средств и содержание аргументации. Такое понимание выстраивается на основе определения предметной области исследования и необходимо для того, чтобы обозначить теоретические аспекты мета-аргументации. Во-вторых, под мета-аргументацией с точки зрения содержания решений органов конституционного правосудия понимаются мотивы и исходные основания последующей правовой аргументации решения с учетом категории спора, конкретных обстоятельств дела, конституционно-правового регулирования и принципов права. Статические элементы мета-аргументации обладают аксиоматичным характером, а динамические элементы – алгоритмичным, которые в совокупности задают определенный алгоритм аргументативных действий для суда (органа конституционного контроля).

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ
Вестник Евразийской ассоциации органов
конституционного контроля
Выпуск 1 (89)

ИЗДАЕТСЯ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Редакция журнала:

Бердибаева Алия Картбаевна	Аналитик отдела аналитики, организации заседаний и протоколирования Аппарата Конституционного Суда Республики Казахстан <i>(ответственный редактор)</i>
Ахметова Айнур Бектасовна	Заместитель заведующего отделом организационной работы и перевода Аппарата Конституционного Суда Республики Казахстан <i>(ответственный секретарь)</i>
Алибаева Сауле Мурзагалиевна	Редактор по переводу организационной работы и перевода Аппарата Конституционного Суда Республики Казахстан <i>(корректор)</i>
Поладова Саадат Ильфат кызы	Главный консультант отдела международного права и международного сотрудничества Аппарата Конституционного Суда Азербайджанской Республики <i>(по согласованию)</i>
Айтымбетова Айсулу Эсенбековна	Консультант отдела международных связей и организационного обеспечения Аппарата Конституционного Суда Кыргызской Республики <i>(по согласованию)</i>
Гантуяа Дулаанжаргал	Старший сотрудник Секретариата Конституционного Суда Монголии <i>(по согласованию)</i>
Даниелян Ирина	Начальник издательско-переводческого отдела Аппарата Конституционного Суда Республики Армения <i>(по согласованию)</i>
Мурашко Людмила Олеговна	Начальник отдела международных связей Секретариата Конституционного Суда Республики Беларусь <i>(по согласованию)</i>
Рахимова Натали Абдурашидовна	Заведующий сектором международных отношений Аппарата Конституционного суда Республики Таджикистан <i>(по согласованию)</i>
Исакулов Шербек Норкулович	Старший эксперт Аппарата Конституционного Суда Республики Узбекистан <i>(по согласованию)</i>
Ултургашев Павел Юрьевич	Заместитель начальника управления международных связей и обобщения практики конституционного контроля Аппарата Конституционного Суда Российской Федерации <i>(по согласованию)</i>

Верстка Цой Т.В.

Адрес редакции: 010000, г. Астана, пр. Мангилик Ел, 13.
Тел.: 74-76-52, факс: 74-76-51; e-mail: okr@ksrk.gov.kz; www.ksrk.gov.kv

Сдано в набор 25.07.2024 г. Подписано в печать 16.08.2024 г.
Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 14,7.
Гарнитура Open Sans.
Заказ № 492. Тираж 50 экз.

Отпечатано в ТОО «Организация инвалидов «Даму-Астана».
г. Астана, ул. Кокарал 2/1.
Тел. +7 (7172) 57 99 66.
e-mail: ast_damu@mail.ru

Публикуемые в журнале материалы получены от представителей соответствующих конституционных судов – членов Евразийской ассоциации органов конституционного контроля.

Статьи Вестника Евразийской ассоциации органов конституционного контроля публикуются в авторской редакции.

Ответственность за достоверность фактов и сведений, содержащихся в публикациях, несут авторы.